

В. В. Блинова
Р. Р. Хисамутдинова

ВЕЛИКАЯ
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА
И ОРГАНЫ

Н
К
В
Д

ЮЖНОГО УРАЛА

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

ГОУ ВПО «ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

В. В. Блинова, Р. Р. Хисамутдинова

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
И ОРГАНЫ НКВД ЮЖНОГО УРАЛА

Оренбург
Издательство ОГПУ
2007

УДК 351.74(470.55/.58)(091)«1941/1945»

ББК 67.401.213

Б69

Рецензенты

А. В. Фёдорова, доктор исторических наук, профессор

Р. Р. Магомедов, доктор исторических наук, профессор

Блинова, В. В.

Б69 **Великая Отечественная война и органы НКВД Южного Урала** / В. В. Блинова, Р. Р. Хисамутдинова ; Мин-во образования и науки РФ, Федер. агентство по образованию, Оренб. гос. пед. ун-т. — Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2007. — 224 с.
ISBN 978-5-85859-370-6

Монография построена на значительном документальном материале, который в большинстве своем впервые вводится в научный оборот. В работе анализируется разносторонняя деятельность органов НКВД Южного Урала в годы Великой Отечественной войны. В центре внимания — борьба органов НКВД с воинскими преступлениями, бандитизмом, антисоветскими слухами, актами диверсий, экономической преступностью, детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью несовершеннолетних.

УДК 351.74(470.55/.58)(091)«1941/1945»

ББК 67.401.213

ISBN 978-5-85859-370-6

© Блинова В. В., Хисамутдинова Р. Р., 2007
© Оформление. Изд-во ОГПУ, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ НКВД ЮЖНОГО УРАЛА ПО ПРЕСЕЧЕНИЮ ОСОБО ОПАСНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	24
1.1. Борьба с воинскими преступлениями (дезертирство, уклонение от мобилизации)	30
1.2. Роль органов НКВД в ликвидации бандитизма	58
1.3. Пресечение антисоветской агитации и пропаганды, негативных слухов и диверсионных актов	75
2. БОРЬБА ОРГАНОВ НКВД ЮЖНОГО УРАЛА С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ И ПОДРОСТКОВЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	106
2.1. Вклад органов НКВД в ликвидацию экономических преступлений	106
2.2. Роль органов милиции в решении проблемы детской беспризорности, безнадзорности и преступности несовершеннолетних	135
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	182
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	188
ПРИЛОЖЕНИЯ	213
<i>Приложение 1. ТАБЛИЦЫ</i>	214
<i>Приложение 2. ДИАГРАММЫ</i>	219
<i>Приложение 3. БИОГРАФИИ</i>	221

ВВЕДЕНИЕ

Победа советского народа в Великой Отечественной войне имеет огромное значение не только для российского государства, но и для всего мира, который был спасен от фашизма, поэтому история войны всегда находится в центре внимания исследователей. Одну из главных ролей в обеспечении безопасной жизнедеятельности тыла играл Народный комиссариат внутренних дел (НКВД). В годы Великой Отечественной войны органам правопорядка пришлось решать задачи, которые не были свойственны для мирной жизни: ликвидация воинских преступлений (дезертирство и уклонение от мобилизации), бандитских групп, паникеров и диверсантов, борьба с распространителями провокационных слухов, с хищениями социалистической собственности и спекуляцией, обеспечение безопасной эвакуации населения и промышленных предприятий. Большое распространение в годы войны получает детская беспризорность, безнадзорность и преступность несовершеннолетних, с которыми органы внутренних дел справлялись на достаточно высоком уровне.

В современных условиях роста преступлений, совершаемых подростками, увеличения числа беспризорных и безнадзорных детей возрастает роль органов внутренних дел. В связи с этим представляет несомненный интерес изучение опыта деятельности органов НКВД в экстремальных условиях войны, когда указанные проблемы в основном успешно ими решались. Кроме того, необходимо учитывать как позитивный, так и негативный опыт военных лет для укрепления российской государственности и целостности страны. Исследование деятельности органов внутренних дел в период войны позволит вскрыть причины ошибок, избежать их повторения, а также будет способствовать поиску более эффективных форм и методов работы органов правопорядка в современной России. В то же время деятельность органов НКВД южноуральского региона в период Великой

Отечественной войны до сих пор не получила всестороннего освещения, а отдельные аспекты темы остаются недостаточно изученными. В предлагаемой читателю монографии делается попытка осветить указанную проблему. Книга является результатом многолетних исследований автора. Хронологические рамки работы охватывают период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). В эти тяжелые годы работа органов НКВД приобрела ряд специфических черт, характерных только для военного времени. Территорией исследования избран Южный Урал. В годы Великой Отечественной войны в состав региона входили четыре административно-территориальные единицы: Башкирская АССР (ныне Республика Башкортостан), Курганская (до 1943 г. находилась в составе Челябинской), Челябинская и Чкаловская (ныне Оренбургская) области, близкие по природно-географическим условиям, экономическим и социокультурным особенностям развития.

Вслед за другими уральскими исследователями¹ в историографии Великой Отечественной войны, в том числе и деятельности органов НКВД, мы выделяем два периода. Первый, продолжавшийся с 1941 г. до рубежа 1980—1990-х годов, — советский период исторических исследований. В нем можно выделить этапы «сталинизма», «оттепели» и «застоя», однако их границы для характеристики концептуальной направленности работ принципиального значения не имеют, поскольку все труды строились на основе единой методологической модели, в них господствовала официальная концепция.

Второй период (с рубежа 1980—1990-х гг. до наших дней) может быть определен как постсоветский. В эти годы в стране в корне изменилась политическая и социально-экономическая ситуация, исчез идеологический пресс со стороны КПСС, который оказывал влияние на развитие исторической науки.

На первом этапе советского периода историки находились под влиянием культа личности Сталина. Вся история

писалась на основе его работы «О Великой Отечественной войне Советского Союза» (1942), которую трудно оценить с историографических позиций, так как она, по утверждению Б. А. Томана², содержит ряд изначально неверных положений, которые, тем не менее, длительное время тиражировались в исторических трудах.

Публикации военных лет нельзя назвать чисто историческими — они носили научно-прикладной и пропагандистский характер и выполняли в основном задачи агитационного характера, отличались констатацией фактов. Однако некоторые аспекты деятельности органов НКВД в годы Великой Отечественной войны нашли в них определенное отражение. Появились исследования, раскрывающие мужество, самоотверженность и героизм сотрудников НКВД. Особенность данных книг — ярко выраженная патриотическая направленность³. Многие работы военного времени выходили в виде памяток, докладов, брошюр, писем⁴. Данные публикации носили односторонний характер, так как в них деятельность органов НКВД оценивалась исключительно позитивно. Для подобных изданий характерны схематизм, обилие цитат, отсутствие обобщающих данных, слабая источниковая база. Однако ценность этих работ несомненна: наряду с фактическим материалом они позволяют исследователям проникнуться духом военного времени.

В послевоенное десятилетие данная проблема в исторической литературе не затрагивалась.

После XX съезда КПСС, со второй половины 1950-х годов, начинается активная разработка многих проблем отечественной истории, в том числе и органов внутренних дел. Это произошло во многом благодаря тому, что именно в указанный период ученые получили определенный доступ к партийным и государственным архивам, что дало возможность приступить к специальному изучению деятельности органов НКВД. Так, в 1957 г. вышел сборник «Труды Высшей школы МВД СССР», в котором были обобщены работы историков в сфере изучения деятельности органов

правопорядка в годы советской власти, в том числе в период Великой Отечественной войны. Данный труд отличается привлечением широкой источниковой базы, а также постановкой вопроса о роли органов внутренних дел в системе государственной власти в военные годы.

Весомый вклад в изучение деятельности органов правопорядка в годы Великой Отечественной войны внесли работы М. И. Еропкина, С. В. Биленко, Н. В. Максименко. В их исследованиях достаточно много внимания уделяется ратному подвигу сотрудников органов внутренних дел в тылу и на фронте⁵. В монографии М. И. Еропкина освещается весь путь, пройденный советской милицией с 1917 по 1967 г. Одна из глав посвящена работе органов правопорядка в военный период. Особое внимание в книге уделено деятельности милиции в блокадном Ленинграде и в дни Московской битвы. Отметим, что в названных исследованиях правильность проводимого в стране курса и деятельность органов внутренних дел не критиковались и не оспаривались.

В конце 1960-х гг. выходят в свет работы, посвященные истребительным батальонам, которые находились в ведении НКВД СССР⁶. Истребительные батальоны обеспечивали охрану важнейших государственных объектов: предприятий промышленности, транспорта и других отраслей народного хозяйства.

Более интенсивное изучение деятельности органов внутренних дел историками и юристами начинается в 1970—1980-е гг. В этот период выходят первые обобщающие труды, посвященные истории советской милиции⁷. В данных исследованиях в отдельных главах рассматривается деятельность органов правопорядка в период Великой Отечественной войны. Основное внимание в указанных работах уделено реорганизации органов внутренних дел в годы войны, а также подвигу работников милиции в тылу и на фронте. Недостатком этих трудов является представление о советской милиции как о подлинно демократической

структуре в государственном устройстве СССР. Стиль изложения несет на себе характерный отпечаток того исторического периода, в котором они были написаны. Вместе с тем в них впервые широко раскрываются такие проблемы, как борьба с экономическими преступлениями (спекуляция, хищение социалистической собственности), ликвидация детской беспризорности, безнадзорности. К сожалению, деятельность органов НКВД Южного Урала в указанных работах не представлена.

На данном этапе происходит разработка темы и в региональном масштабе. В 1977 г. в Оренбурге вышла первая обобщающая работа, раскрывающая деятельность оренбургской милиции с момента образования в 1918 г. Военно-революционного комитета⁸. Особое место уделено деятельности советской милиции в годы Великой Отечественной войны. В исследовании в основном описываются боевые подвиги сотрудников милиции, деятельность органов внутренних дел Чкаловской области по пресечению хищений социалистической собственности. В то же время ряд других аспектов работы органов правопорядка не получили освещения.

Приходим к выводу, что советский этап характеризуется выделением преимущественно положительных сторон деятельности органов НКВД, связан с накоплением знаний по данной теме, появлением трудов общесоюзного значения. Главным образом поднимались вопросы, освещающие подвиг сотрудников органов НКВД в тылу и на фронте, экономической преступности, затрагивался вопрос по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью. В работах советского периода показана реорганизация органов НКВД в условиях военного времени. Однако комплексных исследований по истории деятельности органов НКВД в годы Великой Отечественной войны, в том числе и на Южном Урале, не проводилось. Ряд других проблем: ликвидация воинских преступлений (дезертирство, уклонение от мобилизации), пресечение негативных слухов, ак-

тов диверсий и т.д., — не нашли отражения в исторической литературе.

Второй период в изучении проблемы связан с кардинальными переменами, произошедшими в стране на рубеже 1980—1990-х гг. Во-первых, стали доступными ранее закрытые архивные фонды. Во-вторых, оформились новые концептуальные подходы к изучению истории войны. В связи с этим активизируется процесс изучения деятельности НКВД СССР. Появились труды обобщающего характера, в которых предпринимаются первые шаги по рассмотрению и осмыслению многовекового опыта деятельности органов внутренних дел России⁹.

Защита советского тыла от вражеской агентуры достаточно глубоко освещена в исследованиях Г. А. Куманева, А. С. Чайковского¹⁰. В работах этих авторов рассматривается боевая деятельность сотрудников органов НКВД на территории Украины, где в годы Великой Отечественной войны действовала широкая сеть фашистской агентуры.

Однако главной темой в отечественной и зарубежной историографии в конце 1980-х гг. стали массовые репрессии в Советском Союзе. В связи с этим историками и публицистами начинает разрабатываться история Министерства внутренних дел (МВД) — НКВД в политических портретах ее руководителей, и в первую очередь Л. П. Берия¹¹. Необходимо отметить, что главным инициатором разработки данной проблемы выступила сама коммунистическая партия. Причиной тому явилось обнаружение документов ранее засекреченных архивных фондов. Благодаря работам Н. Ф. Бугая, В. Н. Земскова, А. И. Вольхина стали известны многочисленные факты, например, о деятельности ГУЛАГа и о депортации народов¹².

Серьезные изменения в изучении деятельности органов правопорядка произошли в середине 1990-х гг. в связи с рассекречиванием архивов НКВД — МВД. В свет вышли публикации, которые затрагивали различные аспекты работы органов НКВД в годы Великой Отечественной войны.

Среди них выделяются исследования Ф. К. Ахмадеева, Н. А. Катаева, А. Г. Хабибуллина, Н. Г. Янгола, А. С. Смыкалина и других¹³, в которых анализируется процесс становления и развития органов внутренних дел и исправительно-трудовых учреждений страны. Публикации Н. Г. Янгола, А. В. Панфилец освещают работу органов внутренних дел Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Основное внимание уделено борьбе с особо опасными преступлениями.

Актуальные проблемы, касающиеся деятельности органов правопорядка советского периода и сегодняшней России, получили широкое отражение в трудах А. Я. Малыгина, Р. С. Мулукаева, В. В. Макеева и др.¹⁴ В них отражена деятельность органов НКВД в период Великой Отечественной войны, показаны боевые подвиги чекистов в тылу и на фронте.

В 1990-е гг. был защищен ряд диссертаций, посвященных деятельности органов НКВД в различных регионах страны. Значительное количество этих работ отражает деятельность ленинградской милиции в годы войны и послевоенный период¹⁵. В них рассматриваются: борьба с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью несовершеннолетних, ликвидация бандитизма, экономической преступности и другие аспекты.

Деятельность органов внутренних дел других областей страны в годы войны раскрывается в диссертациях Ю. Б. Порфирьева, В. Е. Мартианова, Л. Н. Бодерко и др.¹⁶ В данных исследованиях авторы затронули новые проблемы: участие милиции в общественно-политической жизни страны, ликвидации воинских преступлений, бандитизма; роль органов НКВД в политических репрессиях, взаимодействие контрразведки со структурами местных органов власти и населением и др. Особый интерес у исследователей вызывает тема, посвященная деятельности органов внутренних дел по пресечению детской беспризорности, безнадзорности и преступности несовершеннолетних, что обусловлено распространением данных явлений в современной России¹⁷.

В 2002 г. в РФ отмечалось 200-летие образования МВД, которое было создано 8 (20) сентября 1802 г. на основании Манифеста Александра I «Об учреждении министерств». В связи с этим событием выходит ряд исследовательских работ. Среди них выделяются книги В. В. Макеева¹⁸, в которых автор в хронологической последовательности изучает деятельность органов правопорядка, начиная с формирования Министерства внутренних дел вплоть до современного этапа, уделяя большое внимание и военным годам.

Значительный научный интерес представляет монография Р. Б. Германа о деятельности российской милиции в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период¹⁹. Автор проанализировал изменения законодательной базы, изучил процессы реформирования органов милиции в период Великой Отечественной войны и послевоенное время, осветил положительные и негативные стороны деятельности советской милиции. Большое внимание в этом исследовании уделено органам правопорядка Ростова-на-Дону.

Впервые в 2002 г. была издана энциклопедия «МВД России»²⁰, которая включает около 1000 статей. Они содержат информацию о структурных подразделениях органов МВД и их деятельности, об истории становления, о формировании и действии уголовно-исполнительной системы, о развитии в России пожарного дела и организации работы противопожарной службы. Здесь представлены списки сотрудников, удостоенных званий Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда. Особое место отводится биографическим статьям. К сожалению, органы НКВД Южного Урала в энциклопедии не представлены.

Существенным вкладом в разработку указанной проблемы стало издание обобщающих трудов по истории правоохранительных органов в начале XXI века²¹. В них впервые история МВД рассматривается на протяжении 100—200 лет его деятельности, содержится ценный фактологический материал. В данных книгах показана структура и реорганизация органов внутренних дел, в том числе в

период Великой Отечественной войны, работа по обеспечению правопорядка в стране, участие сотрудников органов НКВД в боевых действиях на фронтах войны и другие аспекты. Однако эти обобщающие труды во многом дублируют друг друга и не касаются деятельности органов внутренних дел Южного Урала в годы Великой Отечественной войны.

В числе крупных научных работ по изучаемой теме — докторская диссертация А. И. Вольхина²². На основе мощной источниковой базы автор исследует организационную структуру и кадровый состав органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири, роль органов НКВД—НКГБ (Народного комиссариата государственной безопасности) в защите и укреплении экономического потенциала Урало-Сибирского региона, борьбу органов госбезопасности с разведывательно-подрывной деятельностью спецслужб фашистской Германии и Японии, акты диверсий, саботажа на объектах промышленных и сельскохозяйственных предприятий, борьбу с антисоветской агитацией и пропагандой, с террористическими актами и бандитизмом. Однако деятельность органов НКВД Южного Урала раскрыта недостаточно.

Вместе с тем на основе изучения литературы по исследуемой теме приходится констатировать, что на сегодняшний день в южноуральском регионе наиболее полно деятельность органов НКВД изучена в Челябинской и Чкаловской областях. Так, в 2002 г. вышла работа, посвященная деятельности милиции Челябинской области²³, в которой рассмотрены основные этапы ее становления. Отдельная глава отражает подвиг милиционеров в годы Великой Отечественной войны как в тылу, так и на фронте. В Оренбургской области вышло две книги²⁴, где в отдельных главах, которые написаны Р. Р. Хисамутдиновой, рассказывается о деятельности органов НКВД в период Великой Отечественной войны²⁵. В них освещаются основные аспекты деятельности органов НКВД Чкаловской области в военный период, в том числе борьба с дезертирством, бандитизмом,

спекуляцией, хищениями социалистической собственности и другие. Но проблема борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и детской преступностью, кадровая политика не получили отражения.

Особо отметим исследование О. В. Вепрева и В. В. Лютова, в котором рассматривается деятельность органов государственной безопасности Челябинской области на протяжении трех веков²⁶. Одна глава этой книги освещает в основном подвиг чекистов в тылу и на фронте в период войны.

Существенный вклад в изучение работы прокуратуры внесло исследование С. Ю. Салминой²⁷, в котором в отдельной главе рассмотрена деятельность прокуратуры Челябинской области в период Великой Отечественной войны. Автор уделяет внимание заботе органов прокурорского надзора о людях, эвакуированных на Южный Урал, борьбе с хищениями социалистической собственности, актами людоведства. Особое внимание уделено воспоминаниям ветеранов прокуратуры Челябинской области.

Значительный интерес для исследователей представляет работа, посвященная борьбе с преступностью прокуратуры БАССР. Однако тема о деятельности прокуратуры в годы Великой Отечественной войны лишь заявлена²⁸. Работа прокуратуры Чкаловской области в военный период освещена А. В. Фёдоровой в третьей главе книги, посвященной становлению и развитию прокуратуры Оренбуржья с 1775 года²⁹. В ней опубликованы воспоминания сотрудников прокуратуры, представлены приказы прокурора Чкаловской области периода Великой Отечественной войны.

Отдельные аспекты работы прокуратуры и органов НКВД Чкаловской области в военные годы рассматриваются О. И. Фёдоровой³⁰. Исследователь концентрирует внимание на борьбе со спекуляцией в Чкаловской области в начальный период войны.

Определенный вклад в исследование проблем детской беспризорности, безнадзорности и преступности несовершеннолетних внесли

шеннолетних внесли работы Э. Б. Мельниковой, которая освещает данную тему начиная с царского времени и заканчивая современностью³¹. Однако вне поля зрения автора остается решение этой задачи органами НКВД в военный период.

Несомненный интерес для нашего исследования представляют статьи Н. П. Палецких, в которых показана работа общественных, комсомольских и партийных организаций Урала по пресечению детской беспризорности, безнадзорности и детской преступности. Деятельность органов милиции в этом направлении не рассматривается³².

В диссертационном исследовании С. В. Романович³³ отражена проблема детской беспризорности, безнадзорности на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны и работа партийных, комсомольских организаций по ее решению. Эпизодически затрагивается деятельность детских приемников-распределителей (ДПР), воспитательно-трудовых колоний (ВТК), детских комнат милиции. Даются неполные цифры количества задержанных беспризорных и безнадзорных детей в военные годы на Южном Урале. Территориальные рамки исследования ограничены Челябинской, Чкаловской и Курганской областями. В сферу внимания автора не попала Башкирская АССР.

В отличие от Челябинской и Чкаловской областей в Курганской области и Республике Башкортостан проблема деятельности органов НКВД не нашла широкого освещения в научных исследованиях. Борьба с дезертирством и бандитизмом, ликвидация беспризорности, безнадзорности и детской преступности в годы войны в Курганской области частично рассматриваются в ряде публикаций³⁴.

Несомненный интерес представляет книга о ветеранских организациях Башкортостана, где в отдельной главе рассказывается о ветеранской организации чекистов — участников войны, приведены их воспоминания³⁵.

К 60-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге,

Оренбурге и других городах прошли международные, все-российские, региональные и областные конференции. В ряде статей исследователи затрагивали деятельность органов внутренних дел не только в военный, но и в послевоенный период³⁶.

Анализ опубликованной литературы показывает, что историками достигнуты позитивные результаты в исследовании деятельности органов НКВД. Однако данная тема недостаточно разработана в региональной историографии. Слабо изучены на материалах Южного Урала такие вопросы, как ликвидация детской беспризорности, безнадзорности и преступности несовершеннолетних, бандформирований, воинских преступлений и др. Проведенный историографический анализ позволяет сделать вывод, что потребность в изучении деятельности органов НКВД Южного Урала в годы Великой Отечественной войны по реализации правоохранительной политики государства очевидна.

Исследование опирается на широкий круг источников: неопубликованные архивные материалы, опубликованные документальные памятники, государственно-партийные документы, периодическую печать. Основную информационную нагрузку несут неопубликованные архивные материалы, выявленные в 24-х фондах восьми центральных и южноуральских архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), Центра документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО), Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО), Государственного архива общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО), Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан (ЦГИАРБ), Центрального государственного архива общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАООРБ), а также в фондах музея УВД Оренбургской области.

В архивах изучались фонды ЦК ВКП(б), Прокуратуры, Главного управления милиции, народного образования, областных военкоматов. В местных областных и республиканском центрах документации новейшей истории содержатся отчеты, справки, докладные записки, материалы партийно-советских архивов. Благодаря архивным материалам удалось воссоздать достаточно полную картину деятельности органов НКВД в годы Великой Отечественной войны. Документы государственных архивов позволяют определить основные направления в реализации правоохранительной политики на Южном Урале: ликвидация особо опасных преступлений (воинские преступления, бандитизм, диверсии и т.д.), поддержание экономической стабильности государства, пресечение детской беспризорности, безнадзорности и преступности несовершеннолетних.

Ценные сведения о деятельности органов НКВД содержатся в ГАРФ. В фонде Главного управления милиции (Ф. Р-9415) имеются материалы, раскрывающие работу правоохранительных органов по ликвидации воинских преступлений, бандитизма, экономической преступности (спекуляция, хищения социалистической собственности), борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью. Материалы фонда Р-9412 (Отдел детских трудовых и воспитательных колоний МВД СССР) позволяют проследить работу органов НКВД по пресечению беспризорности, безнадзорности и преступности несовершеннолетних. В них дается характеристика преступности, анализируется деятельность детских трудовых колоний, детских приемников-распределителей и т.д. Определенный интерес для исследователей представляет фонд Р-9478 Главного управления по борьбе с бандитизмом МВД СССР, в котором содержатся подробные доклады, справки, отчеты о ликвидации бандитских группировок, а также дезертирства на территории Советского Союза, в том числе на Южном Урале в военный период. Сведения о работе Прокуратуры СССР сконцентрированы в фонде Р-8131.

Материалы РГАСПИ (Ф. 17) дополнили общую картину о борьбе органов НКВД с контрреволюционными преступлениями (слухи, саботаж и т.д.).

Интересные сведения получены из фондов партийных организаций районов, городов, областей Южного Урала: ЦДНИОО (Ф. 267, 371, 748 и др.), ОГАЧО (П-92, П-288, Ф. П-485), ГАОПДКО (Ф. 166), ЦГАООРБ (Ф. 122, 342). Здесь отложились информационные сводки управлений милиции по борьбе с преступностью, сообщения военных прокуроров, докладные записки о состоянии работы коллегий адвокатов, приказы прокуроров и т.д. Источники данного вида позволили определить задачи, которые приходилось решать органам советской власти в военные годы в области правоохранительной политики, выявить приоритетные направления деятельности органов НКВД.

В ГАОО был привлечен фонд Оренбургской областной прокуратуры (Р-1308), в котором имеются квартальные и годовые отчеты о работе прокуратуры, милиции, представлены постановления Пленума Верховного суда СССР, приказы и указания Прокурора СССР и РСФСР, директивные указания прокурора области. В ОГАЧО использован фонд Военной прокуратуры (Р-1317), в котором хранятся доклады, обзоры, информационные письма, содержащие сведения о работе Военной прокуратуры.

Работа Оренбургского областного военкомата нашла свое отражение в материалах фонда Р-2843. Важные документальные сведения извлечены из фонда Р-1014 Исполнительного комитета Чкаловского областного совета депутатов трудящихся, в котором содержатся докладные записки, сведения, сводки, переписка о борьбе с преступностью в области, а также оперативные сводки о совершенных и раскрытых преступлениях в городах и районах; переписка с органами НКВД по проверке граждан, противопожарным мероприятиям, хозяйственно-административным вопросам; спецсообщения.

Однако всю совокупность источниковой базы по представленной теме рассмотреть не удалось. Это связано с тем, что фонды архивов ФСБ закрыты для исследователей (в частности, в Оренбургской области). Значительная часть материалов, посвященных деятельности органов НКВД в годы Великой Отечественной войны, хранящихся в архивах, остается засекреченной и недоступной для широкого круга историков.

При работе над книгой использовались опубликованные сборники документов³⁷. Главное внимание в них уделено документам, которые освещают руководящую роль партии и советского правительства по оказанию помощи детям, детским учреждениям. В сборниках, вышедших в военные годы, были опубликованы решения советских, военных и партийных органов по вопросам обороны страны, постановления и другие нормативные документы, регламентирующие деятельность органов правопорядка³⁸.

Определенный интерес представляют периодические издания, которые значительно обогащают фактологическую базу книги. Анализу подвергнуто 7 изданий — центральные, республиканские, областные, ведомственные газеты («Правда»; «Знамя коммуны» — Абдулинский район Чкаловской области; «Орский рабочий»; «Чкаловская коммуна»; «Челябинский рабочий»; «Красная Башкирия»; «Революционный порядок»). В них нашла отражение деятельность судов в борьбе против спекулянтов, расхитителей социалистической собственности, в ликвидации бандитских группировок. В то же время в газетах военных лет не было опубликовано ни одной статьи, где освещалась бы проблема воинских преступлений, диверсий и т.д., поскольку пресса военной поры должна была поддерживать веру народа в победу над врагом. Одним из недостатков газетных публикаций является всегда положительное освещение тех или иных вопросов, что требует критического отношения к данному источнику.

Значимый материал по теме был извлечен автором из фондов музея УВД г. Оренбурга, в которых хранятся воспо-

минания сотрудников органов внутренних дел, подлинники документов о перестройке деятельности милиции в период войны, письма с фронта и т.д.

Изучение источников в комплексе позволило проанализировать деятельность органов НКВД в борьбе с преступностью в сложные годы Великой Отечественной войны.

Примечания

1. Палецких Н. П. Социальная политика Советского государства на Урале в период Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 1996. С. 10—11; Корнилов Г. Е. Историкография истории Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал в стратегии второй мировой войны : материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2000. С. 23; Вольхин А. И. Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2001; Хисамутдинова Р. Р. Аграрная политика Советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 — март 1953 г.). Оренбург, 2003. С. 6—7.

2. Томан Б. А. Новое фундаментальное издание по истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2000. № 6. С. 5.

3. Бойцы войск НКВД на фронтах Отечественной войны. М., 1942; Подвиги чекистов. М., 1942 и др.

4. Обзор работы следователей Чкаловской области за 1943 г. Чкалов, 1943; О работе органов прокуратуры Чкаловской области по борьбе с преступлениями руководящих работников колхозов и сельсоветов за первое полугодие 1944 г. Чкалов, 1944; Информационное письмо о работе молодых следователей Чкаловской области за 1944 г. Чкалов, 1944 и др.

5. Биленко С. В. Из истории советской милиции в годы Великой Отечественной войны. Материалы к лекциям. М., 1967; Биленко С. В., Максименко Н. П. Этапы развития советской милиции. М., 1972; Еропкин М. И. Развитие органов милиции в Советском государстве. М., 1967.

6. Банников Ф. Г. Истребительные батальоны НКВД СССР в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.). М., 1968; Биленко С. В. Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне. М., 1969 и др.

7. История советской милиции : в 2 т. М., 1977; Советская милиция: история и современность. М., 1987 и др.

8. Страницы истории Оренбургской милиции. Оренбург, 1977.

9. Полиция и милиция России: страницы истории / А. В. Борисов [и др.]. М., 1995; Органы и войска МВД России: краткий исторический очерк / В. Ф. Некрасов, А. В. Борисов. М., 1996.

10. Куманев Г. А., Чайковский А. С. Чекисты стояли насмерть: боевая деятельность воинов-чекистов на Украине в годы Великой Отечественной войны. Киев, 1989.

11. Дмитриев П. Ф. Солдат Берии: воспоминания лагерного охранника. Л., 1991; Некрасов В. Ф. Тринадцать «железных» наркомов. М., 1995 и др.

12. Земсков В. Н. ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10—27; Его же. Спецпоселенцы (по документации НКВД — МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3—17; Его же. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 3—26; Его же. Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960. М., 2005; Бугай Н. Ф. Депортация народов СССР. М., 1992; Бугай Н. Ф., О Сон Хван. Испытание временем: Российские корейцы в оценках дипломатов и политиков. Конец XX — начало XXI в. М., 2004; Бугай Н. Ф., Сим Хон Ёнг. Общественные объединения корейцев в России: конститутивность, эволюция, признание. М., 2004; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2005; Вольхин А. И. Роль органов госбезопасности в реализации спецпоселенческой политики советского государства в 1930—40-х гг. (На материалах Урала и Сибири) // Урал в прошлом и настоящем: материалы науч. конф. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 401—403 и др.

13. Ахмадеев Ф. Х., Катаев Н. А., Хабибуллин А. Г. Становление и развитие органов советской милиции и исправительно-трудовых учреждений. Уфа, 1993; Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы Советской России. Екатеринбург, 1997; Янгол Н. Г. Органы внутренних дел Ленинграда в годы Великой Отечественной войны и войска МВД России (Историко-правовой аспект). Л., 1998 и др.

14. Советская милиция. История и современность 1917—1987 / под ред. А. В. Власова. М., 1987; Мальгин А. Я., Мулукаев Р. С. Развитие конституционно-правовых основ организации и деятельности органов внутренних дел. М., 1988; Макеев В. В. Становление и развитие советской милиции. Ростов-на-Дону, 1990 и др.

15. Смирнова Н. В. Деятельность органов Управления НКВД — МВД в борьбе с детской преступностью и безнадзорностью в Ленинграде и Ленинградской области (1941—1949 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1992; Питеркин И. В. Деятельность органов милиции и пожарной охраны управления НКВД Ленинграда в условиях обороны города (июнь 1941 — январь 1944 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994; Белоозеров Б. П. Войска и органы НКВД в обороне Ленинграда, июль 1941 — январь 1944 г.: Историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996; Панфилец А. В. Ленинградская милиция в годы блокады (сентябрь 1941 — январь 1944 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.

16. Овчинников С. А. Контрразведка Поволжья в системе общественно-политических структур безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1995; Мартианов В. Е. Органы НКВД Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937—1945 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1998; Бодерко Л. Н. Милиция Западной Сибири в 1930—1956 годах (На материалах Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областей) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 1999; Герман Р. Б. Организационно-правовые основы деятельности российской милиции по охране общественного порядка в борьбе с преступностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, 1941—1960 гг. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1999; Порфирьев Ю. Б. Органы внутренних дел в Кировской области в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2000; Цыплин В. Г. Деятельность войск НКВД по охране тыла действующей армии в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2000; Верютин Д. В. Деятельность органов НКВД на территории Центрального Черноземья накануне и в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2002; Тодкойнов А. Н. Органы НКВД Краснодарского края в Великой Отечественной войне: 1941—1945 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004 и др.

17. Ермаков Е. Г. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941—1950 гг.): историко-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; Жилияева С. К. Организационно-правовые основы борьбы орловской милиции с детской беспризорностью и преступностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941—1951 гг.): Историко-правовые исследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2004; Романович С. В. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2006.

18. Макеев В. В. Милиция Российской Федерации: история и современность. Хронологический справочник. Ростов-на-Дону, 1997; Он же. История милиции России (знаменательные даты, события). Ростов-на-Дону, 1998.

19. Герман Р. Б. Деятельность российской милиции в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941—1960 гг.). Ростов-на-Дону, 2000.

20. МВД России. Энциклопедия. М., 2002.

21. Министерство внутренних дел России: страницы истории (1802—2002 гг.) : сб. / под ред. В. П. Сальникова. СПб., 2001; Министерство внутренних дел России. Исторический очерк. М., 2004.

22. Вольхин А. И. Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2001.

23. Милиция Челябинской области: страницы истории 1802—2002. Челябинск, 2002.

24. История управления внутренних дел Оренбургской области. Оренбург, 2002; Третий век на страже правопорядка: очерки истории оренбургской милиции. Оренбург, 2005.

25. Хисамутдинова Р. Р. Правоохранительные органы Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны // История управления внутренних дел Оренбургской области. Оренбург, 2002. С. 104—124; Ее же. Правоохранительные органы Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны // Третий век на страже правопорядка: очерки истории оренбургской милиции. Оренбург, 2005. С. 155—174.

26. Вепрев О. В., Лютов В. В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале. Челябинск, 2002.

27. Салмина С. Ю. Прокуратура Челябинской области: очерки истории. Челябинск, 2001.

28. Прокуратура против преступности: страницы истории. Уфа, 2001.

29. Прокуратура Оренбуржья. История и современность. Оренбург, 2002. С. 64—104.

30. Федорова О. И. Правоохранительные органы Южного Урала в годы Великой Отечественной войны // Тезисы докладов научно-практической конференции. Челябинск, 1995. С. 41—43.

31. Мельникова Э. Б. Правосудие по делам несовершеннолетних: история и современность. М., 1990.

32. Палецких Н. П. Социальная политика на Урале в годы Великой Отечественной войны // Южноуральцы на фронтах и в тылу. Челябинск, 1993. С. 129—136; Она же. Борьба с детской беспризорностью на Урале в годы Великой Отечественной войны // Тыл — фронту : материалы междунар. конф., посвящ. 60-летию победы. Челябинск, 2005. С. 214—218.

33. Романович С. В. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2006.

34. Финикова И. Г. Борьба с бандитизмом и дезертирством в Курганской области // Зыряновские чтения : материалы третьей межрегион. науч.-практ. конф. Курган, 2005; История культуры Южного Зауралья. Т. 2. Курган, 2002.

35. Ветераны Башкортостана / сост. А. И. Захаров. Уфа, 2005.

36. Зотова М. В. Органы государственной безопасности в начальный период Великой Отечественной войны // Мы выстояли и победили : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию Победы советского народа над фашистской Германией и милитаристской Японией / под

общ. ред. проф. В. С. Порохни. Смоленск, 2005. С. 305—309; Мартыненко С. В., Хисамутдинова Р. Р. Борьба правоохранительных органов Чкаловской области с послевоенной преступностью // Там же. С. 380—383; Мартыненко С. В. Борьба правоохранительных органов Чкаловской области с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью несовершеннолетних в послевоенные годы // Оренбуржье в годы Великой Отечественной войны : материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Оренбург, 2005. С. 46—57; Некрытый Е. В. Охрана общественного порядка и обеспечение безопасности граждан органами милиции Чкаловской области в послевоенные годы // Там же. С. 66—76; Мотрович В. П. Антисоветские листовки в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны // Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию Победы в Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 2005. С. 170—173; Хисамутдинова Р. Р., Мартыненко С. В. Борьба с преступностью в Чкаловской области после окончания Великой Отечественной войны (1945—1953 гг.) // IX Царскосельские чтения : всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2005. С. 181—183.

37. Огненные годы. Документы и материалы об участии комсомола в Великой Отечественной войне. М., 1977; Культурное строительство в Оренбуржье: документы и материалы 1942—1987. Челябинск, 1989; Эти детские военные годы. 1941—1945 : сб. документов и материалов / сост. Е. А. Каменкина и др. Челябинск, 2000; Женское лицо Победы: 100 документов о женщинах Челябинской области в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Челябинск, 2001; Тогда была война... 1941—1945 : сб. документов и материалов / под ред. А. П. Финадеева. Челябинск, 2005 и др.

38. Законодательные и административно-правовые акты военного времени: с 22-го июня 1941 г. по 22-е марта 1942 г. М., 1942; Сборник указов, постановлений, распоряжений и приказов военного времени. 1942—1943 гг. Л., 1944.

1. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ НКВД ЮЖНОГО УРАЛА ПО ПРЕСЕЧЕНИЮ ОСОБО ОПАСНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Весомый вклад в Победу над фашизмом внесли сотрудники органов НКВД Южного Урала, которые не только воевали на фронтах войны, но и в тылу боролись с преступностью, охраняя общественный порядок. Война закономерно привела к росту преступности, всплеск которой стал полной неожиданностью для многих граждан страны. Сотрудникам органов внутренних дел пришлось решать задачи, не свойственные для мирной жизни. К ним следует отнести борьбу с дезертирами и уклоняющимися от мобилизации, очистку городов и промышленных предприятий от преступных и антисоветски настроенных элементов, обеспечение безопасной эвакуации предприятий и граждан. Сотрудники органов НКВД боролись с паникерами и распространителями всякого рода провокационных слухов, пресекали хищения и спекуляцию. На них была возложена заградительная работа на железнодорожном и водном транспорте в связи с ограничением передвижения граждан в военное время.

26 июня 1941 г. по указанию НКВД СССР на железнодорожном и водном транспорте создавались специальные оперативные группы милиции с целью удаления с поездов незаконно проезжающих и выявления среди них дезертиров, мародеров и другого преступного элемента. В основном железнодорожная милиция занималась охраной военных грузов, оказанием помощи уполномоченным СНК СССР в организации погрузки, встречи и выгрузки эвакуированного населения и имущества, сопровождении

ем эшелонов с оборудованием и людьми, поддержанием общественного порядка на вокзалах и пунктах питания, информированием военного командования о появлении в местах эвакуации вражеских войск и парашютистов¹.

В стране проводились различные мероприятия для недопущения всплеска преступности. 7 июля 1941 г. Наркомат внутренних дел СССР принял директиву, требующую от личного состава органов милиции в любое время и в любой обстановке быть готовым к совместному или вместе с подразделениями Красной Армии выполнению боевых задач по ликвидации диверсионных групп, парашютных десантов и регулярных частей противника. Главное управление милиции НКВД СССР приняло решение о переводе работы наружной службы с трех смен на две — по 12 часов каждая. Отпуска сотрудникам в условиях войны отменялись². В Чкаловской области после сообщения по радио заместителя председателя СНК СССР В. М. Молотова весь личный состав перевели на казарменное положение. Наркомат внутренних дел Челябинской области перешел на работу в чрезвычайных условиях с конца июля 1941 г. Приказом по управлению НКВД на период войны отменялись отпуска, вводился ненормированный рабочий день, принимались меры по расширению сети бригад содействия милиции³.

Сразу после начала войны перед руководством спецслужб встала необходимость более тесной координации деятельности НКВД и НКГБ. Уже 22 июня 1941 г., в соответствии с указаниями наркомов госбезопасности и внутренних дел, на местах создаются специальные Оперативные штабы. В их состав входили заместители начальников УНКВД и УНКГБ области, начальник управления пожарной охраны УНКВД, начальник управления погранвойск или оперативных войск НКВД. Перед штабами стояла задача объединить все усилия по борьбе с вражеской агентурой и преступностью в одном органе, улучшить взаимодействия спецслужб по осуществлению правоохранительной деятельности. Но ситуация лета 1941 г. показала необхо-

димось более полного слияния органов госбезопасности и внутренних дел. 20 июля 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР об объединении Народного комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата государственной безопасности, существовавших с 1934 г. раздельно, в единый Наркомат внутренних дел. Наркомом внутренних дел остался Л. П. Берия, бывший нарком госбезопасности В. Н. Меркулов стал его первым заместителем. После объединения НКВД и НКГБ приказом по НКВД СССР от 31 июля 1941 г. была объявлена новая структура Центрального аппарата НКВД СССР:

- Секретариат НКВД СССР (начальник — С. С. Мамулов);

- Контрольно-инспекторская группа при Наркоме (Н. И. Павлов);

- Секретариат Особого совещания (ОСО) (В. В. Иванов);

- Оперативно-чекистские управления и отделы: 1 управление (разведка за границей) (П. М. Фитин), 2 управление (контрразведка) (П. В. Федотов), 3 управление (секретно-политическое) (Н. Д. Горлинский), Управление особых отделов (В. С. Абакумов), Транспортное управление (Н. И. Синегубов), Экономическое управление (П. Я. Мешик), Следчасть по особо важным делам (ОВД) (Л. Е. Владзимирский), 1 отдел (охрана правительства) (Н. С. Власик), 1 спецотдел (с/о) (Л. Ф. Баштаков), 2 с/о (опертехника) (Е. П. Лапшин), 3 с/о (обыски, аресты, наружное наблюдение) (П. М. Кубаткин), 4 с/о (ОТБ, ВЧ-связь) (В. А. Кравченко), 5 с/о (шифры) (И. Г. Шевелев), 6 с/о (Гохран) (В. Н. Владимиров);

- Административно-оперативные подразделения: Главное управление милиции (ГУМ) (А. Г. Галкин), Главное управление пожарной охраны (ГУПО) (П. М. Богданов), Главное управление местной противовоздушной обороны (ГУМПВО) (В. В. Осокин), Управление государственными архивами (УГА) (И. И. Никитинский), Тюремное управление (М. И. Никольский), Управление по делам военно-

пленных и интернированных (УПВИ) (П. К. Сопруненко), Управление коменданта Московского Кремля (УКМК) (Н. К. Спиридонов);

- Управления войск;
- Управления исправительно-трудовых лагерей;
- Административно-хозяйственные подразделения⁴.

Данная реорганизация позволила сосредоточить все меры по обеспечению общественного порядка и государственной безопасности в рамках одного ведомства. Это создавало условия для более успешной и результативной деятельности органов внутренних дел.

Реорганизованную структуру и штаты территориальных органов НКВД можно рассмотреть на примере Чкаловской области, которые в результате реформ, проведенных в связи с войной, выглядели в январе 1943 г. следующим образом:

- руководство состояло из 4-х человек. Начальником областного управления НКВД с 1938 по 1942 г. был полковник госбезопасности И. В. Бзырин (приложение 3, биография 1), с 1942 по 1949 г. этот пост занимал полковник госбезопасности В. И. Дмитриенко. В секретариат входило 2 человека;

- существовали отделы по борьбе с бандитизмом (ОББ) (начальник — майор госбезопасности Ф. Я. Баранов); оперативный отдел (начальник — капитан госбезопасности И. Н. Полозов); отделение контрразведки СМЕРШ (начальник — старший лейтенант госбезопасности Ф. М. Суравегин); отдел кадров (начальник — М. Г. Бывшев); административно-хозяйственный отдел (начальник — майор госбезопасности А. Н. Севастьянов); санчасть (начальник — военврач 2 ранга В. С. Колемин); финансовый (начальник — интендант 2 ранга С. Н. Судоргин); тюремный (начальник — капитан госбезопасности Е. П. Степанов); отдел госархивов (начальник — Т. М. Данилова); пожарной охраны (начальник — подполковник госбезопасности Д. Ф. Дудецких); исправительно-трудовых колоний (начальник —

капитан госбезопасности П. Е. Агафонов); отдел перевозок НКВД Оренбургской железной дороги (начальник — майор госбезопасности А. Н. Пономарев); управление милиции НКВД (заместитель начальника управления милиции — майор К. П. Лисичкин); политотдел (должность начальника являлась вакантной); уголовного розыска (начальник — майор милиции С. И. Коган); отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС) (начальник — старший лейтенант П. М. Дмитриенко) (приложение 3, биография 2); оперативный (начальник — старший лейтенант милиции Р. Г. Колосов); паспортно-регистрационный (начальник — капитан милиции П. С. Серых); госавтоинспекция (начальник — капитан милиции Б. Г. Чернышев);

- гор-, райотделений НКВД насчитывалось 52⁵.

Анализ данной структуры свидетельствует о том, что органы НКВД взяли под свой контроль все сферы общественной жизни, что давало возможность обеспечивать стабильность тыла, а также контролировать умонастроения различных социальных групп.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР в феврале 1943 г. из состава Челябинской области выделилась Курганская область, так как возникла необходимость совершенствования административно-территориального деления страны. В связи с этим 11 февраля 1943 г. было организовано УНКВД по Курганской области⁶, что имело как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, создание УНКВД по Курганской области дало возможность органам правопорядка более оперативно решать все проблемы, стоящие перед ними. С другой стороны, данная перестройка отняла достаточно много времени, отвлекла основные силы от борьбы с преступностью.

К 1943 г. ситуация меняется в связи с разгромом немецких войск под Сталинградом и переходом Красной Армии в наступление. Это означало, что в войне наступил коренной перелом. В это время перед сотрудниками госбезопасности

и внутренних дел встали новые задачи: воссоздание правоохранительной системы на ранее оккупированных территориях, выявление гитлеровских пособников, ликвидация банд, действовавших в освобожденных районах, и т.д. В данной ситуации фактическое подчинение органов внутренних дел подразделениям государственной безопасности стало явно нецелесообразным. В связи с этим в апреле 1943 г. Народный комиссариат внутренних дел СССР был разделен на три спецслужбы — НКВД, НКГБ и управление контрразведки «СМЕРШ», вошедшее в состав Наркомата обороны (НКО) СССР. Пост наркома внутренних дел сохранил за собой Л. П. Берия⁷.

Охрана общественного порядка в годы Великой Отечественной войны обеспечивалась: сетью наружных постов милиции, участковыми уполномоченными милиции, линейными оперуполномоченными транспортной милиции; патрулями, высылаемыми в ночное время по заранее разработанным маршрутам с обязательным периодическим обходом окраин города, территорий железнодорожных станций и т.д. В сельской местности охрана общественного порядка осуществлялась участковыми уполномоченными милиции, каждый из которых обслуживал территорию нескольких сельских советов с населением от 5 до 12 тыс. человек. В мирное время помощниками участковых уполномоченных на селе являлись сельские исполнители, но в связи с уходом большинства мужского населения в Красную Армию их численность сократилась. Сельскими исполнителями в военное время стали лица пожилых возрастов, а также подростки. В конце 1942 г. в каждом населенном пункте организовывались группы охраны общественного порядка. Они занимались проверкой документов всех посторонних лиц, появившихся на территории их населенного пункта; сопровождали задержанных в сельский совет или в НКВД; занимались охраной мостов, промышленных предприятий и других объектов⁸.

В работе по охране общественного порядка органы НКВД широко использовали помощь рабочих, служащих,

учащихся, из которых организовывались бригады содействия. Они либо совместно с работниками милиции, либо самостоятельно несли дежурство на постах, участвовали в патрулировании и обходах, привлекались к обеспечению порядка на вокзалах. По многим сообщениям доверенных лиц вскрывались групповые хищения зерна, государственного имущества, задержано большое количество дезертиров и т.д. Так, в Курганской области по сообщению доверенного лица Шмакова удалось вскрыть группу расхитителей колхозных овец в составе 4 человек. Всего преступная группа похитила 36 голов⁹.

Таким образом, в условиях военного времени происходила структурная перестройка органов НКВД, на них были возложены новые специфичные для военного времени задачи: борьба с воинскими преступлениями, диверсионными актами, со слухами, бандформированиями и т.д.

1.1. Борьба с воинскими преступлениями (дезертирство, уклонение от мобилизации)

Наиболее важной проблемой в годы Великой Отечественной войны стала борьба с такими видами воинских преступлений, как дезертирство и уклонение от мобилизации в Рабоче-крестьянскую Красную Армию (РККА) (ст. 193 УК РСФСР)¹⁰. Дезертирство (от лат. *desertor* — беглец, изменник) — умышленное самовольное оставление военнослужащими (военнообязанными при прохождении военных сборов или мобилизации) воинской части или места службы либо неявка на военную службу с целью уклонения от нее. Дезертирство является воинским преступлением. В первую очередь данное преступление связано с личными моральными, психологическими и боевыми качествами отдельных военнослужащих, их неподготовленностью к преодолению тягот воинской службы. Проявляется, как правило, в период общего снижения дисциплины, мораль-

30

ного духа войск. Этому могут способствовать, например, негативные явления в материально-бытовой сфере, национальных и социальных отношениях и др.¹¹

Условия военной службы в период Великой Отечественной войны возлагали на военнослужащего обязанность безотлучно находиться при своей части или в районе ее расположения. Расположением части считался район, охватываемый границей казарменного или лагерного расположения данной части. Самовольное оставление части или места службы как кратковременное (самовольная отлучка), так и более длительное (дезертирство) являлось дисциплинарным проступком или преступлением. Закон в годы Великой Отечественной войны устанавливал за самовольную отлучку и дезертирство для рядового и младшего начальствующего состава следующие наказания:

- за самовольную отлучку продолжительностью до 2 часов, совершенную в первый раз, — предание товарищескому суду или дисциплинарное взыскание (п. «а» ст. 193-7 УК РСФСР);

- за самовольную отлучку свыше двух часов, но не более одних суток — направление в дисциплинарный батальон на срок от шести месяцев до двух лет (п. «б» ст. 193-7 УК РСФСР);

- за самовольную отлучку во второй раз продолжительностью до двух часов или в первый раз продолжительностью от двух часов до одних суток, совершенную в военное время, — лишение свободы на срок от трех до семи лет (п. «в» ст. 193-7 УК РСФСР);

- за дезертирство (самовольная отлучка свыше суток) — лишение свободы на срок от 5 до 10 лет, а в военное время — расстрел с конфискацией имущества (п. «г» ст. 193-7 УК РСФСР).

Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 22 апреля 1943 г. дал указание о применении наказания за дезертирство в военное время. Согласно п. «г» ст. 193-7 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных

республик дезертирство в военное время влечет за собой расстрел с конфискацией имущества. Однако при наличии смягчающих обстоятельств (раскаяние подсудимого, явка с повинной и т.д.) суд может признать более целесообразным направить подсудимого на фронт¹².

Организация мер по борьбе с данным видом преступления возлагалась на органы НКВД. В задержании дезертиров принимали участие все службы милиции: паспортные столы в поисках дезертиров и уклоняющихся от службы при проведении мероприятий по поддержанию паспортного режима и учета военнообязанных; отделы службы и боевой подготовки — через организацию тыловых облав по выемке дезертиров с участием милиционеров, военнослужащих внутренних войск, сотрудников военных комендатур и т.д.; милиционеры наружной службы — во время повседневной деятельности. Особая роль отводилась уголовному розыску. Сотрудникам Отдела уголовного розыска (ОУР) и ОББ было поручено выявление дезертиров агентурно-оперативным путем. Семьи дезертиров ставились на оперативный учет, за ними устанавливалось агентурное наблюдение¹³.

6 декабря 1941 г. была издана директива НКВД СССР «О мероприятиях по борьбе с дезертирством», согласно которой наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей приказывалось лично наладить борьбу с дезертирством, организовав в населенных пунктах заслоны, дозоры и патрулирование, взяв под агентурный контроль вокзалы, пристани, железнодорожные станции, рестораны, столовые, систематически проверяя документы у сомнительных лиц, ежедекадно информируя НКВД СССР, крайкомы и обкомы ВКП(б) о результатах работы¹⁴. Нужно отметить, что призыв в Красную Армию в годы Великой Отечественной войны большинством населения Советского Союза воспринимался как патриотический долг каждого гражданина, наблюдалось массовое добровольное движение. Однако были и те, кто не хотел воевать.

В годы войны самовольно ушедшие с производства и «злостные прогульщики» считались «дезертирами трудового фронта». Ведь рабочие оборонных предприятий, так же как и военнослужащие, мобилизовывались военкоматами. 21 декабря 1941 г. был издан закон о введении военного положения на предприятиях, связанных с оборонным производством. Случаи самовольного оставления работы рассматривались не народными судами, а военными трибуналами. Дезертиров производства приговаривали на срок от 5 до 8 лет лишения свободы. Если в результате допущенной халатности на производстве происходили крупные аварии, то виновных приговаривали к расстрелу¹⁵. Например, в 1943 году в Челябинске сотрудники органов НКВД арестовали группу, участники которой, похищая с завода № 62 через работавших там канцелярских служащих бланки справок об увольнении с завода и о предоставлении отпуска для проезда за вещами, снабжали ими дезертиров с оборонных заводов. Только с одного предприятия по таким документам дезертировало более 300 человек¹⁶.

В период Великой Отечественной войны часто имели место случаи неявки в срок на призывной пункт РВК из-за бытовых причин. В результате домашних проводов часть людей, будучи пьяными, не являлись вовремя в назначенные сроки и отставали от формируемых частей, куда они направлялись. Отдельные лица этой категории также привлекались к ответственности. Некоторые обвиняемые уклонялись от мобилизации в ряды Красной Армии из-за страха быть убитыми или искалеченными. Некоторые лица в целях уклонения от призыва совершали растраты или даже производили членовредительство — отрубали пальцы, наносили себе ножевые и огнестрельные ранения¹⁷.

Особым видом уклонения от воинской службы считалось причинение себе телесного повреждения, симуляция болезни или иной обман (ст. 193-12 УК РСФСР). Под причинением себе какого-либо телесного повреждения понимались всевозможные виды причинения расстройств

здоровью или увечья, влекущие за собой постоянное или временное освобождение от военной службы. Уклонение от воинской службы путем симуляции болезни выразалось в заявлении о мнимой болезни, в симуляции физических дефектов или психических расстройств, также проявлялось в искусственном ухудшении или обострении действительно существующей болезни.

Уклонение от службы путем подлога документов заключалось в подделке подлинного документа либо в изготовлении поддельного, имеющего внешнее сходство с настоящим документом. Аналогичный результат достигался и сообщением заведомо ложных сведений, в силу чего могло последовать полное или временное освобождение от несения службы, представлением чужого документа вместо своего. За данный вид воинских преступлений предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет, если же преступление было совершено в военное время или в боевой обстановке — расстрел с конфискацией всего или части имущества¹⁸.

Например, органы прокуратуры Чкаловской области в конце 1942 г. в г. Орске задержали лейтенанта 237-й стрелковой дивизии К. А. Киселева и техника А. Д. Денисова. В ходе проведенного расследования было установлено, что весной 1942 г. с помощью машинистки Спитовского райвоенкомата Калининской области ими были похищены бланки со штампами этого райвоенкомата, а также бланки денежных и продовольственных аттестатов. Киселев и Денисов, заполняя бланки, подделывали свидетельства о болезни, справки об освобождении от службы сроком на 60 дней. Преступников привлекли к уголовной ответственности по статье 193-12 п. «в» УК РСФСР за уклонение в военное время от несения военной службы путем подлога документов¹⁹.

Усть-Уйским районным отделом НКВД (РО НКВД) Курганской области был задержан дезертир Красной Армии Е. А. Богданов, уроженец г. Ленинграда, он же П. И.

Яцков, уроженец г. Тамбова. 19 декабря 1943 г. он прибыл в с. Усть-Уйское, где подделал историю болезни, удостоверение, денежный и продовольственный аттестаты Омского эвакуационного госпиталя № 1494 на имя Богданова Е. А. На дне жестяной банки он нарисовал печать эвакогоспиталя и прикладывал ее к документу. В результате Богданову-Яцкову по фиктивному продовольственному аттестату удалось получить хлебную карточку, а по денежному — единовременное пособие в размере 150 руб. В ходе следствия было установлено, что Богданов-Яцков дезертировал из военной части № 231 при отправке на фронт со станции Лебяжье Курганской области. Он был арестован и привлечен к уголовной ответственности по ст. 193-7 п. «г» УК РСФСР (самовольная отлучка — дезертирство)²⁰.

В Секретарское РО НКВД Чкаловской области 27 июля 1942 г. колхозники доставили с ранением руки А. В. Молина. Он сообщил, что 27 июля в 9 часов вечера в лесу встретил двух дезертиров, которые пытались похитить его вещи, но Молин оказал им сопротивление. В ходе потасовки один из дезертиров выстрелил из винтовки и якобы ранил его в левую руку, после чего нападавшие скрылись. Однако в ходе проведенного расследования было установлено, что Молин с целью уклонения от призыва в Красную Армию 27 июля, взяв с собой винтовку, ушел в лес, где умышленно выстрелом из винтовки поранил себе руку и, чтобы избежать ответственности за членовредительство, инсценировал нападение на него дезертиров. Следствие сумело установить, что 27 декабря 1941 г. Секретарский райвоенкомат направил А. В. Молина в пехотное училище. Не желая учиться, он умышленно распространял о себе всевозможные слухи, в результате чего из училища был откомандирован²¹.

В феврале 1943 г. поступили данные о том, что группа военнообязанных, проживающих в колхозе им. Карла Маркса Петуховского района Курганской области, в целях уклонения от службы в Красной Армии, по сговору между собой занимались членовредительством путем впрыски-

вания керосина под кожу, втирания в глаза йодно-солевого раствора. В процессе проведенного расследования установлено, что Николай Тихонович Гранкин, находясь на фронте, в марте 1942 г. по совету сослуживца-санинструктора сделал подкожное впрыскивание керосина в кисть болевшей экземой руки. В результате Гранкину удалось уволиться из действующей армии со снятием с военного учета. Возвратившись домой, Николай Гранкин рассказал своему брату Василию о членовредительстве и предложил приобрести шприц. После того как шприц был приобретен Гранкиным, Николай сделал подкожное вливание керосина двум своим братьям Василию и Константину Гранкиным, которые подлежали призыву в РККА. Приобретая шприц через колхозника Тихона Михеевича Кобзева, Гранкины рассказали ему, как можно уклониться от призыва в армию. Кобзев первоначально осуществлял втирание в глаза раствора йода с керосином, а в октябре 1942 г. предложил колхознику Козуляеву Константину, чтобы последний отрубил ему пальцы руки. Получив с Кобзева 500 рублей и бруски, Козуляев отрубил ему три пальца правой руки. После возвращения из больницы Кобзев делал неоднократное впрыскивание керосина в больную руку. В результате проведенного органами внутренних дел расследования Гранкины, Кобзев, Козуляев были привлечены к уголовной ответственности²². Аналогичные случаи членовредительства были зафиксированы и в БАССР. Так, в Шаранский район Башкирской АССР после ранения прибыл красноармеец Хазеев, который проживал со своей семьей в деревне Н.-Зайтово. С целью уклонения от призыва Хазеев занимался членовредительством — шнуром перетягивал ногу выше колена, нога опухала, и врачи не признавали его годным к строевой службе. Для установления симуляции он был помещен в больницу²³.

Некоторые военнослужащие в целях уклонения от службы даже инсценировали собственную смерть. Так, 17 февраля 1942 г. в Орское РО НКВД Чкаловской области было заявлено об исчезновении во время купания на

реке Сакмара курсанта второго запасного стрелкового полка 11-й запасной стрелковой бригады Южно-Уральского военного округа (ЮЖУРВО) С. К. Решетова. Оперативными мероприятиями было установлено, что С. К. Решетов до службы в Красной Армии работал в г. Орске и имел знакомую Булычеву. При проверке квартиры Булычевой Решетова удалось задержать. При обыске у него обнаружили и изъяли пистолет «ТТ», комсомольскую карточку и красноармейскую книжку на имя курсанта той же воинской части Лихачева И. А., а также вещи, похищенные Решетовым у командного состава в Тоцких лагерях²⁴.

При анализе документов было установлено, что наибольшее количество дезертиров было задержано в 1941 г., когда Красная Армия отступала по всему фронту. Так, за вторую половину 1941 г. органами НКВД по Советскому Союзу задержано 710 755 дезертиров и 71 541 уклоняющийся от мобилизации в РККА, всего 782 296; по Южному Уралу — соответственно 1262, 439, 1701 человек, или 0,24% от показателей по стране. Из них дезертиров и уклоняющихся в Башкирской АССР — соответственно 188 и 210, в Чкаловской области — 792 и 229, в Челябинской области — 282 дезертира²⁵.

Первый случай дезертирства в Чкаловской области зарегистрирован уже 1 июля 1941 года, когда после разбега № 2 с военного поезда № 89 в 5 часов 56 минут на ходу прыгнул призванный в РККА М. М. Бабин.

В годы войны с поездов дезертировали не только отдельные военнослужащие, но и целые группы. Так, 16 июля 1941 г. на станции Бузулук Чкаловской области милиционерами Лоховым, Перевозчиковым и другими были задержаны 8 дезертиров. У них изъяли 3 винтовки, 1 автомат и боеприпасы к ним. 21 июля 1941 г. также на станции Бузулук удалось задержать 16 дезертиров²⁶.

Начиная с конца 1941 г. по стране отмечается снижение преступлений, предусмотренных статьей 193 УК РСФСР. Органы НКВД страны в 1942 г. задержали 140 912 дезер-

тиров и 76 192 уклоняющихся от мобилизации, всего — 217 104, на Южном Урале — соответственно 1750 и 2102, всего 3852 (1,8% от общих показателей), в том числе в Башкирской АССР — 940 и 1195, 2135, в Чкаловской области — 602 и 607, 1209, в Челябинской — 208 и 300, 508²⁷. Рост количества зарегистрированных военных преступников на Южном Урале можно объяснить тем, что среди дезертиров наибольшее количество составляли представители тыловых районов страны, которые бежали к себе на родину. Например, 15 июня 1942 г. вблизи поселка Акбулак Чкаловской области был ограблен и убит колхозник сельскохозяйственной артели «Жана Турмыс» Косыбаев. Грабитель, захватив лошадь, запряженную в бричку, скрылся в степи. Рано утром 17 июня подверглась ограблению колхозница Семененко. Грабитель в одежде красноармейца, вооруженный боевой винтовкой, забрав у нее продукты, пытался ее изнасиловать. К месту происшествия выехала оперативная группа работников милиции во главе с заместителем РО НКВД Акбулакского района Дементьевым. Вскоре оперативная группа в степи задержала грабителя. При задержании он оказал сопротивление и был ранен в правую руку. Задержанным оказался М. Н. Козиков, 1913 г. рождения, дезертировавший в ночь на 12 июня из части 92 ЗПС, дислоцированной вблизи города Чкалова. Сотрудники органов НКВД изъяли у него боевую винтовку со штыком и патронами и направили под усиленным конвоем в особый отдел части 92 ЗПС²⁸.

В связи с распространением рассматриваемого вида преступлений 19 марта 1942 г. выходит приказ прокурора Чкаловской области П. С. Ковалева (приложение 3, биография 3) № 115 «О прокурорском надзоре за деятельностью органов милиции в период военного времени», в котором говорится, что дела о воинских преступлениях должны рассматриваться в течение 24—28 часов²⁹. Однако данный срок при расследовании дел этой категории часто нарушался, так как необходимо было получить подтверждение от войсковых частей, откуда совершено дезертирство.

В годы войны имели место случаи дезертирства из военных училищ Южно-Уральского военного округа. Так, в сентябре — декабре 1942 г. покинули места несения службы 51 курсант шести пехотных и пулеметных училищ. Наибольшее количество беглецов пришлось на Башкирскую АССР³⁰.

Не удалось избежать воинских преступлений и при формировании различных соединений и частей. В среднем в период формирования соединений (весна 1942 г.) на каждое приходилось 6—8 случаев дезертирства. В марте 1942 г. маршал К. Ворошилов отметил как худших в этом вопросе 214-ю и 206-ю стрелковые дивизии, создаваемые на Южном Урале. В период войны перевозки пополнения по железной дороге организовывались не всегда должным образом. Например, из Тбилиси в 50-градусный мороз было направлено пополнение численностью 2388 человек, которое опоздало в пункт назначения на 20 суток. В пути эшелоны не обеспечивались топливом, медицинской помощью, в результате отстало в пути 178 человек, обморожено — 21 и умерло 2 человека. Пополнение 200-й стрелковой дивизии из Закавказского Военного округа (ЗакВО) было также плохо обеспечено питанием и теплом. Это привело к тому, что 23 человека по прибытии к месту формирования госпитализированы. В результате из данной дивизии дезертировало 6 человек. Осенью 1942 г. при реформировании 9-й гвардейской стрелковой дивизии в пос. Саракташ Чкаловской области ее подразделения самовольно оставили 9 военнослужащих³¹.

Распространению дезертирства способствовало сложное материальное и бытовое положение военнослужащих формируемых соединений и курсантов военных училищ, отсутствие понимания и произвол со стороны командования, превышение должностных полномочий. Данные факты имели место и во второй запасной стрелковой бригаде Чебаркульских лагерей. Например, капитан Берецкий, старший политрук Чередниченко вели свое подразделение с ра-

боты в деревню на ночлег. Должной заботы о подчиненных они не проявили и оставили их ночевать под открытым небом, в результате трое дезертировало³².

В 1942 г. были изданы основные приказы и директивы ГКО, НКВД об усилении борьбы с дезертирством и уклонением от мобилизации. Так, в соответствии с постановлением ГКО от 16 января 1942 г. № 1159 «О порядке передвижения военнообязанных в военное время и ответственности за уклонение от военного учета» органы НКВД СССР должны были организовывать систематическую проверку документов у граждан с целью выяснения их отношения к военной обязанности. Приказом НКВД СССР № 00167 от 24 января 1942 г. наркомам внутренних дел республик, начальникам краевых и областных управлений НКВД предложено в целях выявления лиц, уклоняющихся от призыва и мобилизации, производить во всех населенных пунктах, на путях сообщений периодическую проверку документов у граждан. Приказом НКВД СССР № 002264 от 14 октября 1942 г. руководство и контроль за работой органов НКВД по борьбе с дезертирством и уклонением от призыва и мобилизации были возложены на отдел НКВД СССР по борьбе с бандитизмом, а в НКВД — УНКВД на местах — на отделения (группы) по борьбе с бандитизмом.

С конца 1942 г. был принят ряд новых мер по усилению борьбы с дезертирством. В соответствии с постановлением ГКО № 2401 от 11 октября 1942 г. и приказом НКВД СССР № 002265 от 14 октября 1942 г. дезертиры, занимающиеся бандитизмом, вооруженными грабежами и контрреволюционной повстанческой деятельностью, подлежали с этого времени заочному осуждению, причем указанные преступления квалифицировались по статье 58-1 «б» УК РСФСР³³. На основании этого же приказа после осуждения дезертиров через Особое Совещание подлежали выселению их семьи³⁴. В декабре 1942 г. на места была разослана директива НКВД СССР «О мерах по усилению борьбы с бандитизмом и дезертирством». Наркомат в очередной

раз потребовал перестроить оперативную работу, вместо преследования бандитско-дезертирских групп силами войск и милиции приступить к внедрению в банды агентов, способных подвести их под оперативный удар. В местах действия бандитов и дезертиров предписывалось создавать специальную агентурно-осведомительную сеть из лесных объездчиков, охотников и чабанов, могущих обеспечить за ними необходимое наблюдение. Родственников и знакомых, укрывавших бандитов и дезертиров, следовало привлекать к уголовной ответственности. Чекистско-войсковые операции по ликвидации банд требовалось осуществлять в сочетании с агентурно-оперативными мероприятиями³⁵.

Всех дезертиров и вышедших из плена приказано было под конвоем отправлять в создаваемые в конце 1941 — начале 1942 г. спецлагеря НКВД для проверки. Так, в Чкаловской области они направлялись в Колтубановский лагерь НКВД. Спецлагерь НКВД, начальником которого являлся старший лейтенант Соколов, находился в 5 км от ст. Колтубанка Бузулукского района. На 27 февраля 1942 г. в лагере числилось 7500 заключенных, которые ютились в 187 летних палатках и 5 земляных бараках. Контингент лагеря состоял из лиц, вышедших из окружения, бывших в плену и возвратившихся при разных обстоятельствах, а также ранее дезертировавших из воинских частей и пребывавших на территории, временно занятой фашистскими оккупантами, бывших старост, полицейских и других лиц, личность которых подлежала выяснению. До тех пор пока не была сформирована специальная часть для содержания осужденных военнослужащих, подлежащих отправке на фронт, эти функции выполняли запасные стрелковые бригады, которые одновременно готовили солдат для стрелковых подразделений. Начиная с октября 1942 г. и до июня 1943 г. запасные стрелковые бригады самостоятельно комплектовали фронтовые батальоны и роты штрафников. К примеру, 13-я запасная стрелковая бригада (г. Чкалов и близлежащие районы) направила в октябре 1942 г. две роты в количестве

481 человека и в ноябре 1942 г. одну роту штрафников в составе 136 человек в состав Донского фронта.

Из соседней 11-й запасной стрелковой бригады (г. Бугуруслан) убыли на Донской фронт в октябре 1942 г. четыре роты штрафников в количестве 845 человек, в ноябре — две роты в составе 599 человек, в декабре — одна штрафная рота — 250 человек на Юго-Западный фронт и одна (250 осужденных) — на Донской.

Аналогичная ситуация складывалась на территории БАССР. 17-я запасная стрелковая бригада (пос. Алкино) в ноябре и декабре 1942 г. направила четыре штрафные роты (500 человек) на Донской и одну роту (252 человека) на Юго-Западный фронт. В июне 1943 г. 11-я запасная стрелковая бригада направила одну команду (160 человек) штрафников на Центральный фронт³⁶.

Дезертиры дестабилизировали обстановку в тыловых районах страны. Проживая на нелегальном положении, они занимались разбоями, грабежами, убийствами, кражами, вовлечением в преступные группы новых лиц. Так, в Челябинской области в июне 1942 г. была ликвидирована бандгруппа в составе 8 дезертиров из рядов Красной Армии, которая действовала в Лебяжьеvском районе и вербовала в свои ряды дезертиров и лиц, уклоняющихся от мобилизации. В результате оперативных мер, проведенных органами милиции, все участники этой группы были арестованы³⁷.

В Башкирской АССР арестовали В. И. Щетинкина, который 18 марта 1942 г. дезертировал из 57-го Отдельного Южного батальона 117-й стрелковой дивизии (СД). За это преступление он был осужден военным трибуналом к 10 годам лишения свободы, с отправкой на фронт в штрафную роту. Будучи на передовой линии, на Калининском направлении, он перешел на сторону врага, где был завербован под кличкой «Иванов» и направлен в школу диверсантов, расположенную в г. Холм Калининской области. В конце 1942 г. его перебросили на транспортном самолете в тыл с разведывательно-диверсионными задачами³⁸.

Многие уклоняющиеся от призыва скрывались у родственников. Например, И. И. Буркин, прибывший в январе 1941 г. из мест заключения, скрывался у своей матери. В это время он занимался грабежами и кражами. В результате дезертир был арестован и осужден на 10 лет с лишением избирательных прав на 4 года³⁹. 4 января 1942 г. органы НКВД арестовали братьев Александра и Федора Полянских. Александр Полянский в марте 1942 г. за кражу вещей был осужден и до момента задержания скрывался в Зауральной роще и дома у своих родителей. Кроме того, он уклонялся от призыва по мобилизации в ряды Красной Армии, в период военного времени проживал в г. Чкалове без документов. При аресте Полянский был спрятан своими родителями в сундук и закрыт на висячий замок. Федора Полянского в 1941 г. после отбытия восьмилетнего срока заключения мобилизовали на фронт, откуда в апреле 1942 г. он дезертировал и до дня задержания скрывался у своих родителей. При задержании Федор Полянский сбросил с себя одежду вплоть до нижнего белья и в таком виде стучал в грудь кулаком, что на сегодняшний день он совершил большое преступление перед Родиной. На предложение сотрудников милиции следовать за ними Полянский отказался и заявил, что если к нему будут применены физические меры, то возьмут только его тело. В результате оперативных мер Александр и Федор Полянские были арестованы, первого направили в Военную прокуратуру Чкаловского гарнизона, а второго привлекли к уголовной ответственности по статье 193-10 «а» УК РСФСР⁴⁰.

В указанный период на территории Южного Урала были зафиксированы и повторные побег дезертиров при отправках войсковой частью, так как военкоматы не всегда выделяли людей для их сопровождения. Так, в августе 1943 г. в городе Бузулуке Чкаловской области сотрудники органов милиции задержали 27 человек в полном вооружении, следующих из Чкалова⁴¹.

Одной из причин распространения дезертирства являлось использование некоторыми должностными лица-

ми своего служебного положения. Так, в Чкаловском военкомате было освобождено более 20 человек за взятки по 10—20 тыс. рублей. В Тозком районе Чкаловской области 59 человек, годных к строевой службе, находились на работах в райпромкомбинате и укрывались бывшим директором Балюловым (он был приговорен к расстрелу). Руководящие работники Курганского горвоенкомата злоупотребляли своим служебным положением, самоснабжались за счет хозяйственных и торговых организаций г. Кургана. За взятки по ходатайствам руководителей хозяйственных и торговых предприятий, заводов незаконно бронировали от призыва в Красную Армию лиц, не подлежащих бронированию. Например, А. И. Упницкий до проверочной регистрации работал слесарем 4 разряда и не подлежал бронированию. Однако в момент регистрации его перевели слесарем 6 разряда и в результате забронировали. Наряду с незаконным бронированием в горвоенкомате и райвоенкоматах был плохо поставлен учет бойцов, прибывавших в отпуск по ранению и подлежащих переосвидетельствованию через определенный срок, отсутствовал и контроль за военнослужащими, которые приезжали в краткосрочные отпуска⁴².

Бесконтрольность в работе военкоматов и военно-учетных столов сказалась на работе многих военно-врачебных комиссий. Зачастую врачи, привлеченные к работе комиссий, вставали на путь прямой преступной связи с дезертирами и уклонившимися, которых они незаконно освобождали от службы в Красной Армии. Так, 9 октября 1944 г. приговором военного трибунала войск НКВД Челябинской области были «признаны виновными и приговорены к лишению свободы сроком на 10 лет исправительно-трудовых лагерей с заменой фронтом» профессор медицины Сергеев и хирург Уржумцев. Они использовали свое служебное положение и за взятки выдавали дезертирам Красной Армии подложные документы о болезни. Прокурор Челябинской области Н. В. Шляев считал невозможным отправку их на фронт и опротестовал приго-

вор военного трибунала. В итоге военный трибунал Уральского военного округа согласился с протестом прокурора и направил Сергеева и Уржумцева в исправительно-трудовые лагеря для отбывания срока наказания. Однако они были освобождены из-под стражи и направлены в действующую армию как командный состав⁴³.

Во многих случаях отмечалось и отсутствие должного порядка и учета военнотрудовых на военно-пересыльных пунктах, а также в составе воинских команд. Это давало возможность дезертирам в течение длительного времени безнаказанно скрываться и пристраиваться к воинским командам, следующим к местам назначения. Характерным является следующий пример: задержанный 15 апреля 1943 г. в Чкаловской области Савельев (он же Грицко, Васько) показал, что 1 мая 1942 г. он дезертировал из Чкаловского пулеметного училища, где служил старшиной роты, некоторое время скрывался в Абдулинском районе, после чего снова прибыл в город Чкалов и явился к коменданту города, которым был направлен на пересыльный пункт. При переключке по списку в составе команды недоставало одного человека под фамилией Грицко. Воспользовавшись этим, он отозвался, и под фамилией Грицко его зачислили курсантом школы санинструкторов № 10. В октябре 1943 г., находясь на практике в одном из госпиталей города Чкалова, вторично дезертировал и до ноября 1943 г. скрывался в городах Куйбышеве и Пензе. В Пензе он присоединился к воинской команде, назвал себя Васько, так как при переключке не оказалось одного человека под данной фамилией. В составе воинской команды был направлен в 7-й ОЗЛПС в город Свердловск, где прослужил до 9 апреля 1944 г. 9 апреля командованием 7-й ОЗЛПС в числе 13 человек направлен в командировку в Москву. В пути следования со станции Пенза снова дезертировал, встретился с воинской командой, которая сопровождала с фронта вагон с неисправным оружием. Познакомившись с составом команды, ему удалось собрать автомат

ППШ, а боевые патроны у него уже имелись. В результате оперативных мер Савельев был арестован⁴⁴.

В Кировском и Соль-Илецком районах Чкаловской области в 1944 г. дезертиры, пользуясь беспечностью отдельных руководителей лечебных учреждений, воровали штампы, чистые бланки и изготавливали себе фиктивные документы, тем самым освобождали себя от службы в РККА. В пос. Донгузском были вскрыты факты, когда дезертиры днем переодевались в женское платье, а в Пономаревском районе Бикбульсинов и Парфиев отправляли вместо себя для прохождения медицинской комиссии больных Султанова и Жусупова и получали таким способом освобождение от воинской службы. В апреле 1944 г. в Чкаловской области была ликвидирована группа дезертиров в количестве 4 человек. Во главе группы находился дезертир Красной Армии Шувалов, он же Москвитин. Имея поддельные гербовые печати и штампы различных воинских частей, они сфабриковали себе командировочные предписания, с которыми ездили по городам Советского Союза. При аресте у них изъяли три поддельные печати, фиктивные удостоверения личности, командировочные предписания и чистые бланки различных воинских документов и продовольственных аттестатов⁴⁵.

В Курганской области в сентябре 1943 г. была арестована преступная группа, состоящая из дезертиров братьев Сычевых, которая действовала на территориях Каргапольского и Шадринского районов области. 14 июня 1943 г. они на разъезде Ватолино убили работниц разъезда Калитину и Саунину, была тяжело ранена Кузьминых. На следующий день ими совершено убийство колхозников Русакова и Волкова, которые перевозили сливочное масло. Помимо этого братья Сычевы совершили более 10 нападений на колхозников с целью грабежа. 10 сентября при ликвидации данной преступной группы были ранены 2 участковых уполномоченных Каргапольского РО НКВД. При аресте у Сычевых изъяли 2 охотничьих ружья и боеприпасы, а также часть

украденных вещей⁴⁶. В 1944 г. в Башкирской АССР сотрудники милиции ликвидировали бандитскую группу в составе трех уклоняющихся от мобилизации — С. И. Федорука, М. И. Вацка, А. Я. Байбурина. Следствие установило, что данными лицами через сотрудников сборного пункта Башвоенкомата Гизатуллина и врача Соснину за взятку по 6000 рублей от каждого были получены фиктивные справки о негодности к военной службе по болезни⁴⁷.

В годы тяжелых испытаний военнослужащие, нередко имея в руках оружие, совершали преступления. Среди мобилизованных в Красную Армию были бывшие заключенные, которые часто снова вставали на путь преступлений. Например, в ночь на 7 апреля 1944 г. на ст. Катайск Курганской области прибыл товарный поезд № 967, в составе которого находилось 136 военнослужащих. Группа военнослужащих в количестве 15—20 человек в г. Катайске совершила 4 квартирные кражи. Прибывшим к эшелону для розыска похищенных вещей работникам РО НКВД было оказано сопротивление. Вторая группа работников РО НКВД, получив сведения, что совершившие кражи преступники находятся в деревне Кораблево, направились туда для их задержания. Заметив двух людей, бежавших к эшелону с вещами, работники НКВД пытались их задержать. Однако военнослужащие с эшелона помешали оперативникам, оказав им сопротивление⁴⁸.

В Чкаловской области в сентябре 1943 г. было совершено убийство военнослужащего Еремина В. И. и Кагирова Н. Преступление произошло при следующих обстоятельствах. 26 сентября 1943 г. на квартиру Кагирова Н. явились трое неизвестных, из них двое в военной форме и один в штатском, и представились сотрудниками органов НКВД. Они произвели обыск и арест Кагирова. 27 сентября 1943 г. труп Кагирова сотрудники органов внутренних дел обнаружили в степи. На месте преступления оперативной группой была обнаружена только одна улика — пилотка, на которой имелась надпись «Дзюндзя Г. Б. 27.7-1943». Накануне, 26 сен-

тября, в отдел уголовного розыска явилась М. И. Еремина, которая заявила о пропаже своего сына В. И. Еремина. Она рассказала, что, находясь на городском рынке, встретила неизвестного, который продавал брюки, подойдя ближе, она поняла, что брюки принадлежали ее сыну. Увидев кровь, Еремина упала в обморок. Данное заявление подверглось проверке и в результате удалось обнаружить, что на рынке такие эпизоды не фиксировались. Проведенная экспертиза показала, что кровь на брюках двух разных групп. Помимо этого проверкой установлено, что младший лейтенант В. И. Еремин в 1943 г. дважды командировался на фронт для сопровождения маршевых частей и вместе с ним ездил младший лейтенант пулеметного батальона Г. Б. Дзюндзя. В результате 12 октября 1943 г. в военных лагерях в 25 км от города Чкалова был задержан Дзюндзя Г. Б., который показал, что пилотку он оставил у Ереминых. 13 октября в их квартире произвели обыск, где обнаружили вещи, похищенные у Кагирова, и пистолет «ТТ». Оперативная группа выяснила, что в сентябре 1943 г. дезертир РККА Елисенов Китабай, встретив Еремина Вениамина, рассказал ему о своем дезертирстве и о том, что на него доносит в органы НКВД Кагиров. В дальнейшем Елисенов предложил Еремину совершить убийство Кагирова за 40 000 рублей. Для этого Еремин пригласил своего брата и Афонина. Братья Еремины были одеты в военную форму. Однако по ошибке Еремин Вениамин надел пилотку своего сослуживца Дзюндзя. «Арестовав» Кагирова, они повезли его в степь. Подъехав к оврагу, Еремин Василий произвел выстрел, которым был убит Кагиров и случайно Еремин Вениамин⁴⁹.

В 1943 г. в результате проведенных органами внутренних дел оперативных мероприятий — облав, периодических проверок мест, пораженных бандитизмом и дезертирством, повысилась эффективность работы органов НКВД по расследованию дел о воинских преступлениях. В связи с выходом приказа Сталина о направлении рядового и сержантского состава дезертиров в штрафные части без су-

да количество дезертиров сокращается⁵⁰. Так, в 1943 г. по Советскому Союзу было задержано 197 912 дезертиров, уклоняющихся от мобилизации — 174 512, всего 372 424, по Южному Уралу — соответственно 4622, 10 270, 14 892 (4%), из них по Башкирской АССР — 1247, 2552, 3799; Чкаловской области — 1775 и 3861, 5636; Челябинской области — 1202, 3252, 4454; Курганской области — 398, 605, 1003⁵¹. Анализ дел, расследованных в 1943 г. органами милиции СССР, показал, что подавляющее большинство — 56% разбоев и грабежей совершалось дезертирами из рядов Красной Армии и с предприятий оборонной промышленности, а также военнослужащими. До 5% разбоев и 3% грабежей было совершено инвалидами войны⁵².

Эффективной мерой пресечения воинских преступлений являлась проверка документов. Так, в апреле 1944 г. проверку документов военнослужащих и военнообязанных осуществили сотрудники органов правопорядка на территории Ивановского района Чкаловской области⁵³.

В годы Великой Отечественной войны во многих районах южноуральского региона действовали бандитские группировки, состоящие из дезертиров и уклоняющихся от мобилизации. Подобное имело место в Белозерском, Сакмарском, Матвеевском, Краснопартизанском, Чкаловском и других районах Чкаловской области. Так, за июль — сентябрь 1943 г. на территории Чкаловской области были ликвидированы 44 дезертирские группы⁵⁴. В данный период наиболее пораженными дезертирством являлись следующие районы: Орский, Ново-Орский, Домбаровский, Адамовский, Троицкий, Кувандыкский, Соль-Илецкий, Сакмарский, Матвеевский, Пономаревский и Покровский. Например, в городе Чкалове действовала бандитская группа, возглавляемая дезертиром из РККА Стройковым. Указанная бандитская группа в октябре 1943 г. совершила ряд вооруженных ограблений. 23 октября ночью бандгруппа Стройкова совершила ограбление квартиры Р. И. Козловской. Проникнув в квартиру, преступники под угрозой ору-

жия забрали у нее вещи и скрылись. При аресте у бандитской группы Стройкова были изъяты пистолеты «ТТ» и «Кольт» с боевыми патронами⁵⁵.

В результате успешной операции, проведенной Чкаловским районным отделом НКВД, была задержана дезертирско-грабительская группа Куванышева. Участники данной группы укрывались в степи, в специально оборудованном подземном убежище. Сотрудники НКВД после установления места нахождения участников группы провели спецоперацию, в результате которой задержали 9 дезертиров и уклоняющихся от мобилизации в ряды Красной Армии. На следствии Куванышев и его сообщники признались в дезертирстве, а также в грабежах скота и зерна⁵⁶.

Анализ документов позволяет заключить, что результативность расследования дел данной категории оставалась низкой, так как четвертая часть всех поступивших дел о воинских преступлениях возвращалась к доследованию. Это было связано с тем, что органы милиции поверхностно проводили следствие; не различали дезертирство из Красной Армии и с предприятий, так как дезертиры производства также мобилизовывались райвоенкоматами; не различали понятие дезертирства от других воинских преступлений (уклонение от мобилизации, несвоевременное возвращение в часть военнослужащего из отпуска или командировки и др.); при расследовании допускали процессуальные нарушения, особенно там, где люди не владели русским языком; к делам не приобщались справки ВУС (военно-учетный стол) о том, что данное лицо не стояло на учете военно-врачебной комиссии о годности привлекаемых лиц к несению службы в Красной Армии; не выяснялись личности задержанных, не проверялись показания обвиняемых. Так, из присланных в 1942 г. прокурором Адамовского района Чкаловской области в облпрокуратуру 10 дел о воинских преступлениях 8 дел было возвращено к доследованию, а по одному делу вынесли оправдательный приговор, т.е. 90% составлял производственный брак⁵⁷.

В приказе прокурора Чкаловской области от 6 июля 1942 г. П. С. Ковалева указывалось, что сроки рассмотрения дел о воинских преступлениях являются неудовлетворительными, так как в срок одни сутки расследовалось 10,8%, до трех дней — 24,9% дел, в срок от 10 дней до одного месяца — 30,3% дел, а в срок от одного и свыше двух месяцев — 16,5%⁵⁸. Также имели место случаи, когда трибуналом гарнизона к дезертирам, совершившим убийство, грабеж, хищение, применялась мягкая мера наказания. Так, например, по делу Махтыгалиева, Кисанова, Бубольярского, Бубашева бандитизм и убийство инвалида Великой Отечественной войны квалифицировались по статье 136 УК, т.е. как обыкновенное убийство. Этот приговор по представлению НКВД и протесту прокуратуры был отменен ввиду слишком мягкой меры наказания.

В указанный период были случаи, когда пособники укрывателей дезертиров приговаривались к условной мере наказания. Например, в городе Чкалове Эстрина подделала документы своему брату с целью уклонения его от мобилизации. В результате Эстрина была приговорена к пяти годам условно⁵⁹.

Большинство дезертиров и уклоняющихся от службы в РККА в Чкаловской области составляли казахи. Например, из общего количества задержанных в августе 1943 г. (804 человека) казахи составляли 305 человек (37,5%). Основной причиной дезертирства казахов был страх перед неизвестностью, так как в основном казахи Чкаловской области были кочующие, в разное время прибывшие из Казахстана. Кроме того, большинство из них не владело русским языком. Работая в колхозах и совхозах, некоторые из них способствовали укрытию дезертиров и преступных элементов⁶⁰. На территории Сакмарского и Чкаловского сельских районов Чкаловской области в степи были обнаружены аулы кочующих казахов, живущих в специально вырытых землянках и юртах. Только незначительная часть из них работала, остальные занимались кражами и спекуляцией.

В процессе проведенной оперативными органами проверки было установлено, что в этих аулах скрывался преступный элемент. Так, в октябре 1942 г. обнаружили 19 человек дезертиров из частей Красной Армии. Специальным постановлением прокурора Чкаловской области было принято решение о сселении семей кочующих казахов и о трудоустройстве подлежащих сселению⁶¹. В начале июня 1943 г. в Соль-Илецкий район из ряда районов Чкаловской области съехались 130 человек казахов с верховыми лошадьми с целью проведения скачек. Следуя к месту скачек, они совершали хищения лошадей в колхозах. Среди собравшихся значительное число составляли дезертиры и уклоняющиеся от мобилизации в ряды Красной Армии⁶².

В годы Великой Отечественной войны часть дезертиров скрывалась в лесах и степи. Учитывая этот факт, агентура вербовалась из числа лесников, лесообъездчиков, пасечников, охотников, рыбаков и других лиц, чья работа была связана с пребыванием в лесах. Вербовались агенты среди самих дезертиров. Они выявляли места укрытия своих «товарищей по несчастью», склоняли их к явке с повинной. По окончании работы агенты из числа дезертиров освобождались от уголовной ответственности и направлялись в действующую армию⁶³.

Например, в лесах Матвеевского и Абдулинского районов Чкаловской области длительное время скрывалась группа дезертиров-грабителей, которая была задержана 8 июля 1942 г. с помощью информации, полученной от агентуры. Задержанными оказались Мукашев, Бармаков, Журбаев, которые в октябре 1941 г. дезертировали с фронта⁶⁴. В Бугурусланском районе области в поселке «Широкая жизнь» на протяжении 9 месяцев скрывался дезертировавший в октябре 1941 г. из города Ульяновска Батяев, он же Балицкий. В течение всего этого времени он скрывался в лесу, продуктами дезертира снабжали родственники. В июне 1942 г. родственники Батяева были арестованы и преданы суду военного трибунала за укрывательство дезертира.

Батяев принял решение отомстить односельчанам. 10 июля в 2 часа ночи он поджег дом колхозника И. М. Коряева, который первым заявил в Бугурусланское РО НКВД об укрытельстве дезертира. Когда было предпринято задержание Батяева, он открыл стрельбу из ружья. Дезертир пытался укрыться в лесу, но, будучи окружен, не желая сдаваться, порезал себе бритвой горло, но ему на месте была оказана медицинская помощь. В результате дезертира Батяева предали суду⁶⁵.

11 июня 1943 г. в с. Бутырское Мишкинского района Курганской области председателем сельисполкома И. Г. Ярковым был задержан уклоняющийся от призыва А. Г. Долгих, который скрывался в лесах Курганской области. Ярков решил освободить задержанного, заручившись поддержкой его родственницы Ф. В. Гребеневой. Однако Долгих совершил нападение на Яркова, ударив его березовым поленом, от чего тот умер. В результате проведенных агентурно-оперативных и розыскных мероприятий Долгих был задержан Усть-Абаканским РО НКВД Красноярского края⁶⁶.

Военные отделы обкомов ВКП(б) также проводили достаточно эффективную работу по ликвидации и пресечению воинских преступлений. Так, Военный отдел Чкаловского обкома ВКП(б) осуществлял переосвидетельствование и перерегистрацию военнообязанных и невоеннообязанных, проверялся учет военнообязанных в ВУС, правильность бронирования рабочих и служащих на предприятиях и в учреждениях, осуществлялись проверки документов на базарах, вокзалах, в поездах и других местах массового скопления людей. Для проведения данных мероприятий отделы ГК, РК ВКП(б) выделяли людей из партийно-комсомольского актива. Благодаря этим мерам в 1944 г. удалось задержать годных к службе в РККА — 6296 человек, незаконно пользовавшихся отсрочками и потерявших право — 1272. Также было разбронировано по согласованию с областной администрацией — 3353, переосвидетельствовано негодных и ограниченно годных — 10 214⁶⁷.

В 1944—1945 гг. число военных преступлений существенно снижается, что было связано с крупными победами Красной Армии не только на территории Советского Союза, но и в Европе. Так, в первую половину 1944 г. на территории Советского Союза было задержано 160 645 дезертиров и 134 422 уклонившихся от армии, всего 295 067, по Южному Уралу — соответственно 1903, 4070, 5973 человека, или 2% от показателей по стране, в том числе в БАССР — 490, 682, 1172, в Чкаловской области — 504, 1253, 1757, в Челябинской — 727, 1933, 2660, в Курганской — 182, 202, 384⁶⁸.

Как видно из приведенных данных, наибольшее количество военных преступников на территории Южного Урала в 1944 г. было арестовано в Челябинской области, поскольку Челябинск являлся крупным промышленным центром и транспортным узлом. В период войны в Челябинскую область эвакуировали большое количество предприятий и населения. В данной среде мог раствориться преступный элемент. Например, в ночь с 29 на 30 июля 1944 г. в Челябинской области военнослужащие учебного танкового полка старшина Л. М. Маханов и сержант Дусканов совершили ограбление квартиры А. Г. Отто. Преступники карабинами выбили окна и через них проникли в квартиру. Посадив А. Г. Отто и его семью в подпол, они украли личные вещи на сумму 70 000 рублей, 33 000 рублей наличными деньгами и скрылись. В результате оперативных мероприятий преступники были арестованы⁶⁹.

Органы внутренних дел БАССР в 3 квартале 1944 г. в соответствии с приказом НКО СССР № 064 и приказом НКВД СССР № 00167 «По борьбе с дезертирством, уклонением от призыва по мобилизации в Красную Армию и нарушителями военно-учетных правил» провели 82 облавы и массовые проверки документов в городах и 367 в сельской местности. В результате было задержано дезертиров из РККА — 181, уклоняющихся от призыва и мобилизации — 364. Также было изъято 14 винтовок, в том числе 4

обреза, 21 револьвер и пистолет, 1030 патронов, 34 штуки холодного оружия⁷⁰.

В годы войны фиксируются различные виды нарушения воинской дисциплины — пьянство, хулиганство и другие. Например, в Челябинской области военнослужащие 190-го полка Куликов и Брюханов были направлены в диспансер на стационарное лечение. Однако они занимались пьянством. Брюханов сам возвратился в часть, а Куликов был задержан в нетрезвом состоянии. В результате Куликов был приговорен к расстрелу, а Брюханов к 7 годам лишения свободы⁷¹. Помощник начальника караула завода № 78 Е. С. Першин в ночь с 24 на 25 декабря 1944 г. совершил убийство своей жены В. Ф. Першиной путем нанесения удара обухом топора по голове, убитая имела беременность 8—9 месяцев. С целью сокрытия следов преступления Першин труп убитой спрятал в чулане, а ее вещи сжег. По преступному сговору в ночь на 27 декабря 1944 г., договорившись с Засыпкиным и Калининым, Першин перевез труп своей жены на кладбище. Сотрудники органов НКВД задержали преступников⁷².

Как отмечалось ранее, дезертирство обычно сопровождалось хищениями социалистической и личной собственности, ограблениями, разбоем, бандитизмом, подделкой документов с целью уклонения от призыва в Красную Армию. Так, заместитель начальника Федоровского РО НКВД Башкирской АССР капитан милиции В. А. Рудыкин вступил в преступный сговор с проживающими в районе Сарсынбаевым, Аябовым и Тулигановым и через них выдавал паспорта и свидетельства о рождении гражданам, которые уклонялись от призыва. В документах либо уменьшался возраст призывника, либо увеличивался. Получив фиктивные паспорта, данные граждане занимались грабежами, воровством лошадей, скота, хлеба. Рудыкин получал взятки как деньгами, так и продуктами питания. Всего им было получено: денег — 31 500 рублей, муки — 9 пудов, картофеля — 3 пуда, 1 велосипед. Кроме того, находясь в

служебной командировке в Уфе, Рудыкин в нетрезвом состоянии потерял ряд секретных документов, которые были обнаружены в г. Черниковске⁷³.

В Макушинском районе Курганской области в ноябре 1943 г. была арестована группа преступников в составе 10 человек, которой руководил дезертир Мустафин. При аресте у них удалось изъять 6 единиц огнестрельного оружия, боеприпасы, 10 лошадей, поддельные штампы, печати⁷⁴. 29 июля 1942 г. в Чкаловской области на колхозном базаре задержали гражданина, назвавшего себя Сидоровым. В отделение милиции он идти отказался и заявил, что его не имеют права задерживать, так как он является орденосцем. При проверке документов и вещей были обнаружены: пистолет «ТТ» и 16 боевых патронов к нему, гимнастерка военного образца со знаками различия капитана-летчика и наградами — орденами Красного Знамени, Ленина, значком отличника РККА, орденская книжка на имя Мозина и Райкова, два чистых бланка военных билетов с печатью 32-го авиаполка, удостоверение личности на имя А. И. Бобылева и ряд других документов. При допросе Сидорова выяснилось, что 6 октября 1941 г. во время занятия немцами города Орла он дезертировал из армии. На допросе сотрудники органов НКВД установили, что настоящее имя А. И. Сидорова Бобылев, 1916 года рождения. Все документы, которые находились при нем, были им похищены⁷⁵.

В 1944—1945 гг. органами милиции был отмечен рост уголовной преступности среди инвалидов Отечественной войны. Так, только в Курганской области в 1944 г. привлечено к ответственности около 400 инвалидов, большинство из которых в прошлом имели судимость. Преступления совершались не только в одиночку, но и организованными группами. Например, проживавшие в Кургане братья Гладышевы организовали преступную группу в количестве 7 человек. Они фальсифицировали документы, разъезжали по районам Курганской области, выдавая себя за представителей Красной Армии, получали от колхозов крупный рога-

тый скот, а затем незаконно реализовывали его на рынке г. Кургана. Таким образом им удалось заполучить 38 голов крупного рогатого скота⁷⁶.

Сотрудники органов правопорядка проявляли инициативу и оперативность по борьбе с дезертирством. Так, прокурор Сакмарского района Чкаловской области Иванов, получив сведения о том, что в лесу, в землянках скрывается группа дезертиров, самостоятельно организовал облаву, в результате которой ему удалось задержать и предать суду 13 дезертиров. Прокурор Шарлыкского района Прусс лично задержал двоих дезертиров, ранее осужденных за аналогичное преступление и вторично дезертировавших. Значительное число дезертиров было задержано следователями Сорочинского, Бугурусланского и других районов области⁷⁷.

Итак, война способствовала распространению таких видов воинских преступлений, как дезертирство и уклонение от мобилизации в ряды Красной Армии. Эти преступления считались особо опасными, так как были направлены против основ Советской власти, против порядка в стране. Поэтому органы НКВД уделяли особое внимание пресечению данного вида преступления. Опасность этого явления заключалась в том, что дезертиры подрывали веру в победу, боевой дух военнослужащих и тружеников тыла. Кроме того, средства к существованию дезертиры добывали преступным путем.

Всего на Южном Урале за годы Великой Отечественной войны, по неполным данным (приложение 1, табл. 1; приложение 2, рис. 1), было задержано 26 418 человек, или 1,6% от общесоюзных данных, из них дезертиров — 9537 (0,8%), уклоняющихся от мобилизации — 16 881 (3,7%). Абсолютное большинство задержанных на Южном Урале приходится на 1943 г. — 14 892 человека, или 56,4% от общего количества дезертиров в военный период, хотя в целом по Советскому Союзу пик дезертирства наблюдался в 1941 г., когда Красная Армия отступала по всему фронту и несла огромные потери. Сотрудниками органов внутрен-

них дел проводились различные мероприятия по пресечению данного явления: массовые облавы; постоянные проверки документов подозрительных лиц в городах и районах южноуральского региона, для чего выделялись доверенные лица от РВК, милиции, воинских частей и партийно-комсомольского актива; осуществлялся контроль над работой военкоматов, госпиталей; семьи дезертиров ставились на оперативный учет, и за ними устанавливалось агентурное наблюдение, так как нередко родственники скрывали их у себя; систематически осуществлялось прочесывание лесных массивов; пересмотр состава всех работников гор-, райвоенкоматов, проверялся порядок учета, выдачи и хранения воинских документов. В целом в обществе сложилось отрицательное отношение к дезертирству и уклоняющимся от мобилизации. Однако до конца искоренить данное явление сотрудникам органов НКВД так и не удалось.

1.2. Роль органов НКВД в ликвидации бандитизма

Война вызвала резкий рост бандитизма — наиболее опасного вида преступления. Это было связано с тем, что по стране перемещалась огромная масса эвакуированных, среди которой могли раствориться преступники, дезертиры. Кроме того, одним из обстоятельств, негативно влиявших на состояние преступности в стране, была относительная доступность оружия. В тыловые районы поступало немало разнообразного вооружения — с дезертирами, эвакуированными, мигрантами. Это способствовало формированию вооруженных групп и банд. Проживая, как правило, по фиктивным документам, участники бандитских группировок занимались разбоями, грабежами, кражами⁷⁸. Всего с июня 1941 г. по март 1944 г. органами милиции СССР было собрано и изъято у населения около 8 тыс. пулеметов, 11 тыс. автоматов, 257 тыс. винтовок, 56 тыс. револьверов

и пистолетов, 160,5 тыс. гранат⁷⁹. После окончания войны происходит увеличение числа преступлений, совершенных с использованием огнестрельного оружия. Так, в отчете УНКВД по Чкаловской области встречаются донесения об увеличении преступлений, совершенных военнослужащими частей, расположенных в области, отмечаются факты привоза нетабельного оружия, которое впоследствии становилось достоянием гражданского населения, главным образом уголовного элемента. Для ликвидации распространения оружия УНКВД рекомендовало обратить особое внимание на личный состав прибывающих автоколонн, шоферы которых привозили с собой по 5 и более единиц оружия. Однако подобных действий было недостаточно. По оперативным сводкам УНКВД области в первой декаде декабря 1945 г. у жителей г. Чкалова было изъято 13 единиц огнестрельного оружия, в том числе: пистолетов «ТТ» — 11 штук, наган — 1 и винтовка — 1, во второй декаде — 15 единиц огнестрельного оружия⁸⁰. Необходимо отметить преобладание среди видов оружия пистолетов «ТТ», которые в то время являлись личным оружием офицеров Вооруженных Сил СССР.

По УК РСФСР 1943 г. под бандитизмом (статья 59-3 УК РСФСР) понималась организация вооруженных банд и участие в них и организованных ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан, остановка поездов, разрушение железнодорожных путей, средств сообщения и связи⁸¹. Существенное значение для усиления борьбы с групповой преступностью имело выделение из милицейских структур аппаратов борьбы с бандитизмом. Отделы по борьбе с бандитизмом были созданы в апреле 1941 г. при Главном управлении милиции и местных милицейских управлениях. Первым начальником ОББ являлся старший майор государственной безопасности Церетели.

Борьба с бандитизмом в условиях военного времени являлась одной из приоритетных задач НКВД, поэтому приказом наркомата внутренних дел № 001414 от 30 сентября

1941 г. Отдел по борьбе с бандитизмом был выделен из состава ГУМ и подчинен непосредственно наркомку. Отделы (отделения) по борьбе с бандитизмом на местах напрямую подчинялись управлениям НКВД⁸². Данная мера являлась обоснованной, так как бандитизм во многих областях страны стал распространенным явлением. Базой формирования бандитских группировок являлись дезертиры из частей Красной Армии, рабочих батальонов, уклоняющиеся от мобилизации, уголовники, преступники, которые бежали из мест заключения.

За три года Великой Отечественной войны по Советскому Союзу была ликвидирована 7161 бандитская группировка, в которых оказалось задействовано 89 008 человек. Во второй половине 1941 г. на территории Южного Урала не было зафиксировано ни одного случая бандитизма. В 1942 г. в Советском Союзе удалось ликвидировать 1381 бандитскую группировку с 11 220 участниками, по Южному Уралу — соответственно 18, или 1,3% от показателей по стране; 66 (0,6%). Из них в Башкирской АССР — 10, или 55,5% от показателей по южноуральскому региону, 31 (47%); в Челябинской области — соответственно 8 (44,4%); 35 (53%)⁸³. Анализ данных позволяет сделать вывод, что наибольшее количество бандрупп в регионе было ликвидировано в Башкирской АССР.

Однако не всегда возбужденные дела по статье «бандитизм» означали разоблачение преступных групп. За бандитизм зачастую привлекали и преступников-одиночек, совершивших несколько грабежей, разбоев, убийств. Как бандитизм квалифицировали и так называемые «особые дела» — о людоедстве и трупоедстве. В Ленинграде за эти преступления в декабре 1941 г. — феврале 1942 г. был осужден 881 человек⁸⁴.

Данный вид преступления на Южном Урале был зафиксирован в Челябинской области. Так, прокурор г. Златоуста А. И. Сажко сообщал в областную прокуратуру о том, что 3 января 1943 г. в избушке гражданина Антонова обна-

ружили расчлененный труп мужского пола, находившийся в специально оборудованной для его хранения яме.

Задержанный по подозрению в убийстве Антонов на первом допросе показал, что, руководствуясь заранее обдуманным планом, он в ночь с 21 на 22 декабря 1942 г. зарубил топором жившего в его квартире рабочего «Южтяжстроя» Михаила Леонтьева «с целью завладения его хлебной карточкой и использования для своих нужд трупа Леонтьева». Он сам питался человеческим мясом и кормил им своих троих детей.

Также в январе 1944 г. в деревне Калиновка Нязепетровского района Челябинской области гражданка Голдырева убила двоих своих сыновей — тринадцатилетнего Владимира и семилетнего Геннадия. Трупы детей она употребляла в пищу. С целью выяснения обстоятельств преступления в этот район откомандировали старшего следователя областной прокуратуры Шермана. Он выяснил, что обвиняемая не имела теплой одежды, поэтому с наступлением холодов была вынуждена оставить работу в колхозе. «Питалась падалью и тем, что подавали ей колхозники. Ее жилищные условия были чрезвычайно тяжелы, так как она проживала на краю деревни в очень маленькой однокомнатной избе, отапливать которую было нечем. Несмотря на то, что Голдырева являлась матерью фронтовика (ее дочь 18-ти лет находилась на фронте) и женой фронтовика, местные власти не интересовались ее судьбой. Перечисленные условия, несомненно, явились одной из причин, толкнувших Голдыреву на совершение такого тяжкого преступления», — констатировал следователь прокуратуры⁸⁵. Таким образом, данный факт свидетельствует о том, что следователи прокуратуры не только успешно раскрывали преступления, но также пытались определять их мотивы.

Первый случай бандитского нападения в Чкаловской области зафиксировали 23 мая 1942 г. в г. Бузулуке, где группа во главе с Иванюшиным совершила грабеж, закончившийся убийством инженера завода им. Куйбышева.

Группа была вооружена железными перчатками и имела преступную направленность⁸⁶.

Пик данного вида преступлений в регионе пришелся на 1943 г. В этот период на Южном Урале ликвидировано 135 бандитских группировок⁸⁷. Зимой 1943 г. прокурор Челябинской области Н. В. Шляев докладывал прокурору СССР К. П. Горшенину (1 декабря 1943 г. сменившему на этом посту В. М. Бочкова) о том, что в Челябинской области в последнее время наблюдается значительный рост преступности, особенно таких тяжких преступлений, как бандитизм, разбой, грабеж и крупные хищения социалистической собственности⁸⁸. Партийное руководство и представители органов прокурорского надзора объясняли рост преступности значительным притоком в область промышленных рабочих с освобожденных от оккупантов территорий, среди которых было немало преступных элементов.

Так, 13 февраля 1943 г. ОУР УМ НКВД был арестован вор-рецидивист, находящийся в бегах И. М. Иванов, он же И. А. Козлов. При задержании оказал сопротивление и был ранен. Дело находилось на производстве ОУР. 26 марта 1943 г. прокуратура освободила Иванова — Козлова из-под стражи по неизвестной причине. В ночь на 31 марта 1943 г. на территории Челябинского тракторного завода (ЧТЗ) арестовали бандгруппу, главарем которой оказался опять Иванов — Козлов. При задержании у него изъяли «Наган». Возглавляемой им группировкой в числе 6 человек в конце марта на территории ЧТЗ было совершено 9 квартирных краж⁸⁹.

Органы милиции Башкирской АССР в августе 1943 г. произвели арест бандитской группы из четырех человек (М. Ф. Морозов, Н. В. Старцев, Ш. З. Сабиров, А. Н. Зыкин), которая совершала ограбления прохожих в Уфе. Ими было совершено 7 вооруженных ограблений. Вооружившись пистолетом, они останавливали прохожих и, угрожая убийством, раздевали их. Украденные вещи реализовывались на рынках г. Уфы при помощи соучастников. В ночь

на 30 июля бандиты совершили убийство сотрудника органов НКВД Вшивцева и у него забрали пистолет. Участники преступной группы решили уехать из города, но их удалось задержать. 14 февраля 1944 г. в 12 часов ночи Верховный суд БАССР под председательством Сайфутдинова вынес приговор. Главаря банды Морозова приговорили к высшей мере наказания (ВМН) — расстрелу, Старцева, Зыкина и Сабирова — к 10 годам лишения свободы каждого. Соучастников преступлений, которые помогали сбывать награбленные вещи, приговорили: Гареева — к 8 годам, Хисматуллина — к 5 годам лишения свободы⁹⁰.

Всего за 1943 г. по Советскому Союзу органами внутренних дел задержано 3875 бандитских группировок, в которых было задействовано 30 312 человек, по Южному Уралу — соответственно 135, или 3,5% от общесоюзных данных, и 853 (2,8%), из них в Башкирской АССР раскрыто бандитских групп — 42, или 31,1% от показателей по Южному Уралу, и 179 (21%); в Курганской области — 10 (7,4%), 76 (9%); в Челябинской области — 48 (35,5%); 389 (45,6%); в Чкаловской области — 35 (26%), 209 (24,5)⁹¹ (приложение 1, табл. 2; приложение 2, рис. 2). Из приведенных данных следует, что за 1943 г. наибольшее количество бандитских групп ликвидировали в Челябинской области (48).

За период с 10 октября по 1 ноября 1943 г. управлением милиции Чкаловской области ликвидировано 6 бандитских группировок: Ермолаева, «Николы», Стройкова, Ланкова, Севастьянова и Комарова. Так, 30 октября 1943 г. арестовали вооруженную группу Ланкова в составе 3 человек, которая совершила 2 вооруженных ограбления. 27 октября 1943 г. в 12 часов ночи Ланков, Миненко и Баркалова, вооруженные револьверами, на улице Маяковского остановили Сараеву и сняли с нее пальто и жакет. При аресте у преступников изъяли 2 пистолета «ТК»⁹².

Также 27 октября 1943 г. в Чкаловской области задержали бандгруппу, возглавляемую Лапшиным, известного среди уголовного элемента под кличкой «Никола». Указан-

ной бандитской группировкой 24 октября 1943 г. ночью было совершено вооруженное ограбление квартиры Р. И. Козловой. Проникнув в квартиру, преступники забрали вещи и скрылись. 27 октября 1943 г. в час ночи ими совершено уличное вооруженное ограбление гражданина Упыркина. При аресте у бандитов изъяли пистолеты «Кольт» и «ТТ» с боепатронами⁹³.

Эффективной работе правоохранительных органов в борьбе с бандитизмом способствовала реорганизация органов НКВД, в результате которой произошло значительное увеличение штата, укрепление руководящего и оперативного состава центрального и периферийных отделов — отделений по борьбе с бандитизмом. Общая штатная численность аппарата по борьбе с бандитизмом по Советскому Союзу в октябре 1941 г. составляла 712 человек, а в июле 1944 г. — 5900 человек⁹⁴.

В докладной записке начальника УНКВД по Чкаловской области В. И. Дмитриенко за 2 декабря 1944 г. указывалось, что бандитские и воровские группировки в основном состоят из учащихся и молодежи. Например, только в октябре и ноябре 1944 г. за бандитизм в Чкаловской области задержали 82 человека, 90% из них составляла молодежь⁹⁵. Бандитские группы, состоящие из молодежи, действовали и в других регионах Южного Урала. Например, в Башкирской АССР, в Кушнаренковском районе, органы милиции ликвидировали бандитскую группу Пешкина в числе 5 учащихся неполной средней школы. Эта бандгруппа совершила убийство сторожа, а также 10 ограблений магазинов сельпо и колхозов. Все участники данной группы были арестованы и привлечены к уголовной ответственности⁹⁶.

Наиболее тяжкие преступления с использованием огнестрельного оружия совершали дезертиры из частей Красной Армии, так как в большинстве своем они уходили из частей вооруженными. В октябре 1942 г. в Янаульском районе Башкирской АССР в своей квартире группа дезертиров РККА совершила убийство председателя колхоза Глуно-

ва⁹⁷. В Куртамышском районе Курганской области в ноябре 1943 г. ликвидировали бандгруппу, которой руководил дезертир производства Я. С. Большаков. В состав данной группы входили дезертиры Красной Армии, производства, беглые преступники. Ими был совершен ряд вооруженных ограблений и краж. При попытке задержания 25 июля 1943 г. преступники оказали вооруженное сопротивление, в результате был ранен участковый уполномоченный милиции Горбунов. При аресте у бандгруппы изъяли 5 ружей и 1143 кг зерна⁹⁸.

На территории ЧТЗ в Челябинской области в 1942 г. сотрудниками органов внутренних дел была ликвидирована банда под руководством дезертира в звании капитана, которая занималась грабежами и изнасилованиями. Если преступники кого-нибудь подозревали в слежке, то совершали убийство, скрывая трупы убитых в канализационных колодцах. В результате оперативных мероприятий преступную группу удалось ликвидировать⁹⁹.

1 декабря 1944 г. встал вопрос о необходимости борьбы с националистическим движением в Прибалтике и Белоруссии, на Кавказе, бандгруппами на освобожденных от оккупации территориях. ОББ был преобразован в Главное управление по борьбе с бандитизмом (ГУББ). Штат ГУББ составлял 179 человек, начальник — А. И. Леонтьев. В состав ГУББ был включен бывший Штаб истребительных батальонов. Соответственно увеличили штаты аппаратов по борьбе с бандитизмом, на местах они были реорганизованы в управления и отделы. Перед ОББ стояли следующие задачи: организовать агентурно-оперативный аппарат по выявлению бандитского элемента; контролировать и направлять его деятельность; непосредственно заниматься агентурно-оперативной и следственной работой по борьбе с наиболее серьезными видами бандитизма; учитывать бандформирования, все виды проявлений бандитизма, в необходимых случаях непосредственно организовывать оперативные группы и проводить другие агентурно-оперативные мероприятия по

ликвидации бандитизма; разрабатывать профилактические мероприятия по предупреждению бандитизма и контролировать их практическое претворение в жизнь. Кроме того, ОББ должен был осуществлять руководство и контроль за правильностью выполнения Управлениями НКВД приказов и директив НКВД СССР по борьбе с бандитизмом.

Структура ОББ, ГУББ НКВД СССР была построена по территориальному принципу. Первое отделение (отдел) отвечало за борьбу с бандитскими проявлениями в республиках Кавказа, Закавказья, Ставропольском и Краснодарском краях; второе — на территории Украины, Белоруссии и Молдавии; третье — в Прибалтике и Карело-Финской ССР; четвертое — в РСФСР и Средней Азии. Пятое отделение (с 1943 г. — отдел) занималось следственной работой. Секретариат — контрольно-информационными и учетными функциями.

ОББ на местах состояли из двух отделений и вспомогательного персонала — группы радиосвязи и бухгалтерии. Первое отделение отвечало за оперативную разработку бандгрупп, внедрение в них агентуры, наружное наблюдение, выявление и арест активных бандитов и бандпособников. Второе отделение вело расследование по уголовным делам, подпадающим под категорию бандитизма (вооруженные ограбления, сопротивление властям, убийство представителей советского и партийного аппарата, правоохранительных органов, групповое изнасилование, злостное групповое хулиганство и т.д.)¹⁰⁰.

В 1944 г. по линии НКВД СССР были изданы три приказа, которые способствовали более эффективной работе по борьбе с бандитизмом: два приказа заместителя наркома обороны СССР от 21 мая № 0131 и от 30 мая № 0150 и приказ начальника тыла Красной Армии от 24 июля № 140. Данными приказами был предусмотрен ряд мероприятий по укреплению дисциплины в частях, а также устранению причин, которые способствовали дезертирству из РККА и преступности со стороны военнослужащих¹⁰¹.

За первую половину 1944 г. органы НКВД ликвидировали 1727 бандгрупп с 45 872 участниками, по Южному Уралу — соответственно 78; 386, что составляет 4,5%; 0,8% от показателей по стране. Из них в Башкирской АССР — 9 (11,5%); 48 (12,4%); в Курганской области — 2 (2,5%); 14 (3,6%); в Челябинской области — 31 (40%); 148 (38,3%); в Чкаловской области — 36 (46%); 176 (45,6%)¹⁰². Приведенные данные позволяют заключить, что наибольшее количество бандитских группировок в южноуральском регионе в 1944 г. удалось ликвидировать в Челябинской и Чкаловской областях, так как сюда поступило большое количество эвакуированных.

В указанном регионе имели место случаи, когда бандитские группы оставались нераскрытыми в течение нескольких лет. Так, в Иглинском районе БАССР еще в 1941 г. возникла преступная группа, состоящая из дезертиров Красной Армии и оборонной промышленности. В 1943 г. ими был ранен оперуполномоченный Иглинского РО НКВД Пухов, в апреле 1944 г. убит лесник Макаров, в мае они убили председателя Калтымановского сельсовета Вашкевича, в июне ранили помощника оперуполномоченного Иглинского РО НКВД. Банда также совершила несколько ограблений колхозных пасек. Для ликвидации преступной группы в район отправили оперативных работников из центрального аппарата НКВД, дивизион милиции, дивизион конвойных войск НКВД для прочесывания лесов во время операции. В результате хорошо продуманных оперативных мероприятий бандгруппу удалось ликвидировать¹⁰³.

24 февраля 1945 г. в Чкаловской области задержали бандитскую группировку в количестве 12 человек. Преступная группа совершила дерзкое вооруженное нападение на сторожа магазина № 4 ОРСа ОСМЧ «Южуралтяжстроя». В результате сторож был убит из пистолета «ТТ», похищено большое количество товаров¹⁰⁴.

Немало проблем органам внутренних дел Челябинской области доставила банда, которую возглавлял Е. И. Тереп-

сунко, 1927 года рождения, ранее неоднократно судимый. В конце 1943 г. он создал банду из 6 человек, в которую входило 3 женщины. В течение 1944 г. преступной группой совершено 13 вооруженных ограблений. В ходе нападения от рук бандитов погибли 3 человека (Макаревич, Ковалева, Хаснутдинова), несколько человек получили увечья. Преступники врывались в кооперативные магазины, продуктовые палатки, в квартиры жителей города, под угрозой оружия изымали продовольствие, промышленные товары, деньги, совершали нападения на улицах в ночное время. Банду ликвидировали во время одного из налетов. 9 февраля 1945 г. главаря приговорили к расстрелу¹⁰⁵.

За добросовестную работу многие сотрудники органов правопорядка были награждены медалями, отмечены благодарностями. Так, милиционер второго отделения милиции г. Чкалова В. Г. Никонов был занесен на Доску Почета. Только за три месяца 1943 г., стоя на посту, он задержал свыше 400 нарушителей паспортного режима. Медалью «За трудовое отличие» наградили оперуполномоченного Бугурусланского РО НКВД старшего лейтенанта милиции С. М. Заика. Он вскрыл более 10 воровских групп, в том числе при его участии была задержана крупная группа расхитителей мясопродуктов из райконторы «Заготскот». Орденом «Знак Почета» наградили И. А. Сабанина, участкового уполномоченного Абдулинского РО НКВД¹⁰⁶.

Часть сотрудников органов НКВД отдали свои жизни в борьбе с преступностью. Так, за 3 года Великой Отечественной войны при проведении оперативно-розыскных мероприятий в СССР было убито работников НКВД и НКГБ — 226 человек, офицеров и бойцов войск НКВД — НКГБ 1085, в том числе на Южном Урале, по неполным данным, 6 человек¹⁰⁷. Так, 1 апреля 1943 г. в Чкаловской области лейтенант милиции, старший оперуполномоченный уголовного розыска второго отделения милиции г. Чкалова П. В. Каверин находился в наряде. Вечером на одной из улиц города он обратил внимание на двух неизвестных лиц,

везших что-то на санках. Неизвестные при приближении бросились бежать. Однако Каверин стал их преследовать. В тот момент, когда милиционер оказался в нескольких шагах от убегающих, один из них выстрелил в Каверина из пистолета. В результате он был убит¹⁰⁸. 23 февраля 1945 г. из огнестрельного оружия во время нападения преступников на дежурную часть четвертого отделения милиции г. Чкалова был убит участковый уполномоченный И. Г. Кудряшов. Во время несения службы по охране общественного порядка у Заводоуправления ПРЗ (ТРЗ) убит из огнестрельного оружия участковый уполномоченный 4-го отделения милиции П. Н. Кузнецов¹⁰⁹. В Челябинской области 17 марта 1944 г. погиб оперуполномоченный уголовного розыска Иван Кукарских. 9 июля был убит Михаил Горбачев, проводник служебно-розыскной собаки. В ноябре 1944 г. Магнитогорск всколыхнуло известие о жестоком убийстве целой семьи. Известие о преступлении поступило в милицию, и первым к месту происшествия прибыл начальник 2-го отделения милиции лейтенант Алексей Хохлов, который оказался в отделении единственным свободным сотрудником. На требование сдаться преступники ответили отказом, и тогда Хохлов пошел на силовое задержание. В завязавшейся схватке преступник успел нанести удар ножом. Тем не менее лейтенанту удалось его обезвредить¹¹⁰.

Работники органов внутренних дел являлись патриотами, так как в тяжелые годы войны все свои силы отдавали служению Родине. Сотрудники органов милиции считали своим долгом внести вклад в разгром врага, об этом свидетельствуют рапорты, подаваемые в областное управление милиции. Например, в рапорте заместителю начальника УНКВД, начальнику Управления милиции по Чкаловской области капитану Осокину старший оперуполномоченный первого отделения милиции г. Чкалова сержант Тучин докладывает, что в мае 1941 г. ему назначена пенсия по инвалидности, но он просит зачислить его в органы внутренних дел.

Опытные сотрудники правоохранительных органов мобилизовались в штабы военных округов. По указанию Ставки Верховного Главнокомандующего Чкаловской области было дано задание отобрать, оформить и направить в распоряжение действующей армии 250 девушек для работы в военной цензуре. Из районов области они прибывали в отдел кадров УНКВД, где комплектовались группы по 40—50 человек, которые с руководителем отправлялись по назначению (под Сталинград, Ленинград и другие районы боевых действий)¹¹¹.

Уходивших на фронт сотрудников органов НКВД в тылу заменяли женщины. Капитан милиции В. Колчанов, возглавлявший в годы войны паспортный отдел управления милиции по Челябинской области, отмечал, что в военный период произошло резкое ухудшение паспортного режима, а это вызвало рост числа уголовных преступлений. Контроль за соблюдением правил паспортного режима лег на женские плечи. Они осуществляли проверки общежитий, барачков, непосредственно задерживали правонарушителей. Например, начальник паспортного стола Миасского отдела милиции лейтенант Носова арестовала двоих граждан, а начальник Уфалейского паспортного стола младший лейтенант милиции Сафонова во время обмена документов выявила и задержала троих дезертиров¹¹². Сотрудница Златоустовского городского отдела НКВД Е. А. Челпанова и сотрудница Бродокалмакского РО НКВД Челябинской области Н. А. Вишнякова за отличные показатели в работе были награждены знаком «Заслуженный работник НКВД»¹¹³.

В годы войны многие женщины героически выполнили свой гражданский долг не только в тылу, но и на фронте. В этой связи интерес представляет биография О. Н. Чалкиной. О. Н. Чалкина училась в педагогическом институте и одновременно работала учительницей в школе. В числе других ее пригласили в обком ВЛКСМ и сказали, что нужны комсомольцы для ответственного дела. В результате ее направляют в кадры НКГБ. Боевое крещение она приняла

на северо-западном фронте. Во время одного из налетов вражеских самолетов была ранена, и ей пришлось лечиться в госпитале. Затем Чалкина служила на 3-м Украинском фронте, в Молдавии, Германии. Но война для нее не закончилась и после Победы. В 1946 г., когда она ехала в отпуск в г. Чкалов, в Польше, в районе Перемышля, машина попала в засаду националистов. В результате был убит шофер. Ее и других раненых нападавшие обыскали, вскоре на помощь пришли солдаты. Чалкина снова попала в госпиталь, после возвратилась в г. Оренбург. Здесь она работала в детской комнате милиции, разыскивала подростков, оставшихся без родителей. Всего в органах внутренних дел Чалкина проработала около 40 лет¹¹⁴.

Из рядов южноуральской милиции за годы войны отправились добровольцами на фронт тысячи человек. Так, из Чкаловской милиции добровольцами в действующую армию ушло более 1500 сотрудников. В первые дни войны встали на защиту Отечества: из областного центра — милиционер ведомственного взвода Ш. З. Абдулов, инспектор отделения службы и боевой подготовки Управления милиции И. Д. Роговой, милиционер пятого отделения милиции М. Г. Тюрин, участковый уполномоченный первого отделения милиции Я. Я. Дымов; из Орска — оперуполномоченный первого отделения милиции Н. Д. Выприцкий, милиционер М. Е. Шпилев; из Саракташа — участковый уполномоченный И. М. Бурлаков; из Кваркено — Я. А. Влазов; из Шарлыка — милиционер Я. И. Сокольников.

Более 120 сотрудников чкаловской милиции погибли на полях сражений. Среди них бывший сотрудник Ташлинского районного отделения милиции Иван Павлович Рога. Он ушел на фронт в августе 1942 г. С боями прошел путь от Сталинграда до Чехословакии. В составе 140-й стрелковой дивизии адъютант командира полка младший лейтенант И. П. Рога в сражении за освобождение Чехословакии от немецких оккупантов пал смертью храбрых близ с. Бела 30 апреля 1945 г. В Восточной Пруссии в боях за город Наль-

денбург погиб в феврале 1945 г., выполняя боевое задание, командир отделения 10-го танкового корпуса, бывший милиционер Шарлыкского отделения Я. И. Сокольников. 19 октября 1944 г. у деревни Пшарадово Варшавского воеводства рота пулеметчиков под командованием капитана Танжагалея Карабаева вела сражение с засевшими там врагами. В этом бою погиб командир, бывший милиционер Октябрьского районного отделения милиции Т. М. Карабаев¹¹⁵.

В разведке, в 179-й отдельной дивизии 234-го стрелкового полка 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта служил Н. Т. Бородин. За мужество и героизм его наградили двумя орденами Красной Звезды, медалями «За победу над Германией», «За боевые заслуги». Послевоенную жизнь Бородин связал с работой в органах внутренних дел Оренбургской области, возглавил следственный отдел Ленинского РОВД г. Оренбурга. В пехоте служил В. Г. Акулов, который за мужество и героизм был награжден орденами и медалями. В послевоенное время он работал в органах внутренних дел участковым инспектором милиции Промышленного РОВД г. Оренбурга. По его инициативе создали первую добровольную народную дружину в поселке Бёрды Чкаловской области. В органах внутренних он прослужил около 30 лет. В Великой Отечественной войне принимали участие Г. П. Петренко, Б. И. Яковлев, В. В. Пылаев, П. А. Летов. Послевоенная жизнь их была связана со службой в милиции. Петренко возглавлял отдел уголовного розыска управления внутренних дел Оренбургской области, Яковлев руководил деятельностью Бугурусланского РОВД, Пылаев — Отделом внутренних дел Ленинского района города Оренбурга, Летов координировал деятельность одной из областных служб¹¹⁶.

Многие сотрудники органов правопорядка Южного Урала были отмечены правительственными наградами за мужество и героизм. Добровольцем ушел на фронт старшина Б. Ф. Малахов. В сентябре 1941 г. он становится командиром расчета артиллерийского орудия. Самое главное

испытание Малахов выдержал при форсировании Днепра. Высадившись на берег, бойцы Малахова вступили в бой с противником. Оставшись на плацдарме, артиллеристы вместе с пехотинцами отбивали атаки. В бой были брошены тяжелые танки «Тигр» и «Пантера», за ними плотной стеной шли бронетранспортеры (БТР), цепи автоматчиков. Наступил самый тяжелый момент — некоторые бойцы поддались панике. В это время навстречу танкам пополз старшина Малахов, он имел при себе две гранаты. В результате решимость одного человека остановила танковую атаку. Вскоре подошло подкрепление, и плацдарм был удержан. После завершения боев старшину Б. Ф. Малахова представили к присвоению звания Героя Советского Союза. Однако при оформлении документов допустили ошибку (неправильно написали фамилию), и звание Героя было присвоено Махалову. В частях такого не нашлось, и документы возвратили в Москву. Только спустя девятнадцать лет ошибку исправили, и в 1963 г. Золотую Звезду Героя Советского Союза и орден Ленина вручили старшему лейтенанту милиции Б. Ф. Малахову. В отставку Малахов ушел в 1977 г. с должности заместителя начальника отдела кадров УВД Челябинской области. До этого он много лет работал в уголовном розыске Тракторозаводского РОВД¹¹⁷.

В погонах младшего лейтенанта с фронта по ранению вернулся Михаил Лизунов. С января 1944 г. он работал оперативным сотрудником городского управления милиции г. Челябинска. На работе он находился до 3—5 часов утра, но в 9.00 вновь появлялся на своем рабочем месте. В июне 1944 г. Лизунов ликвидировал три организованные преступные группы, в июле — группу конокрадов в составе семи человек¹¹⁸.

23 марта 1945 г. звание Героя Советского Союза посмертно присвоили В. С. Васильеву, который с 1941 г. работал участковым милиционером в д. Кояново Башкирской АССР. В 1942 г. его направили на фронт. 9 августа 1944 г. лейтенант Васильев под огнем противника развернул бата-

рею на западной окраине г. Вилкавишкис. Под его командованием батарея уничтожила восемь вражеских танков, два штурмовых орудия «Фердинанд» и два БТРа. Когда орудия вышли из строя, артиллеристы стали вести огонь из автоматов, вступили в рукопашный бой. В этом бою героически погиб лейтенант Васильев¹¹⁹.

Боевые подвиги сотрудников органов внутренних дел по достоинству оценило советское правительство: за годы войны 270 тыс. человек награждено орденами и медалями, в том числе около 800 (0,3%) чкаловцев. Среди них сотрудник оренбургской милиции А. Н. Михайлов, удостоенный девяти наград Родины. К концу войны он стал начальником штаба 360-й Невельской Краснознаменной дивизии, сформированной в Чкаловской области. Двумя орденами Красного Знамени и медалями награжден за ратные подвиги Р. Ф. Набатчиков. С боями он прошел до Берлина, участвовал в освобождении Варшавы, был в числе тех, кто участвовал в Параде Победы в 1945 г. на Красной площади в Москве¹²⁰.

Таким образом, война закономерно привела к росту особо опасных преступлений, связанных с насилием, в том числе с применением огнестрельного оружия, появились устойчивые группы, бандформирования. Бандитские группировки действовали не только в крупных городах, но и в сельской местности. В период Великой Отечественной войны по стране перемещалась огромная масса эвакуированных, среди которых имелось значительное количество дезертиров и другого преступного элемента. Ряды бандгрупп пополняли освободившиеся из мест заключения, лица, уклоняющиеся от мобилизации, т.е. все те, кто жил нелегально.

Увеличению роста уголовных преступлений способствовало то обстоятельство, что многие сотрудники органов внутренних дел мобилизовались в действующую армию, в первую очередь из милиции. Им на смену направлялись неопытные, не знакомые с преступной средой работники, в том числе и женщины. В годы войны относительно доступ-

ным стало оружие. Оно привозилось с фронта комиссованными военнослужащими, подбиралось на местах боев или расхищалось с оружейных заводов. Все это способствовало распространению преступлений, предусмотренных статьей 59-3 УК РСФСР (бандитизм). Участники бандгрупп совершали кражи, грабежи, убийства и другие преступления. Для усиления мер по ликвидации бандитизма в октябре 1941 г. был образован Отдел по борьбе с бандитизмом при ГУМ и местных милицеских управлениях, что оказало позитивное влияние на решение данной проблемы. Однако полностью искоренить бандитизм сотрудникам органов НКВД так и не удалось.

1.3. Пресечение антисоветской агитации и пропаганды, негативных слухов и диверсионных актов

В годы Великой Отечественной войны, особенно на начальном ее этапе, в стране сложилась сложная психологическая ситуация. С одной стороны, преобладающим настроением среди населения являлась вера в достижение победы, а с другой — отсутствовала правдивая информация, что и порождало разного рода слухи. Поэтому одной из главных задач органов НКВД в указанный период являлась борьба со слухами, пораженческой агитацией, которые в советское время квалифицировались как контрреволюционные преступления, предусмотренные статьей 58 УК РСФСР¹²¹. В ходе войны органы внутренних дел организовали сбор фашистских листовок, усилили политический контроль почтово-телеграфной корреспонденции и т.д. Однако советская военная пропаганда умалчивала о реальной обстановке на фронте, а порой ее просто искажала. Причина такой позиции заключалась в том, что верховная власть не верила в стойкость, патриотизм граждан, опасаясь, что любая информация об истинном положении на фронте мо-

жет вызвать не только растерянность среди населения, но и антиправительственные настроения. Однако без объективной информации идеологическая работа не может быть продуктивной, и в данных условиях стали возникать негативные слухи¹²².

Ведущее положение в Наркомате внутренних дел занимали подразделения, которые ведали вопросами обеспечения безопасности и защиты функционирующего политического режима в СССР. Обеспокоенность власти возможностью антисоветских выступлений вызвала ужесточение государственных репрессий. Так, секретное Постановление ГКО № 0903 от 17 ноября 1941 г. дало Особому Совещанию НКВД СССР право выносить приговор вплоть до расстрела по делам о контрреволюционных и особо опасных преступлениях против порядка государственного управления¹²³. По УК РСФСР 1943 г. контрреволюционным признавалось всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных и автономных республик рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции. Также под понятие контрреволюционные преступления попадали следующие категории преступлений: измена родине (ст. 58-1-а), вооруженное восстание (ст. 58-2), сношение в контрреволюционных целях с иностранными государствами или отдельными его представителями (ст. 58-3), оказание помощи иностранным государствам (ст. 58-4), склонение иностранного государства или каких-либо общественных организаций к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела Советского Союза (ст. 58-5), шпионаж (ст. 58-6), подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы (ст. 58-7), совершение террористиче-

ских актов (ст. 58-8), разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения (ст. 58-9), пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти (ст. 58-10), недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении (ст. 58-12), контрреволюционный саботаж (ст. 58-14). Указанные статьи УК РСФСР предусматривали наказание от 6 месяцев лишения свободы вплоть до высшей меры наказания — расстрела¹²⁴.

Основные положения статьи о контрреволюционной агитации и пропаганде, которые воспроизведены в статье 58-10 УК РСФСР еще в 1922 г. специально сформулировал В. И. Ленин. Указания Ленина получили свое выражение в статьях 69, 70 и 72 УК редакции 1922 г.

«69. Пропаганда и агитация, выражающиеся в призыве к свержению власти советов путем насильственных или изменнических действий, или путем активного или пассивного противодействия рабоче-крестьянскому правительству, или массового невыполнения возлагаемых на граждан воинской или налоговых повинностей, карается лишением свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией. За те же преступления, совершенные в военной обстановке или при народных волнениях, наказание повышается до высшей меры наказания.

70. Пропаганда и агитация в направлении помощи международной буржуазии... карается изгнанием из пределов РСФСР или лишением свободы на срок не ниже трех лет. <...>

72. Изготовление, хранение с целью распространения и распространение агитационной литературы контрреволюционного характера карается лишением свободы на срок не ниже одного года»¹²⁵.

В годы Великой Отечественной войны под категорию опасных антисоветских элементов попадали бывшие ку-

лаки, добровольцы белой армии, церковники, исключенные из ВЛКСМ и ВКП(б), бывшие военнопленные, а также их родственники. В ряде случаев, когда распространялась информация о бездарности, некомпетентности руководителей страны, объективное расследование о распространении слухов было невозможно. Такого рода негативные суждения расценивались как провокационные, а не ложные, и их распространителей привлекали к уголовной ответственности на основании директивы НКГБ от 28 июня 1941 г. «О мероприятиях по пресечению распространения среди населения провокационных слухов в связи с военной обстановкой»¹²⁶.

На основании постановления ГКО от 21 ноября 1941 г. НКВД СССР издал приказ № 001613, в соответствии с которым Особому Совещанию при НКВД СССР предоставлялось право с участием Прокурора Союза ССР по возбужденным в органах НКВД делам о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР выносить соответствующие меры наказания вплоть до расстрела¹²⁷.

Одним из самых распространенных видов контрреволюционных преступлений в южноуральском регионе в годы Великой Отечественной войны являлась антисоветская пропаганда или агитация.

В первые дни войны в Чкаловской области с 23 июня по 2 июля 1941 г. арестовали 173 человека, которых обвинили в контрреволюционной агитации. В основном контингент арестованных относился к лицам, находившимся в разработке органов НКГБ. Наиболее характерными фактами контрреволюционной деятельности являлись следующие: 30 июня 1941 г. арестовали А. П. Мазымова, 1915 года рождения, уроженца города Брауншвейга (Германия), по национальности немца, в 1938 г. в административном порядке высланного из Ленинграда. Работал на кирпичном заводе № 4 города Бугуруслана. С 1939 г. систематически проводил среди рабочих антисоветскую агитацию, восхваляя Гитлера. Во время митинга рабочих на заводе А. П. Ма-

зымов 22 июня 1941 г. по вопросу объявления войны Германией говорил: «Если Гитлер победит, то я первый буду вертеть головы тем, кого ненавижу».

23 июня 1941 г. органы внутренних дел задержали и привлекли к уголовной ответственности руководителя бригады по поделке самана в совхозе НКВД А. У. Кривушкина за контрреволюционную пропаганду. Большинство лиц в данной бригаде отбывали меру наказания. Кривушкин выступил перед ними с призывом: «Товарищи, да здравствует война! Мы проводили людей на войну, и мы их больше не увидим, их порубят как капусту, из них ни один не вернется. Товарищи заключенные, не я над вами издеваюсь, над вами издеваются коммунисты, они не люди, а сволочи, гады, смерть коммунистам»¹²⁸.

Антисоветские идеи высказывались и на собраниях, кружках. Так, 18 ноября 1941 г. в Отдел пропаганды и агитации горкома ВКП(б) Чкаловской области поступила информация, что на занятиях кружка с домохозяйками 22 октября на улице М. Горького, 21 Ускова высказывала антисоветские идеи: «Нагнали к нам всяких, особенно евреев, которые работать не любят, а теперь нас они обучают. Нас просвещать нечего — 24 года заставляли хлопать в ладоши, говорили, что все хорошо, а прошло 3 месяца, и половины России нет. Расшатали аппарат, особенно связь. Раньше жены ездили на фронт, а теперь что? Теперь наши дети пухнут оттого, что нет сахара»¹²⁹.

В период Великой Отечественной войны не утратила своего значения директива НКГБ СССР от 26 июня 1941 г. «Об аресте и предании суду военного трибунала распространителей политических слухов, пытающихся дезорганизовать тыл», согласно которой распространителей слухов следовало считать фашистскими агентами¹³⁰.

6 июля 1941 г. выходит Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». В данном документе было указано, что за

«распространение слухов в военное время, возбуждающих тревогу среди населения, виновные караются по приговору военного трибунала тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет, если это действие по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания»¹³¹.

В течение Великой Отечественной войны принимались новые секретные директивы. Так, в указании НКГБ СССР от 31 августа 1943 г. «О разработке антисоветских элементов, распространяющих слухи» предписывалось всем местным органам госбезопасности активизировать разработку антисоветских элементов, возможно, связанных с разведывательными органами иностранных государств, распространяющих провокационные слухи о якобы предстоящей сдаче заводов и рудных ископаемых СССР в концессию Англии и США¹³².

В годы войны имело место распространение анонимных листовок, писем. Авторы привлекали к уголовной ответственности по статье 58-10 УК РСФСР. По данным НКГБ СССР, всего за военные годы на территории Советского Союза зарегистрировали 2419 случаев распространения 27 489 экземпляров листовок и анонимных писем, из них раскрыто 1286 случаев, установлено 2247 человек, взяты в агентурную разработку 1531 человек, профилактровано 447 человек¹³³.

6 июля 1941 г. в Чкаловской области были арестованы Портянко и Пешкин с сообщниками за изготовление 4-х экземпляров антисоветских листовок, которые они намеревались распространить среди населения¹³⁴. В большей части в листовках содержалась информация о реальном бедственном положении населения, критика местных и центральных органов власти, которые не всегда могли защитить интересы трудящихся.

В годы Великой Отечественной войны имели место факты, когда дезертиры Красной Армии распространяли антисоветские листовки. Например, в мае 1942 г. в селе Мухраново Илекского района Чкаловской области задер-

жали дезертиров — лейтенанта Криушина, уроженца села Илек, и помощника командира взвода Пелеха, уроженца города Полтавы. Эти военнослужащие дезертировали с Калининского фронта. При задержании у них изъяли 2 винтовки, 175 боевых патронов и антисоветские листовки¹³⁵. Подобные антисоветские настроения наблюдались и среди мобилизованных в армию. Например, в Башкирской АССР С. С. Аикулов заявил: «Сейчас я отправляюсь на фронт, но я буду стрелять в своих врагов — коммунистов». В итоге С. С. Аикулова арестовали¹³⁶.

30 октября 1941 г. в Челябинской области был арестован В. И. Аррас. Следствие установило, что в августе 1941 г. его зачислили в истребительный батальон в Эстонской ССР. Аррас пытался перейти на сторону врага. Для этой цели при нем находилась фашистская листовка. Будучи эвакуированным из Эстонской ССР в Увельский район Челябинской области, он читал листовку, заявляя, что якобы красноармейцы насилуют женщин, а немцы хорошо обращаются с пленными. В результате Арраса приговорили к высшей мере наказания — расстрелу¹³⁷.

На территории Чкаловской области проживали лица немецкой национальности, которые вызывали особый интерес органов НКВД, так как были нередки случаи, когда представители немецкой национальности распространяли пораженческие слухи. В соответствии с распоряжением Совета Народных Комиссаров Союза ССР и решением суженного Исполкома Чкаловского областного Совета депутатов трудящихся за № 339 от 12 ноября 1941 г., управлением НКВД было проведено расселение лиц немецкой национальности из промышленных районов Чкаловской области в сельскохозяйственные районы. В связи с этим переселенные в сельскохозяйственные районы лица получали право проживания только в том районе, куда их направили, и выезд с места жительства в другие районы без ведома УНКВД категорически запрещался¹³⁸.

1 декабря 1941 г. помощнику секретаря ГК ВКП(б) Чкаловской области Сердюкову поступила информация, что по переулку Гугучинскому, 19 проживает Венстрем, немец по национальности, у которого брат переехал из Советского Союза в Финляндию. В ходе оперативной работы было установлено, что Венстрем в одном из писем своему брату писал: «Я ненавижу Советский Союз и не могу в нем жить». Следственными органами было установлено, что в квартире Венстрема собирались подозрительные люди, которые вели контрреволюционные разговоры. В день нападения Германии на Советский Союз в квартире Венстрема была организована «гулянка».

Органы НКВД сумели получить сведения о том, что заведующий клубом ст. Шубар-Кудук Е. Н. Ламберг, 1918 г. рождения, немец по национальности, спецпереселенец, рабочим и служащим станции пересказывал содержание немецких радиопередач: обращение к казакам, обращение врача, перешедшего к немцам, и др. При расследовании установили, что Ламберг вместе с заведующим радиоузлом В. М. Коломийцевым слушали передачи немецкого радио, содержание которых затем рассказывали рабочим. В результате Ламберг и Коломийцев были арестованы¹³⁹.

Одним из важнейших направлений в деятельности органов НКВД стало выявление и задержание шпионов и диверсантов, в том числе и в тыловых районах страны. Так, Южный Урал, хотя и находился в глубоком тылу, стал объектом для проведения акций диверсионного характера, так как указанный регион превратился в кузницу вооружения, а через его территорию проходили эшелоны оборонного значения, воинские поезда, направлялись эвакуированные. Поэтому акты диверсии на железной дороге могли нанести существенный урон фронту. Органы НКВД в первые же дни войны выделили группы и заслоны на Оренбургской железной дороге. Создавались оперативные отряды для пресечения деятельности уголовно-преступного, шпионско-диверсионного, антисоветского элемента. 11 июля 1941 г.

начальник Дорожного отдела милиции НКВД Оренбургской железной дороги старший лейтенант милиции Бондаренко сообщал, что с начала войны выделено 8 оперативных групп в количестве 24 человек на линии Оренбургской железной дороги. Вместе с тем создавались оперативные заслоны из сотрудников милиции на станциях: Бузулук — 25 человек, 375 км Оренбургской железной дороги — 13 человек, Оренбург — 14 человек, Илецк — 20 человек. В задачу данных групп и заслонов входила проверка граждан на поездах северного, южного и орского направлений, а также на станциях.

Кроме того, для предотвращения возможных актов диверсионного характера под круглосуточную охрану взяли объекты оборонного значения: станционные пути, депо, телеграфные и телефонные линии, склады, электростанции, мосты, водокачки и т.д. Так, были взяты под круглосуточную охрану 20 наиболее важных объектов Оренбургской железной дороги (мосты железнодорожные на 69 км, 83 км, 109 км, 361 км, 456 км Оренбургской железной дороги; водокачки на станциях Переволоцк, Маячная, Илецк, Саракташ, Дубиновка; паровозные депо на станциях Бузулук, Оренбург; электростанции на станциях Бузулук, Ново-Сергиевка и т.д.)¹⁴⁰.

С начала войны сотрудниками транспортной милиции проводились регулярные проверки состояния бдительности рабочих и служащих, работающих на Оренбургской железной дороге. Проведенная с 25 по 28 сентября 1942 г. проверка показала, что почти везде охрана объектов на дороге поставлена неудовлетворительно. Благодаря целенаправленной деятельности органов НКВД, уже в первые дни войны удалось предотвратить попытки диверсии на Оренбургской железной дороге. Так, 24 июня 1941 г. обнаружили, что в зазор стыка рельсов на перегоне Кувандык — Канчерово перед проходом воинского эшелона была забита вертикальная накладка, могущая вызвать крушение поезда. Арестованы виновные Безрусов В. К., 24 лет, и Безрусов

Ф. Г., 16 лет. Оперуполномоченный Тугилов (Актюбинское линейное отделение милиции) 21 июля 1941 г. при осмотре состояния путей вместе с обходчиком Байниязовым на 697 км Оренбургской железной дороги обнаружил в зазоре стыка рельсов металлический клин. Тугилов установил, что на данном участке пути находились сыновья пастуха Паликова. При допросе выяснилось, что задание по организации диверсии они получили от спецпереселенца из Бессарабии Павлученко, получив за это деньги¹⁴¹.

На Южный Урал прибывало огромное количество эвакуированных граждан. Среди них были и шпионы, и диверсанты, завербованные немецкой разведкой. Но есть и факты перехода лиц, причастных к диверсионной работе, через линию фронта. Так, в спецсообщении начальнику Отдела железнодорожной милиции (ОЖДМ) ГУМ НКВД СССР майору милиции Бунину и секретарю Чкаловского обкома ВКП(б) Дубровскому от 2 ноября 1941 г. начальник дорожного отдела милиции НКВД Оренбургской железной дороги старший лейтенант милиции Бондаренко сообщал, что 31 октября 1941 г. оперативным заслоном на 375 км Оренбургской железной дороги был задержан неизвестный, одетый в красноармейскую форму. Задержанный показал, что в последних числах сентября 1941 г. сдался в плен на Гомельском направлении. После психологической обработки в немецкой разведке он согласился сотрудничать с фашистами, и в числе девяти диверсантов его перебросили через линию фронта. Он имел задание взорвать крупный мост через Волгу.

В докладной записке секретарям горкомов и райкомов партии секретарь обкома Г. А. Денисов сообщал, что в марте — апреле 1943 г. на станциях Оренбургской железной дороги, в прилегающих к ней населенных пунктах и проходящих поездах органами УНКВД задержано значительное число агентов немецкой разведки, засланных в советский тыл для шпионской и диверсионной работы. В частности, 18 марта 1943 г. на станции Илецк задержали прибывшего

из Саратова Х., одетого в военную форму. Следствие установило, что он являлся агентом немецкой разведки, переброшенным вместе с другими диверсантами на самолете через линию фронта, снабжен взрывчатыми веществами и имел задание осуществлять диверсионные акты на Оренбургской железной дороге и на предприятиях оборонного значения, а также собирать сведения шпионского характера.

9 апреля 1943 г. среди пассажиров поезда № 74 задержали С., находившегося на временно оккупированной территории, который ехал в Среднюю Азию без проездных документов и пропуска. Следствие установило, что С. предал врагу 10 советских граждан. При отступлении немцев получил задание проводить террористические акты против командиров Красной Армии, советских и партийных работников, диверсионные акты на предприятиях¹⁴².

В начале войны были случаи, когда лица, мобилизованные в Красную Армию, высказывались против той политики, которую проводил Советский Союз. Так, Г. И. Сухачев, будучи мобилизованным в армию, 6 июля 1941 г. следовал на пункт отправки на станцию Оренбург. В связи с поломкой автомашины совершили вынужденную остановку. Сухачев среди местного населения высказывал пораженческие идеи: «Вот я еду воевать, т.е. не еду, а меня насильно посылают, но я воевать не буду, а буду бить своих, перейдя на сторону немцев. Пусть немцы, что хотят, то и делают, но и здесь дома у нас тоже не жизнь, нас мучают, мы ничего хорошего не видим». В результате Сухачева арестовали и привлекли к уголовной ответственности¹⁴³.

В тыловых районах исследуемого региона располагался ряд стратегически важных объектов, отлаженная деятельность которых нередко подвергалась нападению диверсантов. Роль орского горючего была настолько велика, что гитлеровское командование весной 1942 г. в разгар Сталинградской битвы выбросило десант, перед которым поставило задачу — вывести из строя нефтепровод и линию Орск — Кандагач — Гурьев. Так, начальник нефтепе-

рекачки № 3 в Акчемке Пархоменко по телефону получил приказ — немедленно собрать все имеющееся в поселке оружие и организовать круглосуточную охрану насосной и резервуарного парка. Тревогу объявили по всей почти 900-километровой трассе нефтепровода и на железнодорожной магистрали Орск — Кандагач — Гурьев.

6 мая 1942 г. начальнику Гурьевского управления государственной безопасности принесли радиотелеграмму: «Неизвестный самолет в 4 часа ночи обстрелял в море в сорока — пятидесяти километрах от Гурьева пароходы «Роза Люксембург», «Пролетарская диктатура» и «Калинин». Пули высылаем на экспертизу». Экспертиза показала, что пули фашистские, а значит, выброшен вражеский десант.

В районный центр Жилая Коса прискакал гонец из колхоза им. Кирова. Он рассказал, что в степи на животноводческой ферме появилось шестеро чужих людей. Все они были в форме красноармейцев, у каждого в руках имелся автомат. Старшего из них называли капитаном. Они сказали колхозникам, что ищут дезертиров, купили барана и ушли в степь. Однако бригадиру Байжану Атагузиеву показалось подозрительным, что красноармейцы дали за барана больше, чем за него попросили.

Сотрудники органов НКВД во главе с Шармаем выехали в с. Уялы, также в район прибыл начальник управления государственной безопасности по Гурьевской области Гончаров, чтобы возглавить операцию по уничтожению диверсионной банды. Вместе с колхозниками сотрудники органов НКВД прочесывали местность. У населенных пунктов оставляли засады. В одном из пунктов задержали Бастибаева, Жакипова. Диверсанты рассказали о составе десанта и о том, что его возглавляет изменник Родины — Алихан Агаев, награжденный фашистским орденом. Группа получила название «Алаш». Она должна была создать в Прикаспийских степях несколько шпионско-диверсионных баз, взорвать нефтекачку № 3, нефтебазу «Ширина», мосты на железной дороге Орск — Кандагач — Гурьев и другие объ-

екты. К созданным диверсионным базам были отправлены оперативники. В урочище Шили-Сан группы Корнилова и Яценко окружили и захватили пятерых человек. Через несколько дней в Макатском районе схватили еще двоих. На трех базах, устроенных диверсантами, обнаружили пулеметы и автоматы, несколько ящиков с боеприпасами и взрывчаткой, зажигательные шашки, три рации, набор ядов, более 700 тыс. советских рублей, печати, штампы, походную типографию с набором шрифтов и клише. Один из преступников (Махмудов) на допросе рассказал о том, что десант был сброшен двумя группами с четырехмоторного бомбардировщика. После приземления передали радиogramму в Бухарест, где находился разведывательный центр, сообщили о том, что все в порядке. В ходе следствия выяснилось, что настоящая фамилия Агаева Тлеумагамбетов. В дни боев под Москвой он перешел на сторону врага¹⁴⁴.

Особое место в осуществлении контрреволюционной деятельности на Оренбургской железной дороге принадлежало немцам-переселенцам, которые работали на строительстве железнодорожной линии Орск — Кандагач — Гурьев. На Оренбургскую железную дорогу они прибыли в феврале 1942 г. в количестве более 2000 человек. В результате принятых мер по вскрытию контрреволюционной деятельности среди немцев удалось ликвидировать 10 немецко-фашистских групп. Так, обезвредили группу, работавшую на четвертом строительном участке железнодорожной линии Кандагач — Гурьев. В нее входили четыре человека: И. И. Шенер, Ф. В. Кайзер, Э. Я. Фаленфейдер, Ю. Я. Фаленфейдер. Эти лица уклонялись от работы, призывали других рабочих к саботажу, а затем дезертировали со строительства, но их задержали. В своих выступлениях они восхваляли Гитлера, называли его своим спасителем, доказывали неизбежность скорой гибели Советской власти и полной победы Германии над СССР. Военным Трибуналом дороги в августе 1942 г. данные лица были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу¹⁴⁵.

В августе 1942 г. среди немцев-спецпереселенцев, которые работали на строительстве моста через р. Урал, удалось вскрыть контрреволюционную группу в которую входило 6 человек — М. М. Линдт, И. И. Мейснер, Д. Е. Штейнле, Р. И. Кольман, Я. Е. Гергердт, Е. П. Шлотгауэр. Организатором группы являлся М. М. Линдт. Происходящие события участники группы истолковывали по Библии: «Эта книга указывает правду, и в ней записано, что в Советском Союзе тыл не прочен. Россия внутри страны имеет враждебно настроенные классы и народы, и в 1942 г. эти враждебные классы сделают свержение Советской власти. В этом году население России увидит, как будет убивать брат брата, а если к этому еще добавить немецкую армию и нас, немцев, да кулаков, находящихся в СССР, то Красная Армия будет разбита в прах». Выступая с пораженческой агитацией, Линдт заявил: «Немецкие войска пошли в глубь СССР, нам нужно надеяться только на бога и на отца Гитлера, и все будет в порядке. Сейчас Советский Союз и Сталин ведут несправедливую войну. Гитлер прав и хорошо делает, что идет навести порядок в Советской России. Гитлер идет прямо по направлению республики Немцев Поволжья, он надеется, что немцы ему помогут. И действительно, мы, немцы и кулаки, ему поможем, пусть только идет скорее». Арестованные признали себя виновными, и в сентябре 1942 г. Военным Трибуналом Оренбургской железной дороги все участники группы были приговорены к расстрелу¹⁴⁶.

В августе 1942 г. на станции Сагиз органы внутренних дел ликвидировали контрреволюционную группу в количестве четырех человек: Фрейман, Гегельман, Молько, Дизнер. В ходе следствия было установлено, что эти лица распространяли пораженческие идеи, провокационные слухи. Одновременно восхваляли фашистскую Германию, высказывались за победу Гитлера над Советским Союзом. В октябре 1942 г. Военным Трибуналом железной дороги данные лица были приговорены также к расстрелу. В конце августа 1942 г. удалось ликвидировать контрреволюцион-

ную группу в количестве 9 человек: Порат, Пфейфер, Пиммер, Бауэр, Кек, Гейн, Най, Шорцман, Штирц. Ее участники были уверены, что победу в войне одержит Гитлер: «Вы можете не сомневаться в том, что победа будет, несомненно, на стороне Гитлера и недалеко то время, когда мы будем жить под властью Адольфа». Военным трибуналом Южно-Уральского Военного округа 12 ноября 1942 г. приговорены к расстрелу Порат, Пиммер, Пфейфер, Бауэр, Кек и Най за измену родине и террористические намерения, остальные участники группы — к 10 годам лишения свободы¹⁴⁷.

Контрреволюционную пропаганду проводили и проживающие в Чкаловской области лица польской национальности. Так, двое рабочих железной дороги восхваляли жизнь за границей: «Как только закончится война, я ни за что не останусь в Советском Союзе, поеду жить в действительно демократические страны — Америку и Англию. Если даже в Польше будет Советская власть, то я и в ней жить не буду. Теперь я знаю Советскую власть, и с меня хватит ее». Данные лица были арестованы в ноябре 1942 г.¹⁴⁸

Ситуация в регионе осложнялась тем, что продуктов населению не хватало, в стране была введена карточная система. В связи с этим стали распространяться не только всевозможные слухи, но и саботажи рабочих, недовольных снабжением продуктами питания.

Так, 1 сентября 1941 г. на кирпичном заводе № 1 Чкаловской области бригада Горева должна была работать с 6 утра до 18 часов вечера, но после восьмичасовой работы бригада в количестве 26 человек прекратила работу, так как ведущий рабочий карьера Маклашов бросил работу и заявил: «Нам все равно погибать, лучше возьмите и сейчас заройте нас, потому что на 600 граммов хлеба жить нельзя». Вслед за Маклашовым работу бросили другие рабочие. Вслед за бригадой Горева перестали работать бригады Токарева и Мозжухина. Рабочий карьера Дудченко, прибывший с Дальнего Востока, заявил: «На этом хлебе (600 граммов) можно только сидеть дома, а не работать». Вследствие

саботажа всех бригад завод с 1 по 4 сентября 1941 г. не работал 27 часов¹⁴⁹.

В ноябре 1942 г. органы правопорядка задержали группу рабочих на станции Теренсай Оренбургской железной дороги в составе трех человек — Дубинка, Чернова и Киселева, которые среди рабочих МПС вели пораженческую агитацию. Например, Чернов выступал против требований о выполнении производственных норм: «Мне эта норма совершенно не нужна, от нее нет никакой пользы, а убивать себя работой и в то же время голодать я не буду. Этот фронт мне совершенно не нужен». В итоге Дубинка, Чернов и Киселев были арестованы¹⁵⁰.

Исследование показало, что распространение данного вида преступления, особенно в начальный период войны, объясняется следующими причинами: Красная Армия терпела одно поражение за другим, а сообщения Совинформбюро не всегда правдиво отражали обстановку на фронте, что приводило к распространению слухов, так как раненые, которые возвращались с фронта, беженцы рассказывали совсем другое. В связи с этим у части населения возникло неверие в победу над сильным врагом и недоверие к власти. А всевозможные слухи могли спровоцировать антиправительственные настроения, вызвать массовые беспорядки.

Наибольшее распространение изучаемый вид преступления получил в 1942 г. Это объясняется тем, что люди потеряли надежду, не верили в победу. В этой связи на многих предприятиях фиксировались антисоветские высказывания, многие из которых были объективны. Так, 9 ноября 1942 г. в цехе текущего ремонта депо Оренбург, во время обеденного перерыва, в группе рабочих на предложение начать читать доклад Сталина слесарь А. Л. Суханов, 1909 года рождения, заявил: «А зачем читать, ничего в докладе жизненного нет. Еще четыре дня не поедем и подохнем». Преподаватель Полтавского ТПС В. С. Кириллов 11 ноября 1942 г. высказал свое мнение насчет доклада Сталина:

«В докладе Сталина чувствуется понижение тона. Когда он выступал в прошлом году, то ясно указал — возможно, годик или полгода пройдет и будет час расплаты, а в этом году о приближении конца войны не указано. Вероятно, затянется война»¹⁵¹. Златоустовским горотделом НКВД Челябинской области в мае — июне 1942 г. были ликвидированы две контрреволюционные группы. Одна из них ставила своей задачей вооруженное свержение советской власти путем организации вооруженного восстания на Урале; другая — шпионаж в пользу Германии и организованный переход через линию фронта на сторону врага. В результате органам НКВД удалось ликвидировать эти две группы, за что шестеро сотрудников Златоустовского городского отделения (ГО) НКВД получили благодарность¹⁵².

За первое полугодие 1942 г. органами НКВД Чкаловской области было арестовано 207 человек по статье 58 УК РСФСР. Некоторое время спустя 15 дел прекратили. Причинами прекращения дел являлись: отсутствие состава преступления, недостаточность улик, смерть обвиняемого. Так, было прекращено дело за отсутствием состава преступления по обвинению А. Т. Барковой по статье 58-10 УК РСФСР. Поводом для возбуждения дела против Барковой послужили материалы, свидетельствующие о том, что она в тот день, когда рабочие должны были трудиться в фонд обороны, призывала рабочих швейной фабрики не приступать к работе. При расследовании данного дела материалы по агитации Барковой не подтвердились¹⁵³.

В годы войны задерживались лица, которые не только проводили пораженческую агитацию, но и высказывали террористические намерения против правительства и населения страны. Например, в октябре 1942 г. в Чкаловской области задержали А. В. Бархатова, который после отбывания наказания работал помощником машиниста депо станции Гурьев Оренбургской железной дороги. В ходе следствия удалось установить, что Бархатов высказывал террористические намерения в отношении руководителей

ВКП(б) и советского правительства. На допросе он заявил: «Я действительно в 1942 г. высказывал пораженческие настроения, восхваляя дореволюционные порядки России и порядки фашистской Германии. Распространял содержание контрреволюционных листовок, возводил клевету на вождя народов и других руководителей партии, высказывал террористические намерения по отношению главнокомандующего Красной Армией и действительно говорил о намерении в случае призыва в ряды Красной Армии перейти на сторону врага»¹⁵⁴.

В сентябре 1942 г. в городе Орске Чкаловской области органы внутренних дел раскрыли организацию казахов, которая ставила перед собой цель подрыва мощи Советского Союза. Участники данной организации неоднократно проводили собрания, на которых совершали жертвоприношения («Кудайжалы» — путь к аллаху). Жертвоприношения устраивались по поводу сдачи немцам советских городов, в честь немецко-фашистской армии. Также они ставили цель: уклоняться от призыва в Красную Армию, а в случае мобилизации — дезертировать. Организация вела подготовку для переброски части казахского населения из Советского Союза в Иран и Афганистан. Средства к существованию добывали преступным путем. Они заявляли: «Совхозно-колхозный хлеб и скот — наше, поэтому воровать его не грех. Когда не будет Советской власти, все это поделим, а на казахской территории восстановим казахское ханство». Руководителями организации являлись Бикбасов (он же Колешев), Сагинтаев, Нурбаев¹⁵⁵.

В апреле — мае 1942 г. в городе Орске Чкаловской области управлением НКГБ была раскрыта контрреволюционная группа, которая называлась «Народная трудовая демократическая российская партия». По данным исследователя А. И. Вольхина, данная контрреволюционная группа являлась самой многочисленной, действующей на территории Урало-Сибирского региона. В результате следствия арестовали 64 участника, из них 63 человека признали себя

виновными в антисоветской деятельности. Организатором данной группы являлся техник стройтреста № 1 Наркома-та тяжелого машиностроения Мочаров. Организация имела свой устав, программу и план вооруженного выступления против местных властей. Группа возглавлялась бюро в составе 10 человек, работой которого руководили 3 секретаря. В рядах организации находилось более 100 рабочих, главным образом Никелькомбината и треста № 1¹⁵⁶.

В годы Великой Отечественной войны имели место случаи, когда по радио передавались слухи, которые вызывали панику среди населения. Так, 10 августа 1942 г. начальник штаба местной противовоздушной обороны (МПВО) г. Кургана М. Ф. Соснин по радио сообщил о налете вражеской авиации на города Челябинск и Свердловск, а также указал на разрушения. В результате данного сообщения в г. Кургане среди населения создалось тревожное настроение, что вызвало панику. Подобного рода заявления со стороны М. Ф. Соснина имели место 23 мая 1942 г. и 13 июля 1942 г. В итоге бюро обкома ВКП(б) постановило: «За распространение провокационных измышлений, вследствие которых было вызвано тревожное состояние и паника среди трудящихся города Кургана, Соснина из рядов ВКП(б) исключить»¹⁵⁷. Однако каких-либо дополнительных сведений по данному инциденту автору в архивных документах обнаружить не удалось.

На Южном Урале в 1942 г. имели место факты умышленного членовредительства в целях уклонения от работы. Так, рабочий завода № 47 г. Чкалова Иштеряков в целях уклонения от работы порезал себе кисти обеих рук, затем растирал раны каустической содой и чесноком, в результате чего получил больничный листок и прогулял месяц. Аналогичные факты наблюдались в Медногорске, Бугуруслане, Орске и других городах и районах области. Также вскрывались факты хищения больничных листков. Прокурор Чкаловской области П. С. Ковалев в целях борьбы с членовредительством предложил следующие меры: немедлен-

но арестовывать лиц, совершивших членовредительство, данное преступление квалифицировать по статье 58-14 УК РСФСР (контрреволюционный саботаж). Расследование по контрреволюционным делам необходимо было заканчивать в срок не позднее пяти дней¹⁵⁸.

В южноуральском регионе в условиях войны действовали небольшие молодежные антисоветские группы, которые занимались в основном антисоветской пропагандой. В г. Кургане 2 марта 1943 г. в школе № 2 учитель Кутепова сняла стенгазету, которая была выпущена учениками. В данной газете имелись статьи с антигосударственными лозунгами, с призывами на борьбу с евреями. Аналогичные случаи были зафиксированы и в районах области. Так, в с. Шумиха сняли с телеграфного столба листовку с призывом борьбы с евреями. Она также была выполнена учащимися¹⁵⁹. В Катайском районе Курганской области ликвидировали группу в составе 3-х человек (Г. М. Голиков, В. И. Вокшаров, П. П. Ивойлов), которая намеревалась достать оружие и убивать евреев. Ими было расклеено на улицах Катайска несколько листовок антисемитского характера¹⁶⁰.

В Челябинской области в поле зрения НКГБ весной 1945 г. попали школьники Г. И. Бондарев, И. С. Динабург, Г. Ф. Ченчина. Динабург считал, что «советский госаппарат прогнул снизу доверху, ВКП(б) и ВЛКСМ разложились, партийные вожди оторвались от жизни, многие трудящиеся недовольны советской действительностью». На вопрос «Что делать?» Динабург рассказал, что Бондарев пообещал своим друзьям после поступления в МГУ организовать подпольную группу, которая должна перерасти в подпольную организацию численностью до 10 000 человек. Члены организации должны вступить в ВКП(б), создать фракцию, а затем захватить власть. В ходе реализации агентурного дела «Философы» органы внутренних дел организовали наблюдение за этими школьниками. Руководство УНКГБ по Челябинской области решило провести среди них профилактические мероприятия, что и было сделано в сентябре 1945 г.

Бондарев раскаялся, признав вину, а затем поехал учиться в МГУ, Ченчик уехал учиться в Свердловск, а Динабург поступил в Челябинский пединститут. Заместитель наркома госбезопасности СССР генерал-лейтенант С. И. Огольцов в марте 1946 г. негативно оценил лояльную позицию УНКГБ по Челябинской области¹⁶¹.

В годы Великой Отечественной войны огромную роль играла Русская православная церковь (РПЦ), так как в экстремальных условиях она заняла патриотическую позицию, а религиозность населения выросла. И в этих условиях государство сделало первые шаги по улучшению государственно-церковных отношений. Это способствовало тому, что правительство пошло на уступки: в стране начали открываться церкви, во многих регионах страны были созданы комитеты по делам церкви. Но в то же время вопрос об открытии церквей решался сложно. Среди верующих города Чкалова распространялись следующие высказывания: «У власти сидят большевики-антихристы, они не верят в бога, поговорить поговорят, пообещают, а церкви все-таки не открывают. Это обман, кругом обман». Данные настроения были вызваны тем, что в городе Чкалове не было ни одной действующей церкви. Поэтому в областном центре создавались нелегальные молитвенные дома, всего их действовало 11. Они попали под контроль органов НКВД, которые выявляли антисоветские элементы среди верующих и духовных лиц¹⁶².

В Курганской области организовывались так называемые «нелегальные сборища» верующих, где среди них распространялись письма с призывом не работать в праздничные дни. В письмах высказывалась угроза: «Кто не будет выполнять эти требования, тот понесет суровую кару от бога, верующим, исполняющим заветы бога, будут прощаться грехи, и тот не будет убит на войне». В местечке Тихоновка г. Кургана систематически собирались старообрядцы. В июне 1941 г. в д. Прилогино Лебяжьевского района Курганской области Е. Л. Полукарпова и М. И. Сурикова орга-

низовали церковное шествие по полям колхозов¹⁶³. Однако опасность представляла деятельность различных сект, а также религиозных сектантов. Так, на территории Челябинской области антисоветскую работу вели секты баптистов, «истинно православных христиан», иеговистов, старообрядцев, духоборов. В 1942 г. их работа была парализована органами НКВД. Однако уже к концу 1944 г. в УНКГБ по Челябинской области стали поступать данные об активизации деятельности баптистов и иеговистов. Организаторами групп были сектанты, эвакуированные в область из западных районов Украины и Белоруссии¹⁶⁴.

Необходимо отметить, что по архивным данным достаточно сложно судить о правомерности арестов. Нередко в годы войны незаконно привлекали граждан к уголовной ответственности путем фальсификации следственных материалов. Так, в 1944 г. была осуществлена проверка деятельности НКГБ по Башкирской АССР. Согласно предписанию наркома госбезопасности СССР В. Н. Меркулова от 29 июля 1944 г. в г. Уфу для расследования фактов допущенной фальсификации в агентурной и следственной работе НКГБ по БАССР по делам «Горные шакалы» и «Хитрые» направили бригаду НКГБ СССР. Проверка установила, что в марте 1942 г. заместитель начальника СПО НКВД по Башкирской АССР Накоряков на основании донесений агентуры об отдельных антисоветских высказываниях ряда лиц дал указания начальнику Абзелиловского РО НКВД Курбанову «вскрыть центр повстанчества и связь повстанцев с иностранной разведкой». Нарком внутренних дел БАССР А. Г. Соколов в записке на имя Курбанова указал, что в течение апреля — мая 1942 г. необходимо выявить контрреволюционную деятельность и связи фигурантов разработки. Руководство НКВД по Башкирской АССР разработало план, по которому агентуре дали задание высказывать обиды на материальные трудности, призывать население к организованному выступлению против советской власти. Таким образом, от провокационно действовавшей агентуры требо-

96

вали вскрыть «центр повстанчества», «наличие оружия» и т.д. В июне 1943 г. НКГБ по Башкирской АССР и УНКГБ по Чкаловской области, объединив отдельные разработки, завели единое агентурное дело «Горные шакалы» на якобы существующую антисоветскую повстанческую организацию, действующую в горно-лесных районах Башкирии и г. Орске Чкаловской области. НКГБ по БАССР в августе 1943 г. запросило у 2-го Управления НКГБ СССР санкцию на арест 17 человек. Однако материалы дела вызвали сомнение и руководство 2-го Управления НКГБ СССР направило в Башкирию и г. Орск своих сотрудников Агеяна и Ривкина, которые установили, что повстанческой организации не существует, а агентура занимается провокациями. Для того чтобы определить правдивость агентурных материалов, было дано согласие на арест трех человек, но аресту подвергли 11 человек. Следствие проводил заместитель начальника второго отдела Накоряков, который применял меры физического воздействия. Ему удалось получить показания о наличии повстанческой организации в количестве 57 человек. Из арестованных 14 человек совершил побег — 1, умерло от пыток — 4, освобождены в связи с прекращением дела — 9. За фальсификацию следственных материалов приказом наркома госбезопасности СССР В. Н. Меркулова наркому госбезопасности БАССР А. Г. Соколову объявили выговор, Накорякова арестовали на 30 суток и понизили в должности¹⁶⁵.

По данным А. И. Вольхина, за годы Великой Отечественной войны органами госбезопасности Советского Союза за антисоветскую агитацию и пропаганду было арестовано 131 178 человек, или 29% от общего числа арестованных. Преобладающее количество арестов провели в тыловых регионах СССР — 91 336 человек¹⁶⁶.

Таким образом, в условиях Великой Отечественной войны существенно усложнились задачи НКВД по охране общественного порядка и борьбе с преступностью. К функциям органов внутренних дел прибавилась борьба с рас-

пространителями пораженческих слухов, паникерами, диверсантами и т.д. Под категорию опасных антисоветских элементов попадали бывшие кулаки, дворяне, дети кулаков, добровольцы белой армии, церковники, родственники лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, исключенные из ВЛКСМ и ВКП(б) и др. Однако ликвидация данного вида преступления показала сущность политической системы государства, а также противоречивый характер ее действия. В начале войны отсутствовала достоверная информация, что являлось причиной порождения слухов, которые зачастую отражали истинную обстановку в стране и на фронте. Возвращались домой раненые, которые рассказывали о том, что действительно происходило на фронте. Для предотвращения распространения контрреволюционных преступлений выходит ряд постановлений, указов. Так, 6 июля 1941 г. опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов», по которому распространителей слухов считали фашистскими агентами. Постановление ГКО № 903 от 17 ноября 1941 г. давало право Особому Совещанию НКВД Советского Союза выносить приговор вплоть до применения ВМН по делам о контрреволюционных преступлениях. Однако первостепенной задачей органов НКВД в годы войны являлось предотвращение создания «пятой колонны» внутри Советского Союза.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. В период Великой Отечественной войны на Южном Урале резко обострилась криминогенная обстановка, что было вызвано ростом числа эвакуированных, так как в данной среде мог раствориться преступный элемент. Значительная часть сотрудников органов внутренних дел ушла на фронт в ряды Красной Армии. В органы пришли молодые сотрудники, женщины, которые не имели оперативного опыта. В этот период времени появилась новая проблема — дезертирство и уклонение от мобилизации, которая породила резкий всплеск бандитизма. Так, если в

1941 г. на Южном Урале не было зафиксировано ни одного преступления по статье 59-3 УК РСФСР (бандитизм), то уже в 1942 г. органы НКВД ликвидировали 18 бандитских группировок с 66 участниками. Участники бандгрупп активно использовали оружие, которое поступало в тыловые районы страны вместе с дезертирами, мигрантами, эвакуированными.

Неблагоприятное развитие событий начального периода войны вызвало распространение слухов, которые порой отражали истинную обстановку в стране и на фронте. Однако сотрудники органов правопорядка пресекали данное явление в целях поддержания устойчивого морально-психологического положения в стране и недопущения поражения населения, а тем более антиправительственных выступлений.

Южноуральский регион в военный период являлся объектом для проведения акций диверсионного характера, так как через его территорию проходили воинские поезда, направлялись эвакуированные. Уже в первые дни войны на железной дороге были образованы специальные группы и заслоны для предотвращения актов диверсионного характера. В 1944—1945 гг. органам НКВД удалось достичь позитивных результатов в борьбе с особо опасными преступлениями. Для этого использовались различные формы и методы: проверка документов, агентурное наблюдение, прочесывание лесных массивов, контроль над работой военкоматов, госпиталей и т.д. Огромное влияние оказала обстановка на фронте. В это время Красная Армия одерживала крупные победы не только на территории Советского Союза, но и в Европе, что способствовало росту патриотических настроений.

Примечания

1. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 12а. Л. 8, 15; Герман Р. Б. Деятельность российской милиции в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941—1960). Ростов-на-Дону, 2002. С. 35—36.

2. Герман Р. Б. Указ. раб. С. 34—35.
3. Милиция Челябинской области 1802—2002: Страницы истории. Челябинск, 2002. С. 165; Коллекция документов музея УВД Оренбургской области.
4. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802—2002. СПб., 2002. С. 282, 284—285; Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1902—2002. М., 2004. С. 343, 350; Кокурин А. И., Петров Н. В. НКВД — НКГБ — СМЕРШ: структура, функции, кадры // Свободная мысль. 1997. № 8. С. 118—119.
5. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 150. Л. 42—56.
6. Чкаловская коммуна. 1943. 9 февр.; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 163. Л. 1.
7. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802—2002. СПб., 2002. С. 282, 284—285; Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1902—2002. М., 2004. С. 343, 350.
8. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 12а. Л. 77.
9. Там же. Л. 85.
10. Уголовный кодекс. М., 1943. С. 87—100.
11. Стрелец Р. В. Дезертирство на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны как наиболее опасный вид воинских правонарушений // История Оренбургская: наследие и современность. Первые региональные историко-краеведческие чтения памяти профессора П. Е. Матвиевского : в 2 т. Оренбург, 2006. Т. 2. С. 295.
12. Уголовное право. Особенная часть / под общ. ред. И. Т. Голякова. М., 1943. С. 427—430.
13. Министерство внутренних дел России. Исторический очерк. СПб., 2002. С. 344.
14. Вольхин А. И. Поиск повстанческих организаций органами НКВД — НКГБ, борьба с террористическими актами и бандитизмом на Урале и в Сибири в годы Великой Отечественной войны // Военный комментатор : воен.-ист. альманах. Екатеринбург, 2001. № 1. С. 58—59.
15. ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2005. С. 50.
16. Гусак В. А. Великая Отечественная: военный лик преступности // Выдающиеся представители научной, общественной и духовной жизни Урала : материалы третьей регион. науч. конф. Челябинск, 2005. С. 130.
17. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 120. Л. 15.
18. Уголовное право. Особенная часть / под общ. ред. И. Т. Голякова. М., 1943. С. 431—432.
19. ГАОО. Ф. Р-1308. Оп. 1. Д. 63. Л. 21.
20. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 164. Л. 50.
21. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 150. Л. 75.
22. ЦГАООРБ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 162. Л. 40—40 об.
23. ГАОПДКО. Ф. 122. Оп. 24. Д. 26. Л. 324 об.

24. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 150. Л. 38а.
25. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 177—178.
26. Хисамутдинова Р. Р. Правоохранительные органы Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны // История управления внутренних дел Оренбургской области. Оренбург, 2002. С. 109.
27. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 177—179.
28. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 567. Л. 20.
29. ГАОО. Ф. Р-1308. Оп. 1. Д. 60. Л. 28.
30. Стрелец Р. В. Указ. соч. С. 298.
31. Там же. С. 299, 300.
32. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 272. Л. 2.
33. Измена родине, т.е. действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелез за границу, совершенные военнослужащими, караются мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества (см.: Уголовный кодекс. М., 1943. С. 25—26).
34. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 101—103.
35. Вольхин А. И. Указ. раб. С. 47.
36. Стрелец Р. В. Указ. соч. С. 302—304.
37. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 280. Л. 19.
38. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 43. Л. 567—568.
39. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 567. Л. 20.
40. Там же.
41. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 153. Л. 24.
42. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 164. Л. 206—207.
43. Салмина С. Ю. Прокуратура Челябинской области: очерки истории. Челябинск, 2001. С. 225—226.
44. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 154—155; 168—169.
45. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 148. Л. 63.
46. Финикова И. Г. Борьба с бандитизмом и дезертирством в Курганской области // Зырянские чтения : материалы III межрегион. науч.-практ. конф. Курган, 2005. С. 86—87; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 168. Л. 75.
47. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 43. Л. 567.
48. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 165. Л. 112.
49. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 3. Д. 156. Л. 528—530.
50. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 153. Л. 20.
51. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 177—178.
52. Гусак В. А. Великая Отечественная: военный лик преступности // Выдающиеся представители научной, общественной и духовной жизни Урала : материалы 3-й регион. науч. конф. Челябинск, 2002. С. 128.

53. ГАОО. Ф. Р-2843. Оп. 1. Д. 63. Л. 58—59.
54. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 3. Д. 156. Л. 538 об.
55. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 153. Л. 46—48.
56. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 144. Л. 5.
57. Там же.
58. Там же. Л. 6.
59. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 153. Л. 51.
60. Там же. Л. 41.
61. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 150. Л. 69.
62. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 3. Д. 152-2. Л. 306.
63. Министерство внутренних дел России. 1802—2002. Исторический очерк. СПб., 2002. С. 344.
64. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 150. Л. 46—47.
65. Там же. Л. 69—69 об.
66. Финикова И. Г. Указ, раб. С. 87.
67. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 148. Л. 61—62.
68. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 177—178.
69. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 280. Л. 19.
70. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 43. Л. 588.
71. ОГАЧО. Ф. Р-1317. Оп. 23. Д. 8. Л. 142.
72. ОГАЧО. Ф. Р-1317. Оп. 23. Д. 65. Л. 53.
73. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 45. Л. 105.
74. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 168. Л. 77.
75. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 150. Л. 36—36 об.
76. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 164. Л. 211.
77. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 144. Л. 105 об.
78. Министерство внутренних дел России. 1802—2002... С. 362.
79. Там же. С. 341.
80. Мартыненко С. В. Последствия послевоенной демобилизации для Чкаловской области // Южный Урал — Великой победе : материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Победы над гитлеровской Германией. Оренбург, 2005. С. 132.
81. Уголовный кодекс РСФСР. М., 1943. С. 34.
82. Министерство внутренних дел России. 1802—2002... С. 287.
83. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 174—176.
84. Министерство внутренних дел России. 1802—2002... С. 348.
85. Салмина С. Ю. Прокуратура Челябинской области. Очерки истории. Челябинск, 2001. С. 223—224.
86. Хисамутдинова Р. Р. Указ, раб. С. 105—106.
87. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 174—176.
88. Салмина С. Ю. Указ, раб. С. 222.
89. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 227. Л. 25.
90. Красная Башкирия. 1944. 11 и 16 февр.
91. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 174—176.

92. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 3. Д. 156. Л. 537—540; ЦДНИОО. Ф. 267. Оп. 14. Д. 31. Л. 6—10.
93. ЦДНИОО. Ф. 267. Оп. 14. Д. 31. Л. 7—8; ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 3. Д. 156. Л. 537 об. — 538 об.
94. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 53.
95. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 3. Д. 168. Л. 4.
96. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 93. Л. 243.
97. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 30. Л. 236 об., 243.
98. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 168. Л. 76; Оп. 1. Д. 162. Л. 200.
99. Вепрев О. В., Люгов В. В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале. Челябинск, 2002. С. 346.
100. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802—2002. СПб., 2002. С. 288.
101. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 280. Л. 19.
102. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 174—176.
103. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 43. Л. 260—260 об.
104. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 3. Д. 173. Л. 35—36.
105. Ушпик И. А. Борьба с уголовной преступностью в годы Великой Отечественной войны // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области) : материалы науч.-практ. конф. Челябинск, 2003. С. 226—227.
106. Революционный порядок. 1943. 4 окт.
107. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 192—194.
108. Коллекция документов музея УВД Оренбургской области.
109. Страницы истории Оренбургской милиции. Оренбург, 1977. С. 59.
110. Милиция Челябинской области. 1802—2002. Страницы истории ГУВД Челябинской области. Челябинск, 2002. С. 173—176.
111. Коллекция документов музея УВД Оренбургской области.
112. Милиция Челябинской области 1802—2002 гг. ... С. 171.
113. Михайлов М. В. Особенности организации и деятельности Челябинской милиции в годы Великой Отечественной войны // Челябинск в прошлом и настоящем : материалы науч. краевед. конф. Челябинск, 2001. С. 94.
114. Коллекция документов музея УВД Оренбургской области.
115. Коллекция документов музея УВД Оренбургской области; Хисамутдинова Р. Р. Указ. раб. С. 123—124.
116. Коллекция документов музея УВД Оренбургской области.
117. Милиция Челябинской области 1802—2002. Страницы истории. М., 2002. С. 169—170; Уголовный розыск Южного Урала. События. Люди. 1918—2003. Челябинск, 2003. С. 193—194.
118. Уголовный розыск Южного Урала. События. Люди. 1918—2003. Челябинск, 2003. С. 194.

119. Герои Отечества. Сборник документальных очерков МВД России. М., 2004. С. 639.
120. Хисамутдинова Р. Р. Указ. раб. С. 124.
121. Уголовный кодекс. М., 1943. С. 25.
122. Вольхин А. И., Демидов А. М. Борьба органов НКВД — НКГБ Урала и Сибири с антисоветской агитацией и пропагандой в годы Великой Отечественной войны // Военный комментатор. Екатеринбург, 2000. № 1. С. 19.
123. История советской милиции. М., 1977. Т. 2. С. 72.
124. Уголовный кодекс. М., 1943. С. 25—31.
125. Уголовное право. Особенная часть / под общ. ред. И. Т. Голякова. М., 1943. С. 77.
126. Вольхин А. И., Демидов А. М. Указ. раб. С. 19—20.
127. Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918—1953). М., 2006. С. 225.
128. ГАОО. Ф. Р-1308. Оп. 1. Д. 54. Л. 64—65.
129. ЦДНИОО. Ф. 267. Оп. 13. Д. 210. Л. 75.
130. Вольхин А. И., Демидов А. М. Указ. раб. С. 20.
131. Уголовный кодекс. М., 1943. С. 118; Правда. 1941. 7 июля; Герман Р. Б. Деятельность российской милиции в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941—1960 гг.). Ростов-на-Дону, 2000. С. 34.
132. Вольхин А. И., Демидов А. М. Указ. раб. С. 20.
133. Там же. С. 25.
134. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 120. Л. 2.
135. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 150. Л. 47.
136. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 91.
137. ОГАЧО. Ф. Р-1317. Оп. 21. Д. 20. Л. 56—56 об.
138. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 3. Д. 168. Л. 79—79 об.
139. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 150. Л. 154 об. — 155.
140. Хисамутдинова Р. Р. Правоохранительные органы Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны // История управления внутренних дел Оренбургской области. Оренбург, 2002. С. 105.
141. Хисамутдинова Р. Р. Указ. работа. С. 113—115; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 120. Л. 17.
142. Хисамутдинова Р. Р. Указ. раб. С. 115—116; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 45. Л. 29—30.
143. ГАОО. Ф. Р-1308. Оп. 1. Д. 54. Л. 79—80.
144. Советская Россия. 1972. 22 февр.
145. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 150. Л. 158—159 об.
146. Там же. Л. 160.
147. Там же. Л. 160—161 об.
148. Там же. Л. 157 об.
149. ЦДНИОО. Ф. 267. Оп. 13. Д. 27. Л. 72—74.

150. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 150. Л. 157.
151. Там же. Л. 154—154 об.
152. Вепрев О. В., Люттов В. В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале. Челябинск, 2002. С. 344.
153. ГАОО. Ф. Р-1308. Оп. 1. Д. 77. Л. 9—11.
154. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 150. Л. 550 об.
155. ГАОО. Ф. Р-1308. Оп. 8. Д. 7. Л. 146—147 об.
156. Вольхин А. И. Поиск повстанческих организаций органами НКВД — НКГБ, борьба с террористическими актами и бандитизмом на Урале и в Сибири в годы Великой Отечественной войны // Военный комментатор. Екатеринбург, 2001. № 1. С. 50; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 84. Л. 40, 32.
157. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 36. Л. 28 об.
158. ГАОО. Ф. Р-1308. Оп. 1. Д. 61. Л. 146—146 об.
159. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 162. Л. 39—39 об.
160. Там же. Л. 69—70.
161. Вольхин А. И., Демидов А. М. Указ. раб. С. 34—35.
162. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 3. Д. 168. Л. 141—141 об.
163. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 162. Л. 151—151 об.
164. Вольхин А. И., Демидов А. М. Указ. раб. С. 28.
165. Вольхин А. И. Поиск повстанческих организаций НКВД — НКГБ, борьба с террористическими актами и бандитизмом на Урале и в Сибири в годы Великой Отечественной войны // Военный комментатор. Екатеринбург, 2001. № 1. С. 51—52.
166. Вольхин А. И., Демидов А. М. Указ. раб. С. 35.

2. БОРЬБА ОРГАНОВ НКВД ЮЖНОГО УРАЛА С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ И ПОДРОСТКОВЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

2.1. Вклад органов НКВД в ликвидацию экономических преступлений

Тяжелое экономическое положение Советского Союза, вызванное борьбой с сильным врагом, вынудило правительство ввести нормированную продажу продовольствия и предметов широкого потребления, перейти к распределению товаров по карточкам. Эти трудности стремились использовать в своих интересах разного рода преступные элементы, что привело к росту хищений социалистической собственности и спекуляции. Если в довоенное время основным объектом разворовывания были деньги, то в военное время — промышленные товары, продовольствие, товары первой необходимости (спички, керосин, табак, соль и другие)¹. Вырученные от продажи ворованных товаров деньги преступники обменивали на золото, валюту, драгоценности².

Конституция 1936 г. закрепила неприкосновенность социалистической собственности — экономической основы государства, что являлось законодательной основой для расширения возможностей органов внутренних дел в борьбе с хищениями государственной собственности.

Вопросы охраны социалистической собственности, бережного расходования продуктов питания и товаров первой необходимости часто обсуждались в ГКО, ЦК ВКП(б) и ЦК компартий республик, местных партийных органах. При этом особое внимание уделялось усилению охраны тех объектов, где хранился хлеб и продовольственные товары.

Борьба с хищениями, разбазариванием и спекуляцией возлагалась на милицию, и прежде всего на аппарат ОБХСС (отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности). Главное управление милиции в связи с военной обстановкой стремилось улучшить работу органов на местах. Службы БХСС в центре и регионах сосредотачивали свои усилия на борьбе со спекуляцией и злостной перекупкой товаров, дезорганизующими торговлю в условиях военного времени; с хищениями, злоупотреблениями, нарушителями торговли; с хищениями в системе «Заготзерно», разбазариванием не по назначению фондов и порчей хлеба.

В тесном взаимодействии с аппаратами БХСС сотрудники уголовного розыска решительно пресекали преступную деятельность расхитителей, которые пытались нажиться на трудностях со снабжением. На протяжении всей войны криминогенная обстановка оставалась наиболее сложной и напряженной в крупных промышленных центрах, где сотрудникам уголовного розыска выпали самые серьезные испытания. Именно в больших городах военная обстановка наложила тяжкий отпечаток на характер преступности. Введение карточной системы на продукты питания и промышленные товары возродило преступления, которых страна не знала с 1920-х гг.: кражи продуктов питания, подделка продовольственных карточек, налеты на склады, магазины³.

Ущерб от хищений являлся значительным. В связи с этим создавались заслоны хищениям в виде проверок, рабочего и общественного контроля. Карательная политика предусматривала по данным видам преступлений взыскание материального ущерба в пользу государства по рыночным ценам за хищение продовольственных товаров и в 5-кратном размере за промышленные товары⁴. Взыскать удавалось не все, так как большая часть похищенного шла не на продажу, а на личное потребление.

В первый месяц войны в Чкаловской области возбудили 33 уголовных дела на расхитителей государственной собственности, а с 22 июля по 22 августа 1941 г. — уже 45⁵.

В годы войны имели место случаи, когда в отдельных колхозах, совхозах, МТС и на нефтебазах наблюдались растрата и хищение горючего. Поэтому 23 июня 1942 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за хищение горючего в МТС и совхозах», который предусматривал наказание виновных в хищении горючего на срок от трех до пяти лет тюремного заключения⁶. Так, прокурор Чкаловского района Чкаловской области Сеницын установил, что возчик горючего колхоза им. Фрунзе Бакулин, получив с Чкаловской нефтебазы 202 л керосина, по назначению в Нежинскую МТС его не сдал, а за 2 пуда муки передал в свой колхоз. На самой базе Нежинской МТС у заведующего Абрамкина и кладовщика Дегтярева при ревизии не оказалось 1608 л керосина, 578 л бензина⁷. В отдельных случаях хищения, растраты горючего оправдывались перерасходом в связи с началом сева или списывались за счет тракторов, которые в действительности не работали⁸.

В годы Великой Отечественной войны имели место случаи хищения социалистической собственности на железной дороге. Это было связано с тем, что на железной дороге не уделялось должного внимания охране грузов; багажные вагоны пассажирской и малой скорости не обеспечивались охраной; главные кондукторы и технологические конторщики при приеме поездов не обращали внимание на ценность груза и принимали поезда без оформления; нередко на станциях вагоны с ценными грузами не ставились на специальные пути и не обеспечивались охраной.

Всего по Советскому Союзу с 1 июля 1941 г. по 1 июня 1944 г. по хищениям грузов на железной дороге было проведено 37 809 следственных дел, привлечено к уголовной ответственности 71 794 человека⁹. Основным контингентом расхитителей грузов являлись работники транспорта, связанные с обработкой и перевозкой грузов (привлекли около 24 000 железнодорожников). В большинстве своем хищением грузов занимался квалифицированный состав

железнодорожников: машинисты, их помощники, кондуктора, осмотрщики вагонов, весовщики и другие работники станций, паровозных и поездных бригад¹⁰. Так, 14 декабря 1941 г. на станции Челкар Чкаловской области задержали группу в количестве 11 человек из числа ссыльных из Астрахани, которая занималась хищениями. 15 декабря 1941 г. начальник Дорожного отдела НКВД Оренбургской железной дороги старший лейтенант милиции Бондаренко докладывал, что в результате оперативных мероприятий на станции Орск Чкаловской области задержана группа в составе 20 человек, среди которых оказались учащиеся фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), эвакуированные из других районов, систематически занимавшаяся хищениями по пути следования поездов из Саратова до станции Илецк¹¹.

На Оренбургской железной дороге за январь — апрель 1942 г. было похищено топлива на сумму 37 629 рублей. Данные факты требовали усиления охраны грузов на железной дороге. Но несмотря на принятые меры по борьбе с хищениями, ситуация не изменилась, а напротив — произошло увеличение количества этого вида преступлений. Так, за четвертый квартал 1943 г. на железной дороге зарегистрировано 38 хищений грузов и 6 хищений багажа, за которые привлекли к ответственности 25 человек. Кроме того, были арестованы и привлечены к ответственности за разбазаривание, расхищение хлебопродуктов, взяточничество и спекуляцию 71 человек, из них 68 железнодорожников¹².

5 августа 1942 г. Военный трибунал Оренбургской железной дороги за хищение грузов приговорил к расстрелу И. Ф. Чуб, который осуществлял хищения на перегоне Орск — Айдырля. После суда Чуб был заключен в КПЗ станции Орск. 7 августа передал записку милиционеру Яровому, в которой просил помочь ему организовать побег за 2000 рублей. Милиционер доложил начальству. Имея в виду то, что преступник на предварительном следствии не выдал своих сообщников, было решено не прекращать общения милиционера с заключенным. Для разоблачения

участников хищения в камеру, где содержался Чуб, внедрили агента «Голос» как задержанного за хищение табака на станции Орск. Милиционером Яровым была получена записка от преступника на имя старшего кондуктора Орского резерва Матвиенко, в которой он просил достать ему деньги и ружье. Также в записке указывалось, что если Матвиенко денег не имеет, то должен обратиться к поезвному мастеру Порозовой. Матвиенко написал записку, в которой говорилось, что деньги он достанет. Однако Чуб получил другую записку, написанную оперативниками. В ней говорилось, что у Матвиенко денег нет. Получив такое сообщение, Чуб написал еще одну записку, где указывал, что помочь ему обязаны, так как он не выдал никого.

Далее в дело вступил агент «Голос». По легенде он являлся старшим сержантом одной из артиллерийских частей. Агент рассказал Чубу, что один из его товарищей до войны был арестован и осужден на 10 лет за хищение. Однако когда он выдал своих сообщников, срок ему сократили до 6 лет. После этого разговора Чуб принял решение выдать своих сообщников. Он заявил, что вместе с Матвиенко, поездным мастером Мясоедовым, главным кондуктором Прохоровым, дежурным по разъезду № 20 Рожновым совершал хищения. Например, с целью совершения преступления они на 20 разъезде останавливали товарные поезда стопкраном. В марте 1942 г. на 23 км дистанции Орск — Домбаровск похитили вагон угля. Данные лица были привлечены к уголовной ответственности¹³.

13 декабря 1943 г. на станции Оренбург арестовали группу подростков из 22 человек, которая занималась хищениями грузов из подвижного состава. В процессе следствия было установлено, что этой группой в разное время совершены следующие преступления: вскрыт вагон с воинским обмундированием, откуда похитили 25 пальто, 10 фуфаяк, 15 ватных брюк, 10 матрацных наволочек; в октябре ею вскрыт вагон, из которого было похищено 20 котелков. В декабре подростки совершили хищение электрооборудо-

вания для самолетов. Похищенные товары они передавали перекупщикам краденого, а частично самостоятельно реализовывали на рынке. Произведенным обыском у задержанных изъяли: пальто — 22, ватных брюк — 11, фуфаяк — 3, шерсти — 10 кг, проса — 50 кг, электрооборудования — 7 кг. В результате сотрудники органов правопорядка арестовали 18 человек, которых привлекли к уголовной ответственности, а четыре человека, как малолетние, к судебной ответственности привлечены не были¹⁴. В ноябре 1943 г. ликвидировали группу, которая занималась хищениями с территории товарного двора станции Оренбург. Группе удалось похитить 6 т соли, 18 т угля. В феврале 1944 г. на станции Оренбург раскрыта группа рабочих и служащих товарного двора станции Оренбург, похищавшая имущество при погрузке¹⁵.

За первый квартал 1944 г. на Оренбургской железной дороге зарегистрировано 53 случая хищения грузов и багажа, по ним привлечено к ответственности 139 человек, из них 98 железнодорожников. Кроме того, за другие преступления арестовали 158 человек, в том числе 72 железнодорожника¹⁶.

Огромное значение в период Великой Отечественной войны придавалось проведению хлебозаготовительной кампании. Государственный план необходимо было выполнить любой ценой. Ведь крестьяне обеспечивали хлебом не только Красную Армию, но и сельское и городское население.

В военные годы было принято большое количество постановлений партии и правительства по выполнению плана хлебозаготовок. Особенно показательным является постановление СНК СССР от 24 сентября 1943 г. «О запрещении торговли хлебом до выполнения плана хлебозаготовок». На основании этого постановления Чкаловский облисполком от 25 сентября 1943 г. принял решение № 1244 «О запрещении продажи и обмена зерна, муки и печеного хлеба колхозами, колхозниками и единоличными крестьянскими хозяйствами Чкаловской области», по которому предсе-

дателей колхозов и других должностных лиц, виновных в нарушении этого постановления, привлекали к уголовной ответственности. Колхозников и единоличников, виновных в незаконной торговле хлебом, в первый раз подвергали штрафу до 300 рублей, а при повторном нарушении привлекали к судебной ответственности¹⁷.

Важное значение в проведении хлебозаготовок имело постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 11 июля 1942 г. «Об уборке урожая и заготовке сельскохозяйственных продуктов в 1942 г.». В Челябинской области в целях осуществления надзора за выполнением данного постановления прокурор области Н. В. Шляев откомандировал в 25 районов 20 работников аппарата областной прокуратуры. В их задачу входило оказание помощи местным прокурорам во время хлебозаготовок. В результате проведенной работы органами прокуратуры Челябинской области за 1942 г. за саботаж, порчу и разбазаривание зерна привлекли к уголовной ответственности 233 человека. Так, 20 октября 1942 г. выездной сессией Челябинского суда приговорен к 10 годам лишения свободы по статье 58-14 УК РСФСР (контрреволюционный саботаж) председатель колхоза им. Свердлова Долматовского района Г. Ф. Ошуров, которым для вывоза зерна было привлечено только 8% имеющейся в колхозе тягловой силы, в итоге план хлебозаготовок был выполнен на 1,3%. Кроме того, он значительное количество хлеба обменял и продал на рынке. Зимой 1942 г. прокурор Челябинской области Н. В. Шляев доложил прокурору СССР В. М. Бочкову о том, что область государственные план хлебозаготовок выполнила всего на 20%. Особенно неблагоприятным в этом отношении оказался Чесменский район. По оперативной информации, в срыве хлебозаготовок было виновато районное руководство, в том числе и прокурор. На основании решения бюро обкома от 22 декабря Шляев предпринял поездку в Чесменский район. Прибыв в Чесму 24 декабря, прокурор области установил, что «руководство района создало такую обстановку, когда колхозная

собственность (хлеб, скот и т.д.) буквально растаскивалась многими из числа партийного актива, и все эти лица остаются безнаказанными». В 1942 г. некоторые руководящие работники самовольно взяли в личное пользование скот из колхозных ферм. Среди них оказались первый и второй секретари райкома партии, председатель райисполкома, два бывших секретаря райкома партии, начальник карьера, а также прокурор района¹⁸.

Следователем Покровского района Чкаловской области Айзенштадтом вскрыта группа расхитителей колхозного урожая, которую возглавлял Девятаев. Эта группа похитила свыше 3 т колхозного хлеба. Все расхитители были осуждены по закону от 7 августа 1932 г. Следователь Тоцкого района Урманчиева раскрыла группу расхитителей колхозного урожая из 12 человек, которая украла свыше 5 т хлеба. В июне 1942 г. следственным отделом раскрыто хищение фондового масла в количестве 1800 кг работниками треста Маслопром. Прокуратурой г. Бугуруслана было выявлено хищение 2,5 т фондовой муки. По делу привлекли 13 человек. Все лица осуждены по закону от 7 августа 1932 г. к 10 годам лишения свободы¹⁹.

Работниками милиции Зиянчуринского РО НКВД Чкаловской области 21 сентября 1942 г. была ликвидирована группа расхитителей социалистической собственности. В нее входили: заведующий делопроизводством райвоенкомата Н. Г. Сухов, его брат А. Г. Сухов, заведующая районо Ф. В. Широкова и инспектор районо М. Н. Одинцева. Указанная группа расхищала продукты, предназначенные для пионерского лагеря в с. Донском. По договоренности с заведующей районо Ф. В. Широковой Н. Г. Сухов устроил завхозом пионерского лагеря своего брата А. Г. Сухова. Затем Ф. В. Широкова и завхоз составили заявку на продукты для 75 детей, но в лагере находилось только 30 человек. Излишки они присваивали себе. Все участники группы были преданы суду.

Управление милиции по Челябинской области в 1942 г. раскрыло преступную группу в системе Челябинского

горторготдела. Участники данной группы: инспектор горторготдела Н. С. Горбунова, заведующая ювелирным магазином Н. А. Попова — длительное время занимались хищениями промышленных товаров специального назначения. Они составили фиктивные документы на 80 пар валенок, более 100 м мануфактуры и другие товары²⁰.

Большое распространение в годы войны приняло разбазаривание хлеба, особенно в организациях «Заготзерно», на предприятиях «Главмука» и «Главкрупка», в колхозах и совхозах. Если в целом по стране в 1940 г. в этих организациях вскрыли 638 групп расхитителей, по которым привлекли к ответственности 3153 человека, то в последующие годы таких групп выявлено значительно больше. Так, в 1942 г. по расхищению хлеба было проведено 69 817 дел, в 1943 г. — 111 350, в первом квартале 1944 г. — 20 349²¹.

Органы НКВД в годы Великой Отечественной войны придавали большое значение раскрытию преступлений, связанных с хищением хлеба в особо крупных размерах. Так, в июне 1942 г. милицией Мишкинского района Курганской области была вскрыта группа расхитителей хлеба совхоза им. 8 Марта. В нее входили: директор совхоза Черкасов, кладовщик совхоза Мельникова, заведующая пекарней Васильева и др. Произведенной ревизией в 1942 г. у кладовщика Мельниковой выявили излишки хлеба в количестве 3,6 т. После этого указанные лица стали самовольно выносить хлеб и делить его между собой. Также ими было похищено 5 т отрубей. Обвиняемые полностью признались в хищении хлеба и были привлечены к уголовной ответственности по закону от 7 августа 1932 г.²²

Исследование показало, что одной из главных причин хищения зерна было отсутствие должной охраны урожая. Так, старший агроном Ак-Булакской МТС Чкаловской области Жигулин совместно со старшим механиком Зубань и комбайнером Дуля, пользуясь отсутствием охраны зерна в колхозе «Комбинат», в ночь на 3 августа 1944 г. похитили из бункера 589 кг пшеницы и вторично в ночь на 7 августа —

1174 кг пшеницы, которую на автомашине МТС пытались вывезти на мельницу для размола, но благодаря проведенным оперативным мероприятиям были задержаны. В результате следствия Жигулин, Зубань были приговорены к расстрелу, а Дуля — к 10 годам лишения свободы.

В изучаемый период имели место случаи присвоения должностными лицами колхозов наличных денег в крупных размерах. Так, заместитель председателя колхоза им. Чапаева Белозерского района Чкаловской области Епифанов из полученных от реализации колхозных продуктов денег растратил на личные нужды 14 тыс. рублей. И только после вмешательства прокуратуры Епифанов погасил растрату²³.

15 ноября 1943 г. было принято еще одно постановление СНК СССР «О мерах по усилению хлебозаготовок», в котором говорилось о плохой организации хлебозаготовок в Омской, Курганской и Челябинской областях, Красноярском крае и Казахской ССР, где на 1 ноября было выполнено менее половины установленного государством плана хлебозаготовок. Для оказания помощи партийным и советским органам в выполнении плана хлебозаготовок на места были направлены: Н. М. Шверник — в Башкирию, Татарию и Удмуртскую АССР; А. Н. Косыгин — в Свердловскую, Челябинскую, Молотовскую области; Н. А. Михайлов — в Курганскую область. Инструкторы из центра летом и осенью 1943 г. побывали более чем в 20 областях, краях и автономных республиках страны, в том числе трижды в Башкирии и дважды в Чкаловской области. И во всех развернутых справках говорилось о неблагоприятном положении на местах²⁴.

Нередко в годы войны практиковались показательные суды над расхитителями хлеба. В военные годы колхозы имели право использовать только 15% от общего количества сданного государству хлеба на внутриколхозные нужды и на выдачу зерна за трудодни. Председателей колхозов, которые нарушали данное положение, привлекали к уголовной ответственности. В связи с этим и проходили показательные

судебные процессы. Так, например, был осужден председатель колхоза имени Ленина Чашинского района Челябинской области Перебатов. Он размолот 66 ц зерна под видом отходов и раздал колхозникам, вместо 15% на внутриколхозные нужды им было израсходовано 41%. В результате план хлебазаготовок был сорван. Данное дело рассматривалось военным трибуналом, приговорившим Перебатова к расстрелу. Этот судебный процесс широко освещался в районной и областной печати²⁵. В 1943 г. в Чкаловской области в г. Орске в открытом судебном заседании рассмотрели дело по обвинению Грицук, которая работала директором смешанного Торга г. Орска, а также против работников Торга — Лебедева — заведующего складом № 1, Липкина — руководителя промтоварной группы, Дроздовой — заведующей производственным отделом, Чистопалова — главного бухгалтера. Данные лица допускали незаконный отпуск промтоваров и продуктов питания. В результате суд приговорил Грицук — к 5 годам лишения свободы, Лебедева и Липкина — к 3 годам, Дроздову — условно на 3 года с исправительным сроком 2 года, Чистопалова — к исправительно-трудовым работам на 1 год с вычетом со всех видов заработка в доход государству 25%²⁶.

В Челябинской области за 1943 г. за хищение хлеба было возбуждено 2073 уголовных дела, по которым в качестве обвиняемых проходило 3180 человек. Всего выявили похищенного зерна и хлеба 254 711 кг, изъяли и возвратили колхозам и совхозам 248 711 кг, т.е. 97,6%. Так, в Верхне-Уральском районе в ноябре 1943 г. органы НКВД привлекли к уголовной ответственности группу лиц в количестве 13 человек, которой в ходе осеннего сева похищено 1367 кг зерна. Зерно с поля уносили в специально сшитых мешочках под верхней одеждой. В колхозе им. Чапаева Увельского района возчиком зерна назначили Винокурова, ранее судимого за хищение социалистической собственности. При погрузке зерна он сыпал его в мешки, сбрасывал в лесу, а ночами увозил домой. Таким способом он похитил 528 кг

зерна. Винокурова арестовали и предали суду по закону от 7 августа 1932 г.²⁷ В Башкирской АССР охранники колхозного амбара колхоза «Сарт-Лан» Михайловского сельсовета Бuzдякского района Шарипова и Сыртланова по договоренности между собой во время дежурства путем подбора ключей проникли в амбар и похитили 4,8 ц семенной пшеницы. Проведенным обыском у них изъяли 4 ц пшеницы, которую возвратили колхозу. В колхозе «Марс» Татышлинского района в связи с отсутствием охраны семенного материала колхозник Давлетгареев путем подбора ключей похитил из амбара 3 ц семенного проса, которое спрятал у себя во дворе. Просо изъяли и возвратили колхозу²⁸.

По мнению авторитетных историков²⁹, хлебозаготовительные кампании военной поры напоминали эпоху продразверстки. Ведь руководство НКГБ требовало от местных органов разоблачать вражеские элементы, организовавшие саботаж хлебозаготовок, вскрывать их связи с немецкой разведкой и антисоветским подпольем. Принципы заготовительной политики, которые сложились в предвоенные годы, сохранялись и в годы войны. Низкие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию не возмещали себестоимость ее производства. Колхозники находились в крайне тяжелом положении, так как план хлебозаготовок необходимо было выполнить любой ценой³⁰.

В период Великой Отечественной войны привлекались за различные виды вредительства как низовые работники колхозов, так и их председатели. К фактам вредительства следует отнести: затягивание сроков сева, порчу семенного материала, плохую обработку земли и др. В южноуральском регионе было выявлено немало преступлений, которые квалифицировались как «вредительство».

Например, в мае 1945 г. в Агаповском районе Челябинской области сотрудники РО НКГБ арестовали председателя колхоза «Ударник» И. Н. Пендюрина и его заместителя по животноводству Г. Д. Живайкина. Начиная с 1942 г. Пендюрин, по данным документов НКГБ, «систематически

срывал агрономические мероприятия, заставляя колхозников производить некачественную обработку земли. Наряду с этим он производил посевы зерновых и бобовых культур на совершенно необработанной земле, в результате чего гибли посевы или же снижался до минимума урожай этих культур». Так, в 1942 г. Пендюрин произвел посев пшеницы и овса на некачественно обработанной земле, в результате чего урожай пшеницы не превысил 1,5 ц с га, а овса не собрали ни одного килограмма. Аналогичную работу в колхозе по линии животноводства проводил Живайкин, который, по сговору с Пендюриным, умышленно нарушал зоотехнические правила содержания и ухода за скотом, сознательно создавал в колхозном животноводстве систематический падеж скота путем его истощения и распространения инфекционных заболеваний. В 1943 г. в колхозе заболело чешоткой 32 лошади, из которых пало 6 голов. В результате преступной деятельности Пендюрина и Живайкина колхозу «Ударник» за 1942—1945 гг. был нанесен материальный ущерб на сумму 389 млн. рублей³¹.

Можно отметить, что наибольшее распространение получили хищения зерна с токов, во время молотбы и перевозки. Хищению зерна в колхозах и совхозах способствовало отсутствие должной охраны, надлежащего учета в кладовых, запутанные отчеты, несерьезное отношение некоторых руководителей к подбору кадров, создание излишков семенных материалов. В результате в ряде районов вскрылись факты хищения зерна при перевозке на элеватор.

Так, в колхозах ряда районов Башкирской АССР с начала уборки хлеба в 1944 г. плохо был поставлен учет и контроль за перевозимым хлебом. Например, складские рабочие принимали зерно без проверки веса, что давало возможность осуществлять указанный вид преступления. Колхозники сельскохозяйственной артели «Кзыл-Юлдуз» Давлекановского района во время перевозки зерна с тока на склад «Заготзерно» похитили 270 кг ржи. Преступников привлекли к уголовной ответственности по ст. 162 «д» УК РСФСР³².

Тринадцать колхозниц с. Казанка Белоозерского района Чкаловской области при перевозке зерна на элеватор сумели похитить около 5 т зерна³³.

В исследуемый период одним из видов хищений зерна являлась стрижка колосьев. Так, работники Федоровского РО НКВД в 1944 г. Башкирской АССР арестовали Петрова, который совместно со своей женой похитил с колхозного поля путем стрижки колосьев более 100 кг зерна. Аналогичные факты зафиксированы и в других районах республики: Чишминском, Давлекановском, Буздякском. Всего в 1944 г. по БАССР зарегистрировано 400 фактов таких хищений. Сотрудниками органов внутренних дел было возвращено колхозам около 3 т зерна³⁴. Таким образом, наряду с крупными хищениями хлеба имели место и мелкие, для собственного потребления.

Обстановка военного времени вносила в торговлю свои изменения, связанные с нормированным потреблением основных продовольственных и промышленных товаров, ухудшением бытового обслуживания населения и т.д. Так, в 1942 г. в Чкаловской области провели ряд мер по усилению контроля за расходованием продовольственных и промышленных товаров, а также по борьбе с разбазариванием продуктов. К их числу следует отнести создание контрольно-учетных бюро в Чкалове, Бузулуке, Бугуруслане, Абдулино, Соль-Илецке, которые осуществляли проверки магазинов, столовых, домоуправлений, хлебозаводов и т.п.

В годы Великой Отечественной войны проводились и показательные суды над расхитителями государственной собственности, которые получали широкий резонанс в обществе. Так, весной 1943 г. в Челябинском областном суде состоялся ряд показательных процессов над расхитителями продовольственных и промтоварных фондов. Открытое судебное заседание проходило на заводе КПЗиС. В качестве государственного обвинителя выступал прокурор области Шляев. Рассматривалось дело по обвинению преступной группы в составе П. Гуреева, Э. Шультецкого, В. Морозо-

ва и А. Морозовой, которая совершила крупные хищения промышленных товаров. На процессе присутствовало 600 рабочих. Следствие установило, что с июля 1942 г. группа начала подделывать подписи администрации завода на получение продуктов, обедов и т.д. В феврале 1943 г. они стали изготавливать фальшивые печати и штампы. Используя их, преступники подделали 710 талонов, по которым в торговой палатке завода получили промышленных товаров на общую сумму 360 259 рублей по рыночным ценам. Похищенные товары они продавали на рынке или обменивали на спирт и одеколон. Шляев потребовал приговорить организатора преступлений Гуреева к расстрелу, Шультецкого и Морозова — к 10 годам лишения свободы, Морозову — к двум годам лишения свободы. Однако областной суд под председательством Калмыкова приговорил Гуреева не к расстрелу, а к 10 годам лишения свободы. Шультецкий и Морозов были приговорены также к 10 годам лишения свободы, Морозова — к двум годам³⁵.

Хищения продовольственных и промтоварных карточек органы НКВД квалифицировали по соответствующей статье УК, предусматривающей хищение имущества, и по статье 169 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик как мошенничество, так как оно направлено в данном случае «против мероприятий государства, которое заинтересовано в предоставлении возможности каждому гражданину приобрести полагающиеся ему по карточкам предметы продовольствия и широкого потребления, а хищение карточек его этой возможности лишает, — надлежит применять не первую, а вторую часть статьи 169 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик»³⁶.

Хищения карточек происходили во время их изготовления, перевозки, распределения, уничтожения неиспользованных и т.д. При перевозке карточек с картографической фабрики в Облпартбюро Чкаловской области возчик Тепляков похитил 1000 штук иждивенческих продовольственных

карточек, 300 карточек ему удалось сбыть на рынке через спекулянтов Михееву, Берлин и др. В ходе следствия удалось установить, что заведующая Саракташским райкартбюро Куевда при сжигании неиспользованных карточек частично похищала их и через Михееву, Берлин сбывала похищенное на рынке г. Чкалова. Уборщица Медногорского контрольно-учетного бюро Чкаловской области Симагина на протяжении 1943 г. систематически похищала продовольственные карточки и хлебные талоны, подлежащие ликвидации. Следствие установило, что Симагина похитила продкарточки и талоны, чем нанесла ущерб государству на общую сумму 33 000 рублей. При обыске у нее изъяли 18 000 рублей. Симагину осудили на 10 лет лишения свободы. Работники картографической фабрики Данилюк и Картавцева во время смены незаконно напечатали 200 штук продкарточек, часть из которых успели реализовать на рынке³⁷.

В ночь на 31 мая 1943 г. из конторы Наркомата вооружения Челябинской области при помощи перепиливания замка у несгораемого ящика было совершено хищение 129 карточек и 12 952 рублей. 1 июня сотрудники ОУР арестовали группу воров в количестве трех человек, у которых изъяли 19 000 рублей и 78 карточек. 7 июля было осуществлено хищение 1038 хлебопродуктовых карточек. В тот же день сотрудники уголовного розыска задержали преступную группу во главе с А. Ф. Баладиным³⁸. В г. Челябинске сотрудники органов внутренних дел привлекли к ответственности по закону от 7 августа 1932 г. группу преступников из трех человек. Имея штамп (набор типографского шрифта), преступники занимались подделкой бланков хлебных талонов. Незаконно полученный хлеб сбывали на рынке по спекулятивным ценам. Всего за июнь 1943 г. они продали 0,5 т хлеба на сумму 50 000 рублей³⁹.

Продовольствие нередко приобреталось и путем повторного использования карточек. В списки на получение карточек в домоуправлениях включались подставные ли-

ца, как правило, родственники, проживавшие в сельской местности. С помощью бригадильцев и активистов групп самообороны в Челябинской области была усилена охрана продовольственных складов, наведен порядок в типографии, где печатались карточки. С марта 1943 г. стало использоваться ежемесячное изменение сетки талонов, что исключало возможность их повторного использования путем подчистки даты. Вместе с тем проводились внезапные проверки на складах⁴⁰.

Нередко в годы Великой Отечественной войны фиксировались случаи подделки продуктовых и промтоварных талонов. Так, в Челябинской области за 1943 г. вскрыли 25 случаев, по которым привлекли к уголовной ответственности 96 человек. Например, в июле 1943 г. сотрудники органов правопорядка ликвидировали группу расхитителей нормированных продовольственных товаров. В данную группу входили: Вегнер — товаровед ОРСа особого проектно-монтажного управления № 19, Камышкалова — буфетчица в этом же ОРСе, Рогова — заведующая магазином «Челябторга» и Колосова без определенных занятий. Вегнер, художник по профессии, подделывал фондовые ордера на продовольственные товары. Рогова отчитывалась в бухгалтерии торгового предприятия, а оставшиеся продукты и хлебные талоны преступники продавали по завышенным ценам. Таким способом ими было расхищено хлебных талонов на 5 т хлеба. Преступников осудили на 10 лет лишения свободы каждого⁴¹.

Как указывал в докладной записке заместитель народного комиссара внутренних дел БАССР Иванов, отделы и секторы Наркомторга в 1944 г. в достаточной мере не осуществляли контроль за расходованием продовольственных и промышленных товаров. Например, отдел БХСС УМ НКВД БАССР в декабре 1944 г. арестовал начальника карточного бюро Мулдакаевского леспромхоза Яковлеву, которая совместно с другими работниками похитила и продала хлебных карточек более чем на 3 т хлеба⁴². В отдельных

случаях сотрудники контрольных органов Наркомторга вместо борьбы со злоупотреблениями сами вступали в преступный сговор с работниками торговых организаций и вместе с ними занимались хищениями продовольственных и промышленных товаров. Так, Белорецким горотделом НКВД БАССР был арестован начальник карточного бюро пос. Тирлян Коробинцев, который снабжал продавцов магазина продуктами карточками из остатка, подлежащего уничтожению на месте. Продавцы продкарточки отоваривали у себя в магазине, а продукты продавали на рынке. Таким путем преступникам удалось похитить 832 кг хлеба, 329 кг крупы, 100 кг жиров, продуктов на общую сумму 120 тыс. рублей⁴³.

Органами милиции Башкирии за 1944 г. была проведена значительная работа по борьбе со злоупотреблениями с продкарточками. Только по г. Уфа за изготовление и реализацию фальшивых хлебных талонов возбудили и закончили 30 дел, по которым привлекли к уголовной ответственности 90 человек. Всего путем реализации поддельных талонов преступники похитили более 30 т хлеба. На рынках г. Уфы систематически проводилась работа по задержанию лиц, занимающихся скупкой и перепродажей карточек. Изъятые карточки в присутствии работников карточных бюро уничтожались. В целом в республике в целях предупреждения хищений проводились внезапные проверки в магазинах, киосках, буфетах. В результате этой работы сотрудники органов внутренних дел вскрыли 70 фактов нарушений в виде недостач, излишков, подделки документов. По инициативе милиции осуществлялись проверки домоуправлений и уличных комитетов. Так, председатель уличного комитета № 14 Молотовского района г. Уфы Анищенко на протяжении четырех месяцев получала из карточного бюро продкарточки на несуществующих лиц. В результате Анищенко присвоила 95 комплектов карточек⁴⁴. В Чкаловской области в 1944 г. приговорили к ВМН — расстрелу по закону от 7 августа 1932 г. Р. А. Дубровина, который представлялся

работником треста «Геологоразведка». В карточном бюро Дзержинского района г. Чкалова ему удалось получить 570 продуктовых карточек. Полученные карточки реализовывались им по спекулятивным ценам на рынке⁴⁵.

Важное значение для усиления борьбы с экономической преступностью имело постановление ГКО от 22 января 1943 г. «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров», а также последовавшие за ним ведомственные приказы по линии НКВД, прокуратуры и Наркомюста СССР⁴⁶. В соответствии с данным постановлением расследования по делам о хищениях и разбазаривании продовольственных и промышленных товаров, злоупотреблении хлебными и продовольственными карточками, обвешивании, обмеривании и обчете покупателей рекомендовалось проводить в десятидневный срок. Преступники, проходившие по данным делам, привлекались к уголовной ответственности на основании Указа от 7 августа 1932 г., который предусматривал наказание в виде смертной казни или 10 лет лишения свободы⁴⁷. Постановление ЦИК и СНК СССР 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации, укреплении общественной (социалистической) собственности» действовало в качестве самостоятельного закона общесоюзного значения. Части I и II закона от 7 августа 1932 г. предусматривали посягательства на социалистическую собственность, осуществленные путем расхищения государственного имущества, а часть III — посягательства на колхозное строительство, совершаемые путем насилия и угроз по отношению к колхозникам⁴⁸.

Результаты борьбы органов милиции Южного Урала по ликвидации хищений за 1943 г. можно проследить по данным таблицы 3 (приложение 1). Как видно, в 1943 г. по стране было рассмотрено дел по хищениям государственной собственности 134 416, по ним привлекли к ответственности 204 311 человек, вскрыли групп — 33 736, в числе осужденных привлекли по закону от 7 августа 1932 г. —

20 766 человек. На Южном Урале — соответственно 8162, 13 309, 2454, 1644, что составляет 6%, 6,5%, 7,2%, 7,9% от общесоюзных данных. Из них по Башкирской АССР — 2431, 4028, 627, 442, или 29,8%, 30,3%, 25,5%, 26,9% от данных по южноуральскому региону; по Курганской области — соответственно 1300 (16%), 2190 (16,4%), 406 (16,5%), 291 (17,7%); по Челябинской — 2974 (36,4%), 4641 (34,9%), 839 (34,2%), 601 (36,5%); по Чкаловской — 1457 (17,8%), 2450 (18,4%), 582 (23,7%), 310 (18,9%). Наибольшее количество дел (2974) по хищениям социалистической собственности было расследовано в Челябинской области. У преступников на Южном Урале сотрудники органов внутренних дел изъяли: 4383,5 тыс. рублей, 332,2 тыс. кг различных продуктов, а также других товаров на сумму 2969,3 тыс. рублей⁴⁹.

В докладе начальника ОБХСС ГУМ НКВД СССР комиссара милиции 3 ранга Громилова указывалось, что в 1943 г. на Южном Урале наибольших успехов по борьбе с хищениями социалистической собственности добились органы правопорядка Башкирской АССР, удовлетворительные результаты были достигнуты в Курганской области, неудовлетворительно работали органы милиции по пресечению данного вида преступления в Чкаловской и Челябинской областях, хотя, по данным таблицы, наибольших успехов по пресечению хищений государственной собственности достигли правоохранительные органы Челябинской области.

В Чкаловской области привлекли к уголовной ответственности группу расхитителей во главе с Шуденовым, которая в количестве 10 человек ночью 10 сентября 1943 г. прибыла на пяти подводах к месту, где находился собранный урожай колхоза «Красный Труд» Ново-Орского района. Преступники похитили 17 ц пшеницы, а некоторые участники группы совершили изнасилование двух несовершеннолетних учениц, участвовавших в уборке урожая⁵⁰.

Нередко преступления раскрывались случайно. Так, в Чкаловской области 13 июня 1943 г., проходя мимо мага-

зина № 4 Никельпродснаба, народный следователь прокуратуры Сталинского района Максименко услышал разговор о том, что кассир этого магазина совершила растрату и собирается бежать. Зайдя в магазин, Максименко узнал, что кассир Вялкова на работу в этот день не явилась. Райпрокуратура направила к ней на квартиру своих сотрудников, которые обнаружили Вялкову, собирающую чемоданы. В результате она была задержана. И в этот же день в ее присутствии произвели ревизию кассы магазина, которая установила растрату на сумму 44 295 рублей⁵¹.

Работа органов НКВД по борьбе с экономическими преступлениями в 1944 г. осуществлялась в русле постановления ГКО от 22 января 1943 г. «Об усилении борьбы с расхищением продовольственных и промышленных товаров». 4 июня 1944 г. выходят Указы Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении охраны личной собственности граждан» и «Об уголовной ответственности граждан за хищение государственного и общественного имущества»⁵².

В период Великой Отечественной войны органами внутренних дел раскрывались преступления, совершенные крупными группами, которые занимались хищениями с предприятий. Так, первое уголовное дело по данному виду преступлений в Чкаловской области заведено в январе 1944 г., когда была раскрыта преступная группа в областной конторе «Союзутиль», в состав которой входили многие руководящие работники данного предприятия⁵³.

В третьем квартале 1944 г. по Башкирской АССР по хищениям социалистической собственности возбудили 1747 дел, привлекли к уголовной ответственности 3010 человек. Например, отделом БХСС УМ НКВД БАССР в сентябре 1944 г. задержана группа расхитителей в количестве 12 человек, которая изготовляла и сбывала талоны на хлеб. Расследование установило, что рабочие завода № 26 Л. М. Береснев и И. П. Лагоша через наборщицу типографии завода Ахмадуллину приобрели типографский шрифт, из которого изготовили три специальных штампа. При помощи данного

штампа печатали хлебные талоны. В результате ими было подделано хлебных талонов более чем на 3 т хлеба⁵⁴.

В целом по стране за хищение социалистической собственности во второй половине 1941 г. осудили 135 699 человек⁵⁵, за 1942 г. — 152 048⁵⁶, всего — 287 747. В 1943 г. по Советскому Союзу было закончено 134 416 следственных дел⁵⁷, в 1944 г. — 209 206, в 1945 г. — 194 066, всего 537 688⁵⁸. На Южном Урале, по неполным данным, за хищение социалистической собственности было закончено 9987 дел⁵⁹, что составляет 1,8% от общесоюзных цифр.

Итак, можно отметить, что основными видами хищений в годы Великой Отечественной были: злоупотребления в карточной системе; хищения товаров в результате недостаточной охраны; хищения материальных ценностей во время их транспортировки, в частности на железной дороге; подделка документов, составление фиктивных актов на порчу, недостачу тех или иных товаров.

Наряду с хищениями социалистической собственности спекуляция в годы войны приобрела массовый характер. Это было связано с тем, что в стране не хватало товаров первой необходимости. Как известно, дефицит порождает спекуляцию. Так, еще до начала войны, 23 марта 1941 г., капитан милиции Чкаловской области Осокин сообщал, что на рынке города Чкалова и на других рынках области происходят товарообменные операции, которые дезорганизуют торговлю. Основными предметами обменных операций являлись хозяйственное мыло, махорка, водка, печеный хлеб, молоко, мясо, масло, картофель и промышленные товары⁶⁰.

Уголовный кодекс, принятый в РСФСР в 1922 г., в статье 137 определял спекуляцию как искусственное повышение цен на товары путем сговора торговцев или злостного невыпуска товаров на рынок. Слово «спекуляция» в данной редакции не использовалось. На второй сессии ВЦИК X созыва статья 137 УК РСФСР 1922 г. была изменена и изложена следующим образом: «Злостное повышение цен

на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок, а равно и злостное понижение цен на производящихся государственными органами публичных торгах путем распространения ложных, порочащих предмет и условия торгов сведений или иными способами...». В принятом в 1926 г. уголовном кодексе в статье 107 понятие «спекуляция» было изменено: «Злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок...». 22 августа 1932 г. приняли постановление ЦИК и СНК СССР о борьбе со спекуляцией, направленное против перекупщиков и спекулянтов. В соответствии с данным постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 10 ноября 1932 г. предписали изложить статью 107 УК РСФСР в следующей редакции: «Скупка и перепродажа частными лицами в целях наживы (спекуляция) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления — лишением свободы не ниже пяти лет с полной или частичной конфискацией имущества»⁶¹.

Анализ документов показал, что наиболее распространенными видами спекуляции в годы войны были: перепродажа товаров по спекулятивным ценам на рынках, вокзалах и т.д.; скупка зерна с последующей выпечкой хлеба и дальнейшей продажей его на рынках по спекулятивным ценам; продажа спекулянтам товаров из магазинов за взятки, действия спекулянтов через подставных лиц при скупке и продаже товаров, приобретение кассовых чеков, передача этих чеков спекулянтам для закупки товаров. Следует отметить, что предметами спекуляции были также похищенные или незаконно полученные товары из кооперативных и государственных учреждений и предприятий.

5 мая 1939 г. выходит приказ Прокурора Союза ССР, по которому дела о спекуляции должны рассматриваться в 10-дневный срок. Однако органы милиции нередко затягивали расследования дел данной категории. Так, в Аургазинском районе БАССР с 29 августа 1941 г. дело по обвинению В. Г. Орлова в спекуляции, а также в скупке сельскохозяй-

ственных продуктов и продаже их на рынке г. Уфы лежало без движения до 14 декабря 1941 г. В результате его направили в ОБХСС УМ НКВД БАССР для дальнейшего рассмотрения⁶². В Чкаловской области из 139 дел, рассмотренных в четвертом квартале 1941 г., в десятидневный срок расследовали только 59,7%, свыше одного месяца — 40,3%⁶³. В некоторых районах области борьба со спекуляцией велась на низком уровне. Например, в Андреевском и Бугурусланском районах за первые 2,5 месяца 1942 г. возбудили лишь по одному делу по статье 107 УК РСФСР. Прокурор Чкаловской области П. С. Ковалев сообщал, что «карательная политика по своей мягкости не обеспечивает необходимой борьбы со спекуляцией. Более 40% лиц, осужденных за спекуляцию, приговаривались к наиминимальной мере наказания — к 5 годам лишения свободы, к 10 годам приговорено 9,5% лиц»⁶⁴.

В Чкаловской области за второе полугодие 1941 г. всего было заведено 318 дел по статье 107 УК РСФСР (спекуляция)⁶⁵.

За второе полугодие 1941 г. в Башкирской АССР возбудили и направили в суды 367 дел по статье 107 УК РСФСР, по которым осудили 418 человек⁶⁶. Например, жительница с. Медведевки Челябинской области Л. А. Андропова периодически приезжала в пос. Давлеканово БАССР, в котором скупала табак по 4 рубля и семечки по 1 рублю 40 копеек за стакан. Приезжая домой, продавала стакан табака уже по 20 рублей, а семечек — по 8 рублей. В Альшеевском районе БАССР Зарипова скупала вино, чай, махорку и продавала колхозникам по завышенным ценам. В результате ее осудили на 5 лет лишения свободы, с лишением избирательных прав на 3 года и конфискацией имущества⁶⁷.

В Чкаловской области в январе 1942 г. на первом месте стояла спекуляция махоркой — 13 дел, на втором месте — промтоварами — 13, крупным и мелким рогатым скотом — 5 дел, спекуляция печеным хлебом и прочими товарами — 14 дел. Приведенные данные свидетельствуют,

что наибольшее количество дел возникло по факту спекуляции махоркой. Карательная политика властей по спекуляции махоркой характеризовалась следующим образом: 5 человек были осуждены сроком на 5 лет, 2 человека — на 6 лет, 5 человек — на 7—9 лет, 2 человека — на 10 лет. Из них двоих лишили избирательных прав, а к двум применена конфискация имущества. Среди осужденных было колхозников — 12, служащих — 3, лиц без определенных занятий — 18, рабочих — 12, прочих — 15. Из данного количества 27 женщин и 33 мужчины.

Таблица 2.1

Деятельность органов внутренних дел по борьбе со спекуляцией за 1942 и 1943 гг.⁶⁸

Регион	Проведено дел		По ним привлечено		Изыято у спекулянтов на сумму, тыс. руб.	
	1942 г.	1943 г.	1942 г.	1943 г.	1942 г.	1943 г.
СССР	63978	67012	82515	86303	127350	200496
Южный Урал	3929	2439	5074	3485	8156	11360
Башкирская АССР	1829	908	2352	1329	3810	3493
Курганская обл.		180		292		1819
Челябинская обл.	1292	946	1623	1277	2250	2957
Чкаловская обл.	808	405	1099	587	2096	3091

Данные таблицы 2.1 показывают, что в 1942 и 1943 гг. по статье 107 УК РСФСР (спекуляция) было проведено соответственно 63 978 и 67 012 дел, привлечено к ответственности — 82 515, 86 303 человека. На территории Южного Урала — соответственно 3929, 2439, 5074, 3485, или 6,1%, 3,6%, 6,1%, 4% от данных по Советскому Союзу. Из них в Башкирской АССР — 1829, 908, 2352, 1329, или 46,5%, 37,2%, 46,3%, 38,1% от показателей по Южному Уралу; в Челябинской области — 1292 (32,9%), 946 (38,8%), 1623 (32%), 1277 (36,6%); в Чкаловской области — 808 (20,6%), 405 (16,6%), 1099 (21,6%), 587 (16,8%). В Курганской области за 1943 г. было проведено 180 (7,4%) дел, по ним

привлечено 292 (8,4%) человека. Наибольшее количество дел по статье 107 УК РСФСР в южноуральском регионе за 1942—1943 гг. было проведено в Челябинской области и Башкирской АССР.

Данные таблицы наглядно подтверждают следующие факты. В Абдулинском районе в 1942 г. за спекуляцию мясом сотрудники органов внутренних дел задержали Никулина, который продавал говядину под видом того, что она бруцеллезная. В результате Никулина привлекли к уголовной ответственности⁶⁹. 13 сентября 1943 г. в городе Чкалове на Туркестанской улице был задержан заместитель начальника материально-технического снабжения завода № 300 А. Л. Мугнетяк, который прибыл в город Чкалов в служебную командировку. При задержании у него обнаружили и изъяли 48 м мануфактуры, которую он пытался реализовать в среде спекулянтов⁷⁰.

В 1943 г. в Челябинской области слабо осуществлялась работа по борьбе со спекуляцией в следующих районах: Еткульском, Кизильском, Сосновском, Агаповском, Увельском, Красноармейском и других. В 1943 г. в области наряду со спекуляцией промышленными и продуктовыми товарами получила распространение спекуляция сфабрикованными или похищенными продовольственными карточками и хлебными талонами. Данные преступления квалифицировались по закону от 7 августа 1932 г. и по ст. 169, ч. 2 УК РСФСР. Только по г. Челябинску за подделку, продажу и покупку продовольственных карточек и хлебных талонов за 1943 г. привлекли к ответственности 453 человека. Например, 23 декабря 1943 г. задержали рабочих завода им. Кирова: электрослесаря Утробина, контролера Чулкина и других. Данные лица на протяжении трех месяцев систематически через кладовщика Харитонова похищали с завода кастолин, канифоль и каустическую соду. Из похищенного материала преступники варили хозяйственное мыло, которое реализовывали на рынках г. Челябинска по завышенным ценам, используя для этой цели детей. По признанию

самых арестованных, они продали хозяйственного мыла на сумму 100 000 рублей. Преступников привлекли к ответственности по закону от 7 августа 1932 г. и по статье 107 УК РСФСР⁷¹.

В докладе начальника ОБХСС ГУМ СССР комиссара милиции 3 ранга Громилова указывалось, что за период 1942—1943 гг. лучшие результаты по пресечению спекуляции были достигнуты в Башкирской АССР, удовлетворительно работали органы внутренних дел Челябинской области, слабо организовали работу по борьбе со спекуляцией в Чкаловской и Курганской областях. Однако в целом по стране факты свидетельствуют об усилении работы по пресечению спекуляции при снижении общих показателей⁷². Это объясняется тем, что в начале 1942 г. ввели строгие ограничения в проезде по железной дороге и на водном транспорте, что сказалось на сокращении деятельности спекулянтов.

Для беспрепятственного проезда по железной дороге и провоза товаров, которые предназначались для перепродажи, спекулянты использовали связи с рабочими поездных бригад железнодорожного транспорта, служебные и фиктивные командировки работников предприятий и учреждений, различного рода поддельные документы (удостоверения, пропуска и т.д.)⁷³. Так, 16 октября 1942 г. в городе Чкалове был арестован И. Б. Тилеман, 1910 г. рождения, прибывший из города Челябинска, за продажу рейсовых карточек. При обыске у него изъяли 200 штук карточек на 660 кг хлеба, 106 кг мяса, 23 кг жиров, 71 кг крупы и 24 кг сахара. Часть карточек оказались зашитыми в разных местах одежды. Кроме того, у него обнаружили пропуск на проезд по железной дороге, командировочное удостоверение на имя Гайдес о том, что он сопровождает рабочую силу в город Миасс, а также наличных денег 7973 рубля⁷⁴. Работники милиции Челябинска изъяли у спекулянтов и возвратили государству более 200 пудов хлеба, 60 пудов масла, на 400 тыс. рублей мануфактуры и свыше одного

миллиона рублей наличными. Организацией работы по борьбе со спекуляцией лично занимался заместитель начальника городского управления старший лейтенант милиции Г. Воробьев⁷⁵.

В июле 1943 г. в Курганской области органами внутренних дел было возбуждено уголовное дело по статье 107 УК РСФСР на прораба спиртоводочного завода Бальчунас и таксировщицу завода Полухину, которые перепродавали водку, полученную на заводе, по завышенным ценам — по 600—700 рублей за литр. Всего они продали 20 л. В результате Бальчунаса и Полухину арестовали и нарсудом осудили на 7 лет лишения свободы⁷⁶.

Ведя борьбу со спекуляцией в 1944 г., органы правопорядка в целом по стране вскрыли 175 спекулятивных групп, по которым привлекли к уголовной ответственности 12 443 человека. Всего в 1944 г. было проведено дел по статье 107 УК РСФСР 23 579, по ним привлечено 31 598 человек. В докладе начальника ОБХСС Громилова указывалось, что на Южном Урале лучший результат по пресечению спекуляции был достигнут в Башкирской АССР⁷⁷.

В 1944 г в г. Магнитогорске Челябинской области арестовали начальника отдела снабжения завода «Металлист» г. Серпухова Веледницкого и Фельткун, без определенных занятий. Будучи командированным в Магнитогорск для отгрузки металла, Веледницкий закупил в Москве галантерейные, парфюмерные и трикотажные товары, а по прибытии в Челябинскую область поручил своей знакомой продать закупленное на рынке, где их и задержали. В результате обыска у Фельткун обнаружили и изъяли 37 167 рублей, 100 тюбиков губной помады и ряд других товаров⁷⁸.

12 января 1944 г. на рынке г. Бузулука Чкаловской области задержали гражданку Островскую, которая перепродавала сгущенное молоко, картофельную муку, чай, спички и другие продукты. Во время обыска у нее на квартире обнаружили 30 кусков мыла, 10 банок сгущенного молока, большое количество чая, 39 000 рублей и 169 американских

долларов. Расследование установило, что муж Островской Зингер работал начальником продовольственного отдела госпиталей № 1662 и № 3315, занимался хищением продуктов и через свою жену сбывал похищенное на рынке. Всего Зингером расхищено разных продуктов на сумму около 100 000 рублей. Островская и Зингер были арестованы и преданы суду⁷⁹.

Всего по статье 107 УК РСФСР по Советскому Союзу, по неполным данным, органы внутренних дел в военные годы провели 180 087 дел⁸⁰, в том числе по Южному Уралу — 7053⁸¹, что составляет 4% от данных по стране.

Таким образом, война обострила положение с продовольствием, промышленными товарами и привела к введению карточной системы, к инфляции, резкому росту цен на товары первой необходимости на «черном» рынке. Поэтому в данных условиях наблюдался рост таких преступлений, как спекуляция, хищения, злоупотребления. Борьба с этими негативными явлениями была прерогативой органов НКВД и в первую очередь возлагалась на аппараты ОБХСС, а также сотрудников уголовного розыска. Распространению экономических преступлений в годы Великой Отечественной войны способствовало введение карточной системы на промышленные товары и продукты питания. В период войны хищения имели место на железнодорожном транспорте, где основным контингентом расхитителей грузов были работники транспорта. Также большое значение придавалось борьбе с хищениями хлеба и зерна. Основной причиной хищения хлеба было отсутствие должной охраны, контроля за сохранностью урожая. 22 января 1943 г. выходит постановление ГКО «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров». В связи с этим НКВД СССР дал указание усилить работу по ликвидации данного явления, заканчивая расследования в срок не более 10 дней. Основными видами хищений являлись: злоупотребления в карточной системе, прямое хищение ценностей в результате недостаточной

охраны, составление фиктивных актов на порчу, недостачу, утрату; хищение товаров во время транспортировки. Так же как и хищение, спекуляция приобретает массовый характер. Главными причинами спекуляции во время Великой Отечественной войны были: отсутствие должного контроля руководителей за работой токов; пунктов сдачи; слабая организация охраны; плохой учет материальных ценностей на предприятиях и в учреждениях. К наиболее распространенным видам спекуляции относились скупка и сбыт сельскохозяйственных продуктов и промышленных товаров; мелкая спекуляция на рынках. В основном предметами спекуляции являлись похищенные или незаконно полученные за взятки товары.

2.2. Роль органов милиции в решении проблемы детской беспризорности, безнадзорности и преступности несовершеннолетних

В условиях Великой Отечественной войны обострилась проблема детской беспризорности, безнадзорности и преступности несовершеннолетних. Понятия «детская беспризорность» и «детская безнадзорность» часто используются как синонимы. Однако значение первого шире второго. Беспризорность понимается как отсутствие у детей и подростков определенного места жительства, определенных занятий, семейного и государственного попечения, систематического воспитательного воздействия в результате утраты родителей, ухода из семьи, бегства из воспитательных учреждений и по другим причинам⁸². К отличительным признакам, которые позволяют считать ребенка беспризорником, относятся: полное прекращение связи с семьей, родственниками; проживание в местах, не предназначенных для человеческого жилья; добывание средств к жизни способами, не признаваемыми в обществе, такими как воровство, попрошайничество и т.п.⁸³

Безнадзорность детей — это социальное явление, обусловленное отсутствием либо ненадлежащим исполнением в отношении детей такой социальной услуги, как надзор. Надзор предполагает наблюдение за индивидом другого лица для предотвращения поступков и ситуаций, которые могут нанести вред данному индивиду или окружающим его лицам⁸⁴. Беспризорность и безнадзорность — это явления социальные, их уровень возрастает под воздействием природных (неурожай, стихийные бедствия и т.п.) и социальных (революции, войны) катаклизмов⁸⁵. При этом беспризорность и безнадзорность могут быть как сопутствующими явлениями, так и самостоятельными. Однако необходимо отметить, что там, где появляется безнадзорность, рано или поздно появится беспризорность, а там, где есть беспризорные дети и подростки, существуют благоприятные условия для распространения преступности. Данное явление было характерно как для периода Великой Отечественной войны, так и для современного переходного этапа.

На Южном Урале, в глубоком тылу, дети оставались без надзора в силу занятости родителей и родственников на работе, сокращения занятий в школах до 2,5—3 часов в день; лишались попечения из-за арестов, смерти взрослых от истощения и непосильных нагрузок. В годы войны ряды беспризорников пополнили и те, кто бежал с заводов, из школ ФЗО, ремесленных училищ (РУ), железнодорожных училищ (ЖУ), детдомов. В связи с этим партийные и советские органы, общественные организации и детские учреждения проводили большую работу по оказанию помощи данной категории населения. Даже в самые тяжелые военные месяцы ни на один день не прекращала свою деятельность 250-тысячная армия работников дошкольных учреждений и детских домов⁸⁶.

В стране делалось все возможное для спасения детей. Так, из районов, над которыми нависла угроза оккупации, дети и детские учреждения эвакуировались в глубь страны. Лишь за вторую половину 1941 г. и в начале 1942 г. было

вывезено 976 детских домов с 167 223 воспитанниками⁸⁷. Можно отметить, что за годы Великой Отечественной войны число детских домов Чкаловской области увеличилось с 25 до 68, т.е. в 2,7 раза, а количество детей, проживавших в них, с 2792 до 7829 человек, т.е. в 2,8 раза. Данное увеличение произошло за счет эвакуации в Чкаловскую область детских домов из прифронтовой полосы, главным образом из Орловской, Ростовской, Смоленской, Гомельской и Полтавской областей⁸⁸. Так, за годы Великой Отечественной войны в Челябинскую область были эвакуированы из прифронтовых районов (Московской, Тульской, Рязанской, Калининской, Орловской и других областей) 92 детских дома, 133 интерната, которые насчитывали 15 624 воспитанника⁸⁹.

Огромное значение в борьбе с детской беспризорностью имело постановление Совнаркома СССР, принятое 23 января 1942 г., «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». В соответствии с постановлением в конце января — начале февраля 1942 г. были образованы областные, краевые и республиканские комиссии (начиная с общесоюзной во главе с заместителем председателя СНК СССР А. Н. Косыгиным), которые должны были заниматься этим вопросом. Комиссии возглавлялись одним из заместителей председателя исполкома области, края, а в республиках — одним из заместителей председателя Совнаркома. В их состав входили руководители местных отделов народного образования, здравоохранения, милиции, представители партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. Одновременно создавались городские и районные комиссии по устройству детей. Всего в стране существовало несколько тысяч таких комиссий⁹⁰.

На основе вышеназванного постановления во всех крупных населенных пунктах и на железнодорожных станциях были организованы детские приемники-распределители (ДПР), которые подчинялись Управлениям исправительно-трудовых лагерей и колоний УНКВД областей. Приемники-

распределители обеспечивали прием беспризорных детей от 3 до 16 лет. ДПР принимали меры по розыску родителей или ближайших родственников и оказывали помощь детям для возвращения к родителям или опекунам. В случае отсутствия родителей — в приемные семьи. Во время содержания в ДПР (не более двух недель) дети распределялись по группам до 25 человек по возрастным ограничениям. Дети, у которых не были найдены опекуны, направлялись в детские дома (3—14 лет), на работу в промышленность и сельское хозяйство, на транспорт, на учебу в фабрично-заводские школы, ремесленные и железнодорожные училища. Подростки 11—16 лет без определенного места жительства, задержанные за мелкие уголовные преступления, направлялись под конвоем в воспитательно-трудовые колонии (ВТК) НКВД. В них они содержались до достижения 16 лет⁹¹.

С первых дней войны и до мая 1943 г. связь с родителями потеряли 190 тыс. детей⁹². В 1941 г. в составе паспортного отдела Главного управления милиции НКВД СССР было создано ЦСБ (Центральное справочное бюро) по учету эвакуированных для оказания помощи людям, разлученным войной, в поисках друг друга. Во второй половине 1941 г. ЦСБ эвакуировали из Москвы в город Бугуруслан по адресу: ул. Комсомольская, дом 6. Возглавил ЦСБ полковник милиции С. И. Аксенов, его заместителем был назначен Т. К. Стеблій⁹³. В составе бюро работал детский справочный отдел, а во всех управлениях милиции — справочные отделы по розыску детей, в которых регистрировались все дети, находившиеся в приемниках-распределителях, а также направленные ими на производство, в детские учреждения, на патронат. На 1 апреля 1944 г. Центральный справочный детский стол содержал в своей картотеке 422 272 учетные карточки. Например, за 4 месяца 1944 г. поступило 9458 запросов, по которым удалось найти 3013 детей, или 31,8%⁹⁴. За годы войны в ЦСБ поступило 17 млн. писем с запросами на поиск 6,5 млн. человек. Сотрудниками цен-

138

трального справочного бюро за годы Великой Отечественной войны было разыскано и возвращено родителям около 20 тыс. детей. С 1945 г. отделы бюро постепенно переводили из Бугуруслана в Москву⁹⁵.

В решении вопроса детской беспризорности и безнадзорности органам НКВД существенную помощь оказывали комсомольские организации. Комсомольцы шефствовали над детскими учреждениями, собирали для них обувь, одежду, продукты питания. С участием комсомольцев проводились воскресники, «недели», «декадниги», «месячнички». Почти во всех областях, краях и республиках были созданы специальные фонды помощи детям, открыты текущие счета, на которые перечислялись все заработанные во время воскресников или собранные комсомольцами средства⁹⁶. Например, в 1943 г. по инициативе комсомольских организаций Советского района города Челябинска создали областной денежно-материальный фонд помощи детям фронтовиков на сумму 10 млн. рублей. Всего за 1943 г. в Челябинской области провели 10 рейдов и 1 декадник по изъятию беспризорных и безнадзорных детей. В декаднике и рейдах приняло участие: комсомольцев — 922, педагогов — 237, медработников — 35. В результате было выявлено беспризорных — 648, безнадзорных — 2132 человека⁹⁷. В школах Челябинской области за годы войны создали 252 школьные комсомольские организации, которые объединили 7579 комсомольцев. Комсомольцы региона принимали активное участие в размещении и оборудовании эвакуированных детских домов⁹⁸.

Всего за годы Великой Отечественной войны в фонд помощи детям от комсомольских организаций и несоюзной молодежи страны поступило 308 млн. рублей. Кроме денег детям было передано большое количество одежды, обуви, книг, продуктов питания. За счет фонда помощи детям обкомы, крайкомы и ЦК комсомола республик создали 126 детских домов, а также содержали сотни воспитательных детских площадок⁹⁹. Комсомольские организации принима-

ли активное участие в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Например, за период с 1 июня по 15 сентября 1942 г. в Чкаловской области городским комитетом комсомола и областным управлением милиции было изъято с улиц 611 беспризорных и 92 безнадзорных ребенка, всего 703 человека. Силами комсомольцев города Чкалова удалось провести 5 массовых ночных облав, в которых было задействовано 250 комсомольцев¹⁰⁰.

Весной 1943 г. в Челябинской области во время декадника по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью огромную работу провели комсомольские организации Южно-Уральской железной дороги. Основной задачей комсомольцев было оказание оперативной помощи линейным органам милиции. Вместе с тем они организовали дежурства комсомольско-молодежного актива на территориях железнодорожных вокзалов, привокзальных площадях, обходы мест массового скопления детей и подростков, проводили работу по всеобщему обхвату детей обучением. Основным местом скопления беспризорных и безнадзорных детей являлись железнодорожные станции, вокзалы, а также проходящие поезда. В связи с этим с целью выявления и задержания детей на 16 железнодорожных узлах, отдельных линейных станциях из числа комсомольцев и молодежи выделялись дежурные бригады в помощь линейным отделениям милиции. Всего на железной дороге в проведении декадника приняли участие 620 комсомольцев и 560 человек несоюзной молодежи, 210 учителей железнодорожных школ. В результате удалось задержать 231 человека, из них: бежавших из школ ФЗО и РУ — 98, из детприемников НКВД — 22, прочих — 129. Во время проведения декадника особенно большая работа была проведена комсомольской организацией Челябинского пассажирского отделения. Руководила этой работой заместитель секретаря комитета ВЛКСМ Конбченко. Активную помощь оказали тимуровские команды школ № 1 и № 7 станции Челябинск, № 22 станции Миасс, № 32 станции Шадринск и другие.

Тимуровцы оставались с маленькими детьми в семьях, где родители работали, тем самым давали возможность учащимся посещать школы¹⁰¹.

Тимуровское движение родилось в стране, когда на экраны в 1940 г. вышел фильм «Тимур и его команда» по произведению детского писателя А. Гайдара. Тимуровцы занимались общественной работой: собирали ягоды, лекарственные травы, грибы, работали на уборке урожая, оказывали помощь пожилым людям, инвалидам. Данное движение получило распространение в годы войны. Так, в РСФСР в нем приняло участие 2 млн. человек¹⁰². В Челябинской области постановлением бюро обкома ВЛКСМ «Об организации и работе тимуровских команд в военное время», принятым 22 июля 1941 г., была одобрена инициатива пионеров и школьников по созданию тимуровских команд. В постановлении определялись основные задачи тимуровцев: помощь семьям красноармейцев, работа на полях, помощь военкоматам в обслуживании призывных пунктов и др.¹⁰³

На 29 августа 1941 г. только в Челябинской области в 29 районах действовало 617 тимуровских команд, в которых участвовало 1226 человек, из них в Челябинске было 126 команд с охватом 1924 человека; в Магнитогорске — соответственно 38, 860; Златоусте — 46, 760; Шадринске — 15, 503. В области плохо шла работа по организации тимуровских команд в Карабаше, где было создано 3 команды, в Усть-Катавском районе имелось только 180 тимуровцев¹⁰⁴. В Челябинской области 73-летняя женщина Рычкова Александра Петровна организовала тимуровскую команду в количестве 72 человек, которая на 1 декабря 1943 г. провела значительную работу. Тимуровцы Рычковой собрали 200 т металлолома, сдали в фонд Красной Армии 81 тыс. рублей, на создание танкового корпуса отправили 55 тыс. рублей, оказали помощь 570 семьям фронтовиков, собрали и сдали в аптеку 200 кг лекарственных растений, засеяли 10 га картофеля и собранный урожай сдали в фонд Красной Армии, приобрели 2 лошади для подвоза топлива семьям фронто-

виков и корма для домашнего скота. Тимуровская команда Рычковой получила телеграмму с благодарностью за проделанную работу от И. В. Сталина, а также от ЦК ВЛКСМ — именную серебряную шкатулку и грамоту¹⁰⁵. В Чкаловской области в 1941 и 1942 гг. тимуровцы Трудовой школы Ташлинского района шефствовали над 25 семьями красноармейцев¹⁰⁶. В школе № 8 г. Медногорска Чкаловской области тимуровцы работали в детском садике. Они делали для детей игрушки, читали с ними, изготовили альбом для картинок и фотоснимков о войне¹⁰⁷.

19 апреля 1942 г. в Москве состоялся митинг в защиту детей от фашистского варварства. В связи с принятым на нем обращением уральские власти наметили круг мероприятий. Например, бюро Чкаловского обкома ВКП(б) 27 апреля приняло решение организовать обсуждение московского обращения на собраниях и митингах с участием в них женщин, усыновивших детей. Проводились собрания для семей, не имеющих детей. К началу 1943 г. в семьях трудящихся РСФСР воспитывалось на условиях усыновления, опеки, патроната 117 938 детей. Как отмечает исследователь Н. П. Палецких, аналогичную статистику по уральскому региону установить сложно, так как имеются лишь отрывочные сведения. Например, населением Башкирии к началу 1944 г. было взято на воспитание 7400 детей, в Челябинской области к лету 1945 г. числились среди подопечных, патронированных, усыновленных 2971 человек¹⁰⁸. Однако главной формой устройства детей в изучаемый период оставались государственные учреждения.

Основную работу по пресечению детской беспризорности и безнадзорности выполняли органы НКВД, которые снимали детей с поездов, проводили систематические проверки мест массового скопления детей — рынков, вокзалов, чердаков и т.п. Регулярно проводились кампании по ликвидации детской безнадзорности. Органы внутренних дел Чкаловской области за первое полугодие 1942 г. задержали 785 детей, за второе — 2794, всего 3579. Из приведенных

данных следует, что работа по пресечению беспризорности и безнадзорности детей во второй половине 1942 г. существенно улучшилась. Это объясняется следующими факторами:

- в июле 1942 г. горисполкомом г. Чкалова по инициативе милиции была организована детская комната, куда доставлялись беспризорные и безнадзорные дети с последующим их направлением в приемник НКВД;

- в работу по пресечению беспризорности и безнадзорности вовлекались комсомольские и общественные организации;

- проводилась систематическая проверка мест скопления населения и других мест возможного нахождения беспризорных и безнадзорных детей (чердаки, сады, вокзалы, парки, бани);

- практиковались массовые проверки по районам области мест возможного нахождения беспризорных и безнадзорных детей. Так, например, такую проверку осуществили в сентябре 1942 г. в городе Чкалове и 14 районах области. В этой работе принимали участие комсомольские организации, органы народного образования. Представители обкома ВЛКСМ и облоно выезжали в районы и города для оказания практической помощи. Так, в ночь на 9 сентября 1942 г. по Чкаловской области задержали 73 беспризорных и 244 безнадзорных, всего 317 детей. Хорошо была организована работа по выявлению беспризорных и безнадзорных детей Соль-Илецким райкомом ВЛКСМ. В ней участвовало 8 бригад в количестве 45 человек (из них 25 комсомольцев). В результате выявлено 58 безнадзорных (после 11 часов вечера находились в кинотеатре, клубе) и 18 беспризорных детей. Все беспризорники направлялись в детский приемник НКВД, а безнадзорные разводились по домам. На следующий день родители безнадзорных вызывались в райком, где с ними проводил беседу лично заведующий районо¹⁰⁹. Наряду с проведением указанных мероприятий органы милиции в административном порядке реагирова-

ли на беспечность родителей в вопросах надзора за детьми, привлекая их к ответственности. Так, например, в 1942 г. органы милиции Чкаловской области привлекли в административном порядке за безнадзорность детей 395 человек, из них оштрафовали — 368 и привлекли к уголовной ответственности — 27 человек¹¹⁰.

Значительная работа по пресечению беспризорности и безнадзорности осуществлялась и в Челябинской области. Так, в мае 1942 г. Челябинский горисполком принял решение «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью». Данным решением запрещалось: организовывать ночные спектакли, концерты и другие развлечения; пребывание детей до 16-летнего возраста на улицах после 21 часа за исключением случаев, когда дети находятся в сопровождении взрослых; пребывание детей до 16-летнего возраста, в том числе и учащихся РУ, ФЗО, ЖУ, на вечерних спектаклях, киносеансах позже 8 часов вечера, а также допуск их после 21 часа в клубы, сады, парки культуры, стадионы, за исключением организованных посещений по специальному разрешению горно или управления трудовых резервов; продавать детям и подросткам, не достигшим 16-летнего возраста, пиво, виноградные вина и другие спиртные напитки, игральные карты, табачные и пиротехнические изделия; покупать у детей какие бы то ни было предметы и вещи, в том числе книги, за исключением организованной покупки учебников в школах, а также воспрещалось детям заниматься чисткой обуви на улицах и скверах без особого разрешения финансовых органов¹¹¹. Вместе с тем проводилась активная работа с родителями безнадзорных детей.

Все принятые меры способствовали сокращению числа задержанных в 4 квартале безнадзорных детей по сравнению с 3 кварталом наполовину. Данные таблицы 2.2 свидетельствуют, что всего за 1942 г. в Челябинской области было задержано 22 615 детей, из них беспризорных — 5219, безнадзорных — 17 396 человек.

Таблица 2.2

Количество задержанных беспризорных и безнадзорных детей по Челябинской области за 1942 г.¹¹²

1942 год	Беспризорные	Безнадзорные	Всего
1 квартал	320	2791	3111
2 квартал	670	3485	4155
3 квартал	1695	7746	9441
4 квартал	2534	3374	5908
Всего	5219	17 396	22 615

В мае 1944 г. в Башкирской АССР было принято решение «О правилах поведения в общественных местах (театрах, кино, парках, трамваях, на стадионе и т.д.) и на улицах города Уфы». Данным решением запрещалось: продавать билеты в кино, театры детям и подросткам до 16 лет, за исключением воскресенья, каникул; запрещалось пребывание детей в кино, театрах и на других мероприятиях после 20 часов; подростки не имели права находиться на улицах после 22 часов без сопровождения взрослых; не допускалась продажа детьми до 16 лет различных товаров, в том числе спичек, папирос и т.д.; запрещался проезд детей на коньках, санках по улицам, площадям и тротуарам г. Уфы. При установлении факта нарушения детьми правил поведения в общественных местах и на улицах родители или лица, отвечающие за воспитание детей, подвергались административному наказанию в виде штрафа в размере 100 рублей или принудительных работ сроком до 30 дней¹¹³.

Систематическую работу по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью проводили горкомы ВЛКСМ крупных городов Южного Урала. Так, при содействии Чкаловского горкома комсомола по областному центру за период с 1 июня по 15 сентября 1942 г. задержано 92 безнадзорных и 611 беспризорных детей, из них 169 человек направлено в детские дома, 45 человек — в ремесленные училища, школы ФЗО и 397 человек — на предприятия города и в пригородные совхозы¹¹⁴.

Наибольшее количество беспризорных детей в 1942 г. было выявлено в центре европейской части Советского Союза, на Урале, в Поволжье и Западной Сибири, главным образом в больших городах и на крупных железнодорожных станциях¹¹⁵.

В июне 1943 г. НКВД СССР, союзных и автономных республик, УНКВД краев и областей создали Отделы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (ОБД ББ НКВД). Они координировали деятельность всех служб НКВД по борьбе с беспризорностью, осуществляли руководство приемниками-распределителями и трудовыми колониями НКВД для подростков и ведали трудоустройством несовершеннолетних, побывавших в ДПР и ВТК.

Важной проблемой в годы войны было практическое отсутствие детских комнат милиции. До 1942 г. детские комнаты милиции имелись только в республиканских, краевых и областных центрах (по 1—2 комнаты в городе), в некоторых их вообще не было. На железнодорожных станциях и водных пристанях они отсутствовали. Беспризорные и безнадзорные дети доставлялись в дежурные комнаты отделений милиции, где они содержались вместе со взрослыми задержанными. Главное управление милиции в 1942 г. предложило органам милиции поставить вопрос перед местными Советами депутатов трудящихся об организации детских комнат во всех наиболее крупных городах. В связи с этим решением в августе 1942 г. (во время двухнедельника) в Челябинской области было развернуто 6 детских приемников и 28 детских комнат милиции¹¹⁶. В СССР к октябрю 1943 г. создали 100 детских комнат, их общее количество составило 250. В 1943 г. было вновь организовано 230 детских комнат, общая численность которых только по территориальным органам милиции возросла до 480. Кроме того, во втором полугодии 1943 г. организовано 248 детских комнат милиции на железнодорожном и водном транспорте.

Таким образом, на 1 января 1944 г. по Советскому Союзу создано 728 детских комнат. 28 июня 1944 г. была опу-

бликована Директива о создании детских комнат милиции при всех территориальных и транспортных отделениях милиции. В связи с этим дополнительно создали 360 детских комнат, общая численность которых составила 1088¹¹⁷. В Курганской области в 1944 г. функционировало 6 детских комнат милиции: в городах Кургане, Шадринске, Куртамыше, рабочих поселках Шумиха и Петухово¹¹⁸. В детские комнаты доставлялись несовершеннолетние до 16 лет, замеченные в оскорблениях, драках, озорстве, азартных играх, нищенстве, бродяжничестве, уличной торговле, нарушении правил пользования транспортом и других нарушениях порядка. В детских комнатах дети могли содержаться не более 6 часов. Затем они направлялись либо в приемники-распределители, либо передавались родителям, с которыми проводились воспитательные беседы¹¹⁹.

Как отмечалось выше, наибольшее количество беспризорных и безнадзорных детей задерживалось на железнодорожных станциях, привокзальных площадях, а также снималось с поездов. Поэтому в соответствии с распоряжением СНК СССР от 17 мая 1943 г. № 9863 для усиления борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью на железнодорожном транспорте Народный комиссариат путей сообщения (НКПС) и НКВД СССР своими приказами от 28 мая 1943 г. за № 461 и № 380 обязали начальников дорог и Дорожных отделов милиции организовать при органах транспортной милиции детские комнаты на железнодорожных станциях. Например, на Оренбургской железной дороге предложили создать 6 детских комнат на станциях Оренбург, Актюбинск, Казалинск, Орск, Гурьев и Илецк¹²⁰.

Подростки, совершившие преступления, передавались в отдел по борьбе с преступностью несовершеннолетних или в оперативную часть отделения милиции. Только в 1942—1943 гг. и в I квартале 1944 г. через органы милиции, занимавшиеся работой с беспризорными и безнадзорными детьми и подростками, прошло свыше 1 миллиона несовершеннолетних¹²¹.

Отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в Чкаловской области приступил к работе в августе 1943 г. В его составе организовали 4 детских приемника-распределителя, расположенных на территории области. Общая емкость детприемников составляла 260 человек, в том числе Чкаловского — 100 человек, Бузулукского — 55, Бугурусланского — 55, Орского — 50¹²².

В Курганской области работало 3 детприемника с общей емкостью 110 человек: в Кургане — на 50 мест, в Шадринске — на 30, в Лебяжьем — на 30 мест¹²³. Лебяжевский ДПР был открыт в январе 1944 г. Он располагался в деревне в 7 км от районного центра и железнодорожной станции. Вследствие оторванности от центра в течение 1944—1945 гг. через ДПР проходило всего 9 человек в месяц. В 1945 г. в Курганской области планировали открыть еще один детский приемник на станции Мишкино, между городами Курганом и Челябинском. Однако в связи с сокращением передвижения детей после окончания войны необходимость в открытии нового приемника отпала¹²⁴. В Башкирии функционировало 3 приемника-распределителя с общей емкостью 280 человек: Уфимский — на 130, Стерлитамакский — на 75 и Белебеевский — на 75 мест¹²⁵. Самое большое количество детприемников на Южном Урале насчитывалось в Челябинской области с общей емкостью на 370 человек (Челябинский — на 150 человек, Златоустовский — на 50, Троицкий — на 70, Магнитогорский — на 100), что было связано с большим потоком беспризорных детей¹²⁶.

В 1944 г. в связи с увеличением числа беспризорных и безнадзорных детей в Челябинской области управление НКВД поставило вопрос о расширении сети ДПР. В итоге к имеющимся четырем приемникам прибавилось еще два: Катав-Ивановский и Кыштымский. Однако уже к середине 1945 г. был поставлен вопрос о реорганизации этих двух ДПР, так как с окончанием войны произошло сокращение численности беспризорных и безнадзорных детей¹²⁷. Таким

образом, в годы Великой Отечественной войны на Южном Урале действовали 16 ДПР на 1030 детей.

Частым явлением в годы Великой Отечественной войны становились прокурорские проверки детских комнат при отделениях милиции. Так, прокуратурой города Челябинска было установлено, что их работа в основном сводилась к регистрации задержанных несовершеннолетних. На счету у некоторых подростков имелось более двадцати задержаний за нищенство, торговлю папиросами, билетами и другими предметами. Однако эти несовершеннолетние не определялись в ВТК, что в основном было связано с отсутствием необходимого количества мест.

Работниками прокуратуры Челябинской области отмечалась недостаточная профилактическая деятельность милиции по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Главным образом это объяснялось кадровым дефицитом, который испытывала милиция в годы войны. Так, проверка детских комнат в городе Магнитогорске в 1943 г. выявила, что работавшие в ней инспекторы никакого инструктажа не проходили. В 4-м отделении милиции вообще не было инспектора по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, а работу с задержанными подростками вел дежурный по отделению. Однако для инспекторов детских комнат милиции Челябинской области в 1944 и 1945 гг. проводились двух-, трехдневные семинары, на которых изучались директивные издания НКВД, проходил обмен опытом. Кроме того, работники ОБДББ УНКВД области обследовали детские комнаты в Кыштыме, Сатке, Аше, Златоусте, Магнитогорске, Троицке, Катав-Ивановске, Коркино, Копейске¹²⁸.

Нередко сотрудники органов НКВД при проведении оперативных мероприятий по изъятию беспризорных и безнадзорных детей в городах и районах Южного Урала сталкивались с трудностями, которые заключались в отсутствии детских комнат милиции. Например, 19 июля 1944 г. в городе Бузулуке Чкаловской области совместно с работниками

детприемника, горкома ВЛКСМ и железнодорожной милицией была проведена работа по изъятию беспризорных и безнадзорных детей. Данное мероприятие проводилось с 5 часов до 18 часов. Всего за этот период времени задержали 68 человек, из них 17 человек передали родителям, 22 человека направили в детприемники, 18 подростков — в детскую колонию и 26 человек — в РУ № 5. Сотрудникам органов НКВД пришлось разместить детей в одном из рабочих кабинетов, что грозило созданием очага инфекции в ГО НКВД, поскольку в большинстве своем подростки находились в антисанитарном состоянии¹²⁹. Если же детские комнаты милиции и имелись, то они, как правило, не соответствовали санитарным нормам. Так, в г. Уфе Башкирской АССР помещение детской комнаты милиции при 5-м отделении составляло не более 9 кв. метров. В комнате не было ни одного стула, и дети сидели на полу. В день проверки в комнате находилось 7 детей. Среди них была девочка, которая не имела ног¹³⁰. Основными недостатками работы детских комнат милиции в период Великой Отечественной войны являлись: слабое участие общественности в работе по изъятию беспризорных и безнадзорных детей и подростков, отсутствие должного контакта в работе между детскими комнатами милиции и ДПР, низкая квалификация работников детских комнат милиции.

Существенное значение для решения этой серьезной проблемы имело постановление СНК СССР от 15 июня 1943 г. № 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством». В соответствии с этим документом в 1943 г. создавались трудовые воспитательные колонии для содержания в них беспризорных и безнадзорных детей, а также подростков, неоднократно замеченных в мелком хулиганстве и других незначительных преступлениях, в возрасте с 11 до 16 лет. Уже к 1943 г. общее число мест в этих колониях достигло 50 тыс.¹³¹ Так, в Чкаловской области имелась исправительно-трудовая колония для несовершеннолетних преступников в г. Бузулуке

на 350 человек и детская трудовая воспитательная колония в г. Медногорске на 300 человек¹³². К 1945 г. на территории области располагались: Бузулукская детская трудовая колония и Первомайская детская трудовая воспитательная колония. Медногорскую детскую трудовую воспитательную колонию закрыли в октябре 1945 г. в связи с отсутствием производственной и сырьевой базы для организации обучения. Все строения были непригодны для жилья, отсутствовал земельный участок. Медногорскую колонию перевели на станцию Донгуз и развернули на базе бывшего совхоза имени 1 мая¹³³. Бузулукская колония располагалась в здании бывшего монастыря. Более 80% воспитанников колонии было охвачено различными видами общественной работы. Активно работал совет командиров. Не менее двух раз в месяц собирались воспитанники-командиры отрядов, отделений и звеньев и с ними проводился «командирский час». Совет командиров оказывал большую помощь воспитателям, особенно в поддержании дисциплины и порядка. В каждом отряде имелся драматический, хоровой, музыкально-струнный кружки. Каждую субботу устраивались вечера художественной самодеятельности¹³⁴.

До декабря 1945 г. в БАССР действовали 2 детские трудовые воспитательные колонии и 1 детская трудовая колония¹³⁵. В селе Воскресенском, Воскресенского района, — на базе бывшей мебельной фабрики «Пятилетка» на 350 воспитанников, в Уфе — на базе лесозавода № 5 на 450 человек¹³⁶. Воскресенская колония была ликвидирована в декабре 1945 г., воспитанников перевели в детскую колонию имени А. Матросова¹³⁷. Бирская детская трудовая колония (закрытая) для несовершеннолетних находилась в 12 км от города Бирска и была организована на базе исправительно-трудовой колонии (ИТК) № 7 НКВД БАССР. Первая партия воспитанников поступила в нее 15 октября 1943 г.¹³⁸

19 июня 1943 г. одному из бывших заключенных — воспитаннику Уфимской трудовой колонии А. М. Матросову — посмертно присвоено звание Героя Советского Со-

юза. 18 октября 1943 г. в связи с этим событием народный комиссар внутренних дел Союза ССР, генеральный комиссар госбезопасности Л. П. Берия подписал приказ № 633 «О реорганизации Уфимской трудовой колонии несовершеннолетних заключенных в Уфимскую трудовую воспитательную колонию имени Александра Матросова»¹³⁹.

К 1944 г. в Курганской области работали две детские колонии: воспитательная — в Шадринске и трудовая — в поселке Иковка. Шадринская колония располагалась на окраине города. Здесь было построено двухэтажное здание. На первом этаже находились учебные классы, а также помещения для культурно-массовой работы, на втором размещалось общежитие. При участии воспитанников удалось построить баню, производственные цеха, конюшню, овощехранилище. В колонии воспитанники получали специальности слесарей, токарей, инструментальщиков. Иковская детская трудовая колония была вновь воссоздана 15 декабря 1943 г. в 40 км от г. Кургана и в 8 км от железнодорожной станции на территории лесного массива¹⁴⁰. Иковская колония НКВД была совершенно изолирована от населенных пунктов. Здесь также построили жилые помещения, школьные и производственные здания, баню, прачечную¹⁴¹.

Культурно-массовая работа в детских колониях Курганской области в 1944 г. проводилась недостаточно. Круговой работой было охвачено не более 10% воспитанников. Причинами являлись отсутствие клубов, библиотек, читален, музыкальных инструментов. Особенно это касалось Иковской детской колонии, где даже не было радио. Однако к 1945 г. работу в колонии полностью перестроили. Всех воспитанников разбили по отрядам и взводам, во главе которых поставили командиров из актива. Кроме того, из воспитанников создали штаб отряда во главе со старшиной. За каждым отрядом закрепили воспитательницу. Некоторым воспитанникам предоставлялись отпуска с поездкой к родным¹⁴².

В 1943 г. в соответствии с постановлением Совнаркома СССР № 659 от 15 июня 1943 г. бюро обкома ВКП(б) и исполнительный комитет областного совета депутатов трудящихся Челябинской области постановили организовать в области еще одну трудовую воспитательную колонию для несовершеннолетних на 500 человек. Для этих целей областному управлению НКВД передали три барака в Песочном поселке, территорию колонии изолировали забором высотой 2,5 м, построили дезкамеру, складские помещения. В одном из барачков организовали столовую, классные комнаты и комнаты под штаб колонии¹⁴³. Но с сентября 1945 г. Атлянская колония была перебазирована в помещения, построенные Челябинметаллургстроем¹⁴⁴. Среди воспитанников колоний широкое распространение получила художественная самодеятельность. Так, в Атлянской трудовой колонии Челябинской области в 1944 г. к смотру художественной самодеятельности воспитанники подготовили сказку А. С. Пушкина «Мертвая царевна и семь богатырей» и большое концертное отделение, в котором принимали участие 313 воспитанников. Своими силами были сделаны декорации, костюмы. В сказке участвовали: детский хор (160 человек), оркестр (12 человек), струнный оркестр (35 воспитанников). Художественная самодеятельность колонии в областном смотре заняла первое место¹⁴⁵.

За 3 квартала 1943 г. в Чкаловской области задержали 2932 беспризорных и безнадзорных ребенка¹⁴⁶; в Башкирской АССР за 1943 г. изъяли 4551, в том числе 2079 беспризорников и 2472 безнадзорных подростка¹⁴⁷; в Челябинской области — соответственно 18 238, 6229, 12 009¹⁴⁸. В Курганской области за 1943—1944 гг. выявили и устроили в детские дома 7175 беспризорных детей, в том числе задержали на железной дороге более 3 тыс. человек¹⁴⁹. За 1944 г. в Чкаловской области задержали 7385 детей, из них беспризорных — 2711 и безнадзорных — 4674¹⁵⁰, в Челябинской области — соответственно 33 121, 9843 и 23 278¹⁵¹; в Башкирской АССР — 6553, 3619 и 2934¹⁵². В 1945 г. работа по

ликвидации данного явления, так же как и в предшествующие годы, проводилась достаточно эффективно. Так, в Курганской области в 1945 г. задержали 3748 человек, из них беспризорных — 391, безнадзорных 3357¹⁵³, в Челябинской области — соответственно 29 183, 6464, 22 719; в Чкаловской области — 5951, 1748, 4203¹⁵⁴; в Башкирской АССР — 3972, 2093, 1879¹⁵⁵. Всего на Южном Урале за 1943 г. задержали 32 896 детей, в 1944 г. — 47 059, в 1945 г. — 42 854.

Основной причиной возникновения беспризорности являлась гибель или смерть родителей. Так, по данным детских приемников Челябинской области, 70% беспризорников из числа задержанных не имели родителей и были круглыми сиротами. Остальные 30% относились к числу потерявших связь со своими родителями или убежавших из дома¹⁵⁶.

Одним из направлений борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью являлось трудоустройство. Однако практика по трудоустройству детей выявила недостатки. Одним из наиболее существенных недостатков было то, что горono и комиссия по трудоустройству при горсовете, направляя беспризорных на то или иное предприятие, не учитывали желание детей — хотят они учиться или работать. В результате подростки совершали побеги с предприятий¹⁵⁷. Подростков нередко привлекали к сверхурочным и ночным работам, удлиняли рабочий день до 11 часов. Только 5 марта 1944 г. приняли постановление СНК СССР «О предоставлении в военное время подросткам моложе 16 лет еженедельного дня отдыха и отпусков». Но изнурительный трудовой режим, плохие бытовые условия, порой жестокость взрослых и руководителей приводили к тому, что подростки совершали побеги с предприятий¹⁵⁸. Так, в третьем квартале 1942 г. в мастерские Горстройтреста г. Чкалова направили 70 человек, на кирпичный завод — 77 человек, но ни один подросток не остался работать на данных предприятиях¹⁵⁹. В Курганской области в 1944 г. по инициативе отдела УНКВД обследовали 14 детских до-

мов Наркомпроса, где вскрыли ряд недостатков. Так, при проверке Рябковского дома ребенка обнаружили большую смертность детей из-за плохих бытовых условий, за что директора дома ребенка сняли с работы и привлекли к уголовной ответственности. В Маслийском детдоме Мишкинского района Курганской области дети спали по два человека на кровати, в помещении было холодно, а питание детей было неудовлетворительное. В Марайском детском доме Мостовского района воспитательница Шмакова избивала детей, за что привлечена к уголовной ответственности и осуждена на два года лишения свободы¹⁶⁰.

В 1943 г. СНК СССР принял важное постановление «О трудовом устройстве подростков старше четырнадцати лет — воспитанников детских домов, трудовых колоний НКВД СССР и детей, оставшихся без родителей». Это постановление обязывало Наркомпрос РСФСР и НКВД СССР направить летом 1943 г. в ремесленные и железнодорожные училища и школы ФЗО 36 000 воспитанников детских домов и детей, оставшихся без родителей, и 5400 воспитанников трудовых колоний НКВД СССР старше 14-летнего возраста¹⁶¹.

Однако к выполнению данного постановления правительства руководители ряда предприятий относились формально, поэтому нередко несовершеннолетние занимались членовредительством. Так, например, в Башкирской АССР на заводе имени Октябрьской революции и РУ № 10 ликвидировали группу, состоящую из 12 человек. Участники данной группы получали освобождение от работы от врачей Владимировой и Безсудновой сроком от 10 дней до 1 месяца. Распространителями методов членовредительства являлись Егоров и Сусаров. Например, электромонтер Сусаров в декабре 1944 г. специально обморозил руку, а на ночь прикладывал чеснок. В итоге он получил освобождение от работы с 31 декабря 1944 г. по 15 января 1945 г. Ученик РУ № 10 Кочетов шприцом вводил между большим и указательным пальцем слюну. Таким способом он получал

освобождение от работы. Начальник Уфимского отделения ВО НКГБ младший лейтенант госбезопасности Богатырев назвал главные причины такого поведения несовершеннолетних: отсутствие воспитательной работы, бездействие партийных и комсомольских организаций¹⁶².

В Челябинской области из детдома передали для трудоустройства в ОСМЧ треста № 8 (начальник Прихожан) 100 человек детей в возрасте 12—13 лет. В течение 6 месяцев детям не была предоставлена работа. В результате они стали заниматься хулиганством. Труд основной массы подростков использовался на станочных работах в качестве браковщиков. В городе Челябинске направили 25 детей в деревообделочный комбинат. Подростки жили в холодном помещении, поэтому были вынуждены ломать забор, чтобы истопить печку, за что их наказали¹⁶³. В октябре 1942 г. выяснилось, что на заводе № 144 города Челябинска подростки из детдомов были размещены в летних палатках, не имели одежды, обуви, в результате чего они дезертировали, занимались хулиганством, воровством¹⁶⁴.

Достаточно много фактов свидетельствует о том, что для подростков не всегда создавались нормальные бытовые условия, питание было недостаточным, плохо обеспечивали одеждой и обувью. Отсутствовала какая бы то ни было воспитательная работа среди подростков, фиксировались факты издевательского отношения к детям. Например, завхоз Альшевского детского дома Башкирской АССР Валеев систематически избивал подростков, за что был снят с работы и привлечен к уголовной ответственности по статье 110 УК¹⁶⁵ и осужден народным судом на 2 года. Директор Аургазинского детдома БАССР Аквашев оставил в Уфе 4-х воспитанников, не принятых в музыкальную школу, на произвол судьбы, а сам возвратился в детский дом. В Карандельском детдоме было плохо организовано питание и содержание детей, должным образом не проводилась воспитательная работа¹⁶⁶. В Челябинской области за 1942 г. число побегов из РУ и школ ФЗО превысило 10 тысяч,

большинство детей, уйдя из училища, не имея родителей и родственников, вставало на путь преступления¹⁶⁷.

2 октября 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах» была создана система Государственных трудовых резервов (ГУТР) — централизованный орган воспроизводства квалифицированной рабочей силы в масштабах страны. Предусматривалось три типа училищ и школ: ремесленные училища для подготовки квалифицированных металлистов, металлургов, химиков и рабочих других профессий; железнодорожные училища — в них предполагалось готовить квалифицированные рабочие кадры для железнодорожного транспорта: помощников машинистов, слесарей по ремонту путей; школы фабрично-заводского обучения, организованные для подготовки рабочих массовых профессий средней квалификации (угольной, горнорудной, металлургической, нефтяной промышленности и строительства)¹⁶⁸.

Главное управление трудовых резервов производило проверки РУ, ЖУ, школ ФЗО. В результате этого в 1942 — начале 1943 г. удалось установить, что в ряде случаев имели место хищения, разбазаривание продовольствия и промышленных товаров, выделенных для питания и обмундирования учащихся. Выявлялись случаи незаконного отпуска продовольственных товаров, выдачи обедов посторонним лицам по запискам, отпуск одежды и обуви. ГУТР запретило выдачу кому бы то ни было, кроме учащихся, одежды, обуви, постельных принадлежностей со складов управления трудовых резервов. Питание должно было производиться только по специальным и разовым талонам. Виновных привлекали к уголовной ответственности и взыскивали недостаток в пятикратном размере. Так, например, в начале 1944 г. установили, что директор ЖУ № 3 станции Ново-Сергиевка Чкаловской области Литвинов воровал и продавал жмых, просо, ячмень и т.д. На вырученные деньги он купил корову и козу. Заместителя директора училища Маркова заметили в присвоении денег и составлении не-

правильных отчетов. В г. Златоусте Челябинской области в 1944 г. в РУ № 11 раскрыли хищения продуктов за счет приписывания к контингенту несуществующих учащихся. В данном училище два ученика умерли от дистрофии¹⁶⁹.

Необходимо отметить, что школы и училища принимали несовершеннолетних преступников. Так, в Чкаловской области в 1942 г. было принято 996 человек. Кроме этого, только за I полугодие 1943 г. из деткомнаты приняли в РУ — 95 человек, в ЖУ — 34, в школы ФЗО — 307, трудоустроено на предприятия — 538. Всего было устроено на учебу и на работу 974 человека безнадзорной и беспризорной молодежи¹⁷⁰. В 1942 г. в школах и училищах трудовых резервов Чкаловской области обучалось массовым профессиям около 1500 человек молодежи, освобожденных из тюрем и исправительно-трудовых колоний. Например, Валентина Слѣзкина, имеющая возраст всего 23 года, была осуждена в общей сложности на 36 лет за 7 убийств и участие в грабежах с убийством в группах других преступников более десяти раз. Обучаясь в школе ФЗО на токаря и работая в Южуралтяжстрое, она перевыполняла норму выработки на 300%¹⁷¹.

В 1943 г. по распоряжению заместителя председателя СНК СССР А. Н. Косыгина местные Советы проанализировали работу по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. В итоге вскрылись трудности и недостатки в работе детских учреждений¹⁷². Например, помещения, занимаемые детприемниками, не соответствовали своему назначению. Так, в Чкаловском детприемнике на установленный минимум в 100 человек имелось 3 детских спальни, в которых могло разместиться только 49 человек, в Орском при минимуме в 50 человек — 2 комнаты, где размещалось только 32 кровати. Аналогичное положение наблюдалось в Бугурусланском и Бузулукском ДПР¹⁷³. Чкаловский детский приемник-распределитель занимал половину здания бывшей мечети по Заводскому переулку, д. 45. Но в связи с большим потоком поступающих детей был постав-

158

лен вопрос о предоставлении ДПР всего здания. 29 сентября 1943 г. такое решение приняли¹⁷⁴. Однако проблема до конца не была решена, так как в детских приемниках-распределителях не оборудовали комнат-амбулаторий, отсутствовали бани и библиотеки, наблюдались перебои в снабжении продуктами, одеждой и обувью, не хватало хозяйственного инвентаря и т.д.

Особенно плохо была поставлена работа среди подростков во внеучебное время, так как в связи с занятостью родителей они оказались предоставленными сами себе. Некоторые подростки сначала в одиночку начинали заниматься кражами из квартир своих родителей, карманными кражами в местах скопления людей, а затем, попадая под влияние преступных элементов, объединялись в группы. Одной из причин увеличения числа беспризорных и безнадзорных детей являлось то, что некоторые матери оставляли своих детей одних на длительное время. Например, С. В. Трубкина, проживавшая в г. Кыштыме Челябинской области, разъезжая по разным городам, занималась спекуляцией, а 4-х детей оставляла одних. В результате дети были направлены в детские дома¹⁷⁵.

Еще одной из причин роста беспризорности и безнадзорности на Южном Урале было отсутствие организующих центров воспитательной работы в связи с переуплотнением жилищного фонда эвакуированными организациями и частными лицами. Например, если до 1 августа 1941 г. в Челябинской области работало 19 домов пионеров, которыми руководил областной дом художественного воспитания детей, имевший изобразительную студию, музыкальные, хореографические и другие кружки, с охватом массовыми мероприятиями до 50 тыс. детей в год, то в годы войны все дома пионеров оказались закрыты в связи с передачей их помещений под другие цели, а для дома художественного воспитания оставили одну комнату в 25 кв. м для проведения консультаций¹⁷⁶.

В конце 1943 г. Челябинский обком ВЛКСМ поднял вопрос о создании дворца пионеров в областном центре.

К тому времени в области было 3 дома пионеров — в Миассе, Златоусте, Копейске; работали также областные станции юных техников и юных натуралистов¹⁷⁷. Уже к 1945 г. в Челябинской области открыли 6 домов пионеров в г. Златоусте, Копейске, В.-Уфалее, Магнитогорске, Миассе, В.-Уральске, также городской клуб для учащихся трудовых резервов в Магнитогорске. Была восстановлена детская железная дорога. Организованы 2 технические станции в г. Челябинске, созданы спортивные школы в г. Магнитогорске, Златоусте. При клубе Кировского завода в г. Челябинске для организации досуга детей создали 12 различных кружков¹⁷⁸. В Челябинской области работали такие культурные учреждения, как кукольный театр, областная станция юных техников, дом художественного воспитания детей. В ходе проведенной проверки БДББ было установлено, что дом художественного воспитания детей размещался в одной небольшой комнате, где не проводилась кружковая работа. Вся его деятельность выражалась в оказании методической помощи школьным кружкам. Зрительный зал кукольного театра вмещал всего 60 человек, поэтому театр работал путем выездов в детские дома, в рабочие клубы и другие учреждения, охватывая в месяц 20 тыс. человек. При областной станции юных техников действовало 5 кружков: фото-кино, столярный, слесарный, художественной резьбы по дереву и кружок занимательной физики¹⁷⁹.

1 августа 1942 г. на Алом поле в г. Челябинске был открыт детский парк. В центре парка установили фигуры вождей Ленина, Сталина, Кирова. Территорию украсили белыми вазами, клумбами с цветами, скульптурами, устроили фонтан «Черномор», построили летнюю эстраду. На спортивной площадке отвели место для игры в волейбол, в городки. В первые два дня открытия парка проводился большой концерт детской художественной самодеятельности под руководством композитора А. М. Черняка¹⁸⁰. Однако такая ситуация складывалась не на всей территории Южного Урала. Так, в БАССР не были организованы детские

клубы, детские комнаты, дворцы пионеров, а имеющийся в Уфе дом пионеров использовался не по назначению¹⁸¹. Но уже в 1945 г. в республике числилось 16 детских внешкольных учреждений: станций юных техников — 2 с охватом 300 человек в год; станций юных натуралистов — соответственно 5 и 900; домов пионеров — 7 и 10 000; детских парков — 1 и 40 000; детских кинотеатров — 1 и 75 000. Однако данные учреждения посещало сравнительно небольшое количество учащихся, не все они были должным образом оборудованы и укомплектованы квалифицированными кадрами¹⁸².

В Курганской области к первой половине 1945 г. действовало всего 3 дома пионеров. В области не имелось ни одного театра, не работали спортивные площадки. Детская техническая станция находилась за городом в деревне Чусово и никем не посещалась¹⁸³.

К 1945 г. в Чкаловской области в таких городах, как Чкалов, Орск, Бузулук, Бугуруслан, открыли дома пионеров, но работали они слабо. На всю область имелась только одна техническая станция¹⁸⁴.

Органы милиции в своей деятельности не ограничивались трудоустройством детей. За детьми устанавливалось наблюдение. Многие из них, по отчетным данным органов НКВД, показывали образцы дисциплины. Так, например, Павел Марченко из Сталинской области при эвакуации отстал от эшелона, стал разъезжать по городам Советского Союза. При задержании в г. Чкалове был направлен на учебу в ФЗО хлебопечения. В дальнейшем он сам стал обучать подростков хлебопечению¹⁸⁵.

В годы Великой Отечественной войны прокуратура усилила надзор за милицией в отношении работы с несовершеннолетними. Например, прокурор Челябинской области Н. В. Шляев лично составил план мероприятий по работе с несовершеннолетними в крупных городах области — Челябинске, Магнитогорске и Златоусте. Летом 1944 года Магнитогорская прокуратура, учитывая тот факт, что

во время войны по городу за уголовные преступления арестовали 329 учащихся ФЗО и РУ, инициировала ряд мероприятий по предупреждению преступности среди несовершеннолетних. Следователи прокуратуры проводили беседы, которые вызывали большой интерес у подростков, они активно вступали в группы содействия прокуратуре. Уже в конце войны магнитогорский опыт распространился на все крупные города Челябинской области¹⁸⁶.

Рост беспризорности в отдельных районах страны сопровождался ростом детской преступности. 31 мая 1941 г. вышел указ Верховного Совета Союза ССР № 86 «Об уголовной ответственности несовершеннолетних». В указе говорилось, что расследование преступлений, совершенных несовершеннолетними, необходимо возложить в крупных городах на специально выделенных следователей. Они должны были выявлять подстрекателей преступлений, а также всех лиц, виновных в безнадзорности и преступных действиях несовершеннолетних. По данному указу расследование дел в отношении несовершеннолетних следовало осуществлять в 10-дневный срок, прокуроры в обязательном порядке принимали участие в рассмотрении дел о преступлении несовершеннолетних¹⁸⁷.

Для рассмотрения дел о преступлениях несовершеннолетних привлекались, как правило, народные заседатели из работников школ, детских учреждений, органов народного образования и т.п.¹⁸⁸ В УК в статье 22 указывалось, что не могут быть приговорены к расстрелу лица, не достигшие 18-летнего возраста в момент совершения преступления¹⁸⁹. Несовершеннолетние привлекались к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания начиная с 12-летнего возраста, уличенные в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или в попытках к убийству¹⁹⁰.

Если в 1941 г. несовершеннолетние преступники совершили 5% от всех зарегистрированных преступлений, то уже в 1944 г. их количество увеличилось до 11%. Состояние

преступности среди несовершеннолетних по годам представлено в таблице 2.3.

Таблица 2.3

Преступность несовершеннолетних в СССР за 1941—1944 гг.¹⁹¹

	1941 г.	1942 г.	1943 г.	За 4 мес. 1944 г.	Всего
Убийства	161	188	413	174	936
Разбой и грабежи	492	1225	2495	1291	5503
Кражи всех видов	20 816	34 555	55 829	9311	120 511
Телесные повреждения	630	448	604	222	1904
Хулиганство	1354	1090	1419	500	4363
Мошенничество	147	354	969	159	1629
Половые преступления	179	58	110	42	389
Другие преступления	1360	2743	4439	1602	10 144
Всего	25 139	40 661	66 278	13 301	145 379

Как видно из таблицы 2.3, начиная с 1941 г. рост преступлений несовершеннолетних набирает темп. Всего несовершеннолетними по Советскому Союзу за 3,5 года совершено 145 379 преступлений, из них: убийств — 936 (0,6%), разбоев и грабежей — 5503 (3,8%), краж — 120 511 (82,9%), нанесений телесных повреждений — 1904 (1,3%), хулиганств — 4363 (3%), мошенничеств — 1629 (1,1%), половых преступлений — 389 (0,3%), других преступлений — 10 144 (7%). Наибольшее количество преступлений зарегистрировано среди несовершеннолетних в 1943 г. — 66 278 (45,6%). По сравнению с 1941 г. количество преступлений, совершенных подростками, возросло в 1943 г. в 2,6 раза. Основным видом преступлений в годы Великой Отечественной войны среди детей и подростков являлись кражи — 83%.

В годы войны фиксировался рост преступности несовершеннолетних на транспорте. В значительной степени этому способствовало «мешочничество», когда родители

или родственники посылали подростков в сельскохозяйственные районы за продуктами питания. Оставаясь продолжительное время без надзора, подростки занимались кражами, грабежами. Объектом преступлений были продукты¹⁹². Всего за 1941—1944 гг. по Советскому Союзу привлекли к ответственности 189 901 несовершеннолетнего.

Таблица 2.4

Состав несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности по Советскому Союзу за 1941—1944 гг.¹⁹³

	1941	1942	1943	4 мес. 1944	Всего
Беспризорные	3976	7367	13 185	5109	29 637
Учащиеся школ НКП, ФЗО, РУ	11 720	11 721	15 598	6273	45 312
Неработающие и неучащиеся	17 929	35 905	51 543	9575	114 952
Всего	33 625	54 993	80 326	20 957	189 901

Как видно из таблицы 2.4, наибольшее количество несовершеннолетних к уголовной ответственности привлекли из неучащейся и неработающей молодежи, всего — 114 952 (60,5%), из числа учащихся школ НКП, ФЗО, РУ — 45 312 (23,9%) и из числа безнадзорных — 29 637 (15,6%). Рост привлеченных к уголовной ответственности беспризорных и неучащихся можно объяснить тем, что в период войны большую часть мужского населения мобилизовали в ряды Красной Армии, женщины были заняты на производстве, произошло ослабление работы пионерских организаций, плохо, а нередко совсем не велась работа с детьми и подростками во внеучебное время.

В июле 1944 г. Советское правительство приняло постановление «Об увеличении количества детей в детских трудовых воспитательных колониях НКВД СССР и о материальном обеспечении детских и трудовых воспитательных колоний». В стране дополнительно открывалось 25 колоний на 10 тыс. детей. Эти меры были своевременны. Так, в 1942 г. милиция изъяла с улиц, рынков при массовых обла-

вах и обходах 379 522 человека, из них 124 494 беспризорных и 255 028 безнадзорных, в 1943 г. — соответственно 802 445, 277 948, 524 497, в 1944 г. — 1 174 668, 432 898, 740 770¹⁹⁴. Кроме того, увеличилось число уголовных преступлений, совершенных подростками, в начале 1944 г. в Челябинской области. В целях усиления борьбы с детской преступностью Челябинский обком партии в начале мая 1944 г. принял решение об организации специальной трудовой колонии на 900 человек. Одновременно в области открыли дополнительно одно ремесленное училище на 400 человек и школу ФЗО на 300 человек для детей, изъятых с улиц и подлежащих по возрасту и образованию обучению в системе трудовых резервов¹⁹⁵.

Для расследования дел о преступлениях среди несовершеннолетних в Чкаловской области выделили группу следователей: в городе Абдулино — Слободчикова, в городе Бугуруслане — Воробьева, в городе Медногорске — Беллинсона, в Орске в Ворошиловском районе — следователя прокуратуры Кубышкина и в Ленинском районе — Чеботарева, в Чкалове в Дзержинском районе — Рощина, в Кировском районе — Спиридонова, в Кагановическом районе — Фрида и в Соль-Илецком районе — Павлова¹⁹⁶. О количестве привлеченных за уголовные преступления несовершеннолетних в Челябинской области свидетельствуют данные таблицы 2.5.

Несовершеннолетние преступники, как видно из таблицы 2.5, занимались главным образом карманными и квартирными кражами. Из 1882 человек, привлеченных к ответственности в 1942 г., 1648 (87,5%) привлечено за кражи; за 1943 г. соответственно — 2003, 1696 (84,6%). Контингент привлеченных за разные виды преступлений до 80% составляли подростки из неучащейся молодежи. Так, в 1942 г. они составляли 63,8% от общего числа привлеченных к уголовной ответственности, в 1943 г. — 60,9%, беспризорные — соответственно 12,6%, 19%, учащиеся — 23,9%, 20,1%. Например, в г. Коркино Челябинской обла-

Таблица 2.5

Количество привлеченных за уголовные преступления несовершеннолетних
в Челябинской области за 1942—1943 гг.¹⁸⁷

Год	Привлечено за					Всего	Из числа привлеченных к уголовной ответственности			Арестовано из числа привлеченных к ответственности
	Убийство	Грабежи	Кражи	Хулиганство	Прочие преступления		Безпризорные	Безнадзорные		
							Безпризорные	учащиеся	неучащиеся	
1942	12	31	1648	52	139	1882	238	450	1201	1199 (63,7%)
1943	5	49	1696	36	217	2003	380	403	1220	1181 (59%)
1 кв.	—	6	395	14	40	455	65	95	296	290 (63,7%)
2 кв.	2	18	398	16	59	493	90	99	304	321 (65,1%)
3 кв.	2	23	484	—	63	572	107	127	337	293 (51,2%)
4 кв.	1	2	419	6	55	483	118	82	283	277 (57,3%)

сти арестовали группу подростков из трех человек (Козлов, Николаев, Патрушев), которые систематически занимались кражами вещей из квартир¹⁹⁸.

В Чкаловской области несовершеннолетними преступниками за второе полугодие 1942 г. и 2 месяца 1943 г. было совершено 113 преступлений¹⁹⁹, в 1944 г. — 1062²⁰⁰, за 9 месяцев 1945 г. — 943²⁰¹. В Башкирской АССР несовершеннолетние за 1943 г. совершили 1017 преступлений²⁰², за 1944 г. — 1092²⁰³, 1945 г. — 615²⁰⁴. В Курганской области за три квартала 1943 г. несовершеннолетними было совершено 454 уголовных преступления²⁰⁵, в 1944 г. — 794²⁰⁶, в 1945 г. — 399²⁰⁷. В Челябинской области за 1944 г. — 1671, в 1945 г. — 612²⁰⁸. Всего за 1942—1945 гг. на Южном Урале, по неполным данным, несовершеннолетние совершили 12 657 преступлений.

В годы Великой Отечественной войны подростки совершали и такие тяжкие преступления, как убийства, изнасилования и др. Например, 18 декабря 1942 г. в с. Нежинка Чкаловского района было совершено убийство М. Х. Никитиной, 1895 года рождения, и ее воспитанницы, девочки Н. К. Дикаревой, 1927 года рождения. На месте преступления работники Отдела уголовного розыска обнаружили Дикареву, которой в область головы нанесли несколько ударов острием топора, а в комнате нашли Никитину. Преступление совершили с целью ограбления. На поиски преступника органы правопорядка организовали группу со служебной собакой по кличке Ральф, которой удалось взять след. Она привела следователей в огород, где была зарыта одежда (фуфайка, брюки). Предъявив одежду местному населению, удалось установить, что она принадлежит ученику ФЗО № 3 города Чкалова Д. Г. Аюпову, которого направили на учебу из села Нежинка. Собака, взяв след, прошла 75 км и привела на хутор Чулочный, где и был 20 декабря задержан Д. Г. Аюпов, 1926 года рождения. При его обыске обнаружили и изъяли вещи и деньги в сумме 797 рублей, украденные при ограблении квартиры Никитиной. Данное

преступление совершено при следующих обстоятельствах: Никитина попросила Аюпова наколоть дрова, а он решил ее убить и ограбить²⁰⁹. В Челябинске в 1942 г. группа подростков (Самигулина, Чернышев, Фридман и Горелкина) выслеживали в магазинах подростков с целью завладения их хлебными карточками, уводили их за город и там убивали. Они совершили 3 убийства²¹⁰.

В Уфе в январе 1943 г. на территории Ленинского района уголовный розыск ликвидировал преступную группу в составе 14 человек (Г. Л. Куклин, А. А. Кособоков, Г. А. Файзуллин, А. М. Белицкий, А. А. Шабанов и др.), в возрасте от 15 до 17 лет. Данная группа совершила 2 грабежа и 10 краж. Так, 19 февраля 1942 г., вооружившись палками и ножами, подростки совершили нападение на председателя и возчика Бейгуловского сельпо Уфимского района. В результате нападения похитили 10 л вина. В Сталинском районе Уфы 4-м отделением милиции 31 декабря 1942 г. была ликвидирована преступная группа, состоявшая из несовершеннолетних, которые являлись рабочими завода № 26. В общей сложности они совершили 30 краж²¹¹.

Широкое распространение получила продажа детьми разных товаров на рынках и других местах массового скопления населения. Органы внутренних дел активно боролись с данными нарушениями. Так, начиная со второй половины января 1944 г. управление милиции НКВД БАССР проводило специальные мероприятия по задержанию несовершеннолетних за торговлю папиросами, спичками, конфетами и другими товарами. Подавляющее большинство детей занималось спекуляцией под прямым подстрекательством взрослых, несмотря на то, что большая часть подростков имела родителей. Например, 19 января 1944 г. в Уфе около кинотеатра «Октябрь» задержали Султангареева Рифгата (1931 года рождения), который занимался перепродажей билетов²¹². 5 декабря 1942 г. возле кинотеатра «Молот» г. Чкалова задержали ученика 7 класса школы № 39 В. А. Алексеева, который продавал билеты стоимостью в 3 рубля по 10

рублей за билет. 5 января 1943 г. задержали ученицу школы ФЗО № 18 М. П. Гурянову за перепродажу билетов возле кинотеатра «Молот». У нее изъяли 40 билетов²¹³.

Нередки были случаи, когда преступления совершались организованными группами несовершеннолетних. Например, 22 декабря 1942 г. в Чкаловской области арестовали группу скотоконократов в количестве 7 человек, среди которых оказались учащиеся железнодорожного училища — Волковинский, Шевченко. Следствие установило, что группа похитила и забила на мясо 4 козы, 1 корову, 1 лошадь²¹⁴. 22 июля 1942 г. в г. Чкалове арестовали группу воров в количестве 9 человек. Группу возглавляла М. М. Самсонова, 1926 года рождения. Расследованием было установлено, что данная группа занималась кражами, похищенные вещи приносили к Самсоновой, а затем они реализовывались на базаре. На вырученные от продажи краденых вещей деньги закупались продукты и спиртные напитки, а по ночам в квартире Самсоновой устраивались «пьянки»²¹⁵. 20 августа 1942 г. в г. Чкалове арестовали за совершение кражи в госпитале № 1658 Матускова, 1929 года рождения, и Хлыстова, 1929 года рождения²¹⁶.

В Челябинской области в конце декабря 1942 г. органы милиции ликвидировали группу несовершеннолетних преступников в количестве 6 человек из ремесленного училища № 14. Организатор и руководитель группы В. И. Сидоров (1926 года рождения) ранее был судим за кражи и хулиганство. После отбытия срока наказания он приехал в г. Челябинск, где приобрел форму ученика ремесленного училища, пользуясь отсутствием контроля со стороны руководителей и воспитателей, жил на правах учеников училища. Им была организована преступная группа, которая занималась изнасилованием учащихся девочек. Кроме того, эта группа занималась раздеванием пьяных, грабежами, «рывками» и хулиганством. Всех участников преступной группировки удалось арестовать и привлечь к уголовной ответственности²¹⁷.

Имели место случаи, когда у несовершеннолетних изъямалось оружие. Так, 28 октября 1942 г. в Чкаловской области группа учеников старших классов — Бирюков, Евтеев, Елисаветский и другие во главе со студентом автомобильного техникума Г. В. Печеркиным, вооружившись финскими ножами, зашли в школу № 12, где избili и нанесли ножевые ранения ученикам Писареву, Хамзину и другим. Эту группу привлекли к уголовной ответственности. У Печеркина изъяли кинжал, сделанный из кавалерийского клинка. Также в 23 часа 30 минут в кинотеатре «Октябрь» задержали Алюкина В. Н., 1927 года рождения. У него были изъяты финский нож и пистолет системы «Коровин» без патронов²¹⁸. Чкаловский РО НКВД в январе 1945 г. арестовал 11 подростков (В. А. Щербаков, Л. В. Калашников, А. И. Дроздов, Н. К. Рочегов и др.), которые систематически занимались вооруженными грабежами и кражами хлеба с токов колхоза «Ленинский путь» Чкаловского района. 12 октября 1944 г. при нападении данной группы на ток колхоза с целью ограбления был убит сторож Вольных и ранен сторож Никитин²¹⁹.

Таким образом, с целью борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и детской преступностью органы внутренних дел Южного Урала принимали эффективные методы борьбы:

- отделом народного образования учащимся были выданы ученические билеты, что давало возможность быстро и точно устанавливать, из какой школы задержанный ученик;
- сотрудники органов НКВД развернули работу по организации культурного отдыха, оздоровления детей на летний период;
- усиливался контроль за продажей билетов городскими кассами кинотеатров;
- посещение школьниками кинотеатров проводилось организовано через школы под руководством пионервожатых и учителей, на вечерние сеансы дети до 16 лет не допускались;

- организовывались комсомольские посты в кинотеатрах;
- при кинотеатрах действовала детская самодеятельность для обслуживания детей до сеанса;
- были установлены спецнаряды милиции в кинотеатрах;
- выставлялись подвижные посты по наблюдению за движением транспорта и по борьбе с «висунами» (детьми, которые цепляются на ходу за транспорт);
- учащиеся старших классов организовывали бригады содействия по борьбе с нарушителями уличного движения;
- устанавливалось дежурство комсомольцев возле школ;
- практиковалось проведение товарищеских судов над злостными нарушителями правил уличного движения и порядка в общественных местах;
- директорам торговых и зрелищных организаций запрещалось допускать учащихся школ, РУ и ФЗО в пивные, рестораны, бильярдные, танцевальные павильоны, а также в буфеты и кафе, в которых производилась торговля спиртными напитками.

Органы НКВД Южного Урала совместно с органами народного образования, комсомольскими организациями проводили достаточно эффективную работу по спасению подрастающего поколения в военные годы. В ходе борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в регионе проводились различные мероприятия, создавались необходимые условия, при которых дети были заняты в течение всего дня, когда родители находились на производстве. С 1943 г. на Южном Урале вновь открываются и начинают активно работать внешкольные учреждения. В городах регулярно осуществлялись массовые операции по изъятию детей путем обходов рынков, скверов, садов, парков, привокзальных площадей, станций, пристаней и т.д. Проводилась специальная работа в домоуправлениях при помощи актива жильцов. Широкое распространение на Южном

Урале получило тимуровское движение. Эти мероприятия дали положительные результаты.

В целом по стране к концу войны были достигнуты определенные успехи в борьбе с преступностью несовершеннолетних. Только в 1945 г. преступность несовершеннолетних по сравнению с 1941 г. сократилась на 46,8%. Уменьшилось и число детей и подростков, привлеченных к уголовной ответственности²²⁰. Наибольшее количество беспризорных и безнадзорных детей на Южном Урале задержали в Челябинской области, всего 103 157 человек, или 69,2% от данных по Южному Уралу²²¹. Во многом это объясняется тем, что города Челябинской области (Челябинск, Магнитогорск, Златоуст и т.д.) являлись крупными промышленными центрами южноуральского региона, в которых произошел резкий рост населения за счет эвакуированных и трудмобилизованных, призыва подростков в учебные заведения трудовых резервов (РУ, ЖУ, школы ФЗО). Кроме того, областной центр Челябинск был крупным промышленным и транспортным узлом. Всего органам правопорядка Южного Урала (по неполным данным), по подсчетам автора, удалось задержать за годы Великой Отечественной войны 149 003 беспризорных и безнадзорных ребенка и помочь им найти свое место в жизни (приложение 1, табл. 4; приложение 2, рис. 3)²²², что составляет 6,3% от данных по Советскому Союзу. В целом в СССР было задержано 2 355 635 беспризорных и безнадзорных детей²²³. За годы войны сотрудники правоохранительных органов задержали и привлекли к уголовной ответственности за различные виды преступлений 12 657 несовершеннолетних (приложение 1, табл. 5; приложение 2, рис. 4)²²⁴, что составляет 6,7% от общесоюзных данных. На территории СССР (по неполным данным) задержали за уголовные преступления 189 901 человека²²⁵.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. В период Великой Отечественной войны произошло распространение экономической преступности (спекуляция, хищения социалистической собственности).

Это было связано с нехваткой основных товаров потребления. Как известно, дефицит порождает спекуляцию. Данному явлению способствовало введение карточной системы на промышленные и продовольственные товары. Однако необходимо отметить, что хотя ущерб от экономических преступлений был значительным для государства, все же основная часть похищенного шла не на продажу, а на личное потребление. Основное внимание сотрудники уголовного розыска и ОБХСС сосредоточили на борьбе с хищениям хлеба, карточек.

Экономические трудности, эвакуация, гибель родителей, их занятость на заводах и фабриках породили детскую беспризорность и безнадзорность. Государством был принят целый ряд мер для ликвидации данного явления. Так, на основе январского постановления 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» создавались ДПР, которые принимали меры для поиска родителей, родственников, устраивали детей на производство и т.д. На протяжении всей войны открывались новые детские комнаты милиции, в июне 1943 г. создавались Отделы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, которые координировали деятельность всех органов по ликвидации данного явления. Рост беспризорности сопровождался детской преступностью. Основным видом преступлений, которые совершали подростки, были кражи продуктов питания и одежды для собственного потребления. Сотрудники органов внутренних дел совместно с комсомольскими, общественными организациями, используя разнообразные формы и методы, эффективно пресекали детскую беспризорность, безнадзорность и преступность несовершеннолетних, но полностью ликвидировать их так и не удалось.

Примечания

1. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 91. Л. 17.
2. Министерство внутренних дел. 1902—2002 гг. Исторический очерк. М., 2004. С. 363.

3. Министерство внутренних дел. 1902—2002 гг. Исторический очерк. М., 2004. С. 363.

4. Лочинская Л. Я. Девиантное поведение населения Южного Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал в стратегии второй мировой войны : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 2000. С. 256.

5. ГАОО. Ф. Р-1308. Оп. 1. Д. 62. Л. 175 об.

6. Уголовный кодекс. М., 1943. С. 125.

7. ГАОО. Ф. Р-1308. Оп. 1. Д. 52. Л. 15.

8. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 150. Л. 202.

9. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 12а. Л. 59.

10. Там же.

11. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 120. Л. 102.

12. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 143. Л. 113.

13. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 150. Л. 70—71 об.

14. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 143. Л. 114а — 115.

15. Хисамутдинова Р. Р. Правоохранительные органы Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны // История управления внутренних дел Оренбургской области. Оренбург, 2002. С. 119—120.

16. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 143. Л. 113.

17. Хисамутдинова Р. Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны (малоизвестные страницы). Оренбург, 2002. С. 102.

18. Салмина С. Ю. Прокуратура Челябинской области... С. 215—217.

19. ГАОО. Ф. Р-1308. Оп. 1. Д. 74. Л. 5—5 об.

20. Челябинский рабочий. 1942. 3 апр.

21. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 12а. Л. 56.

22. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 163. Л. 14.

23. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 592. Л. 38—39.

24. Хисамутдинова Р. Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны (малоизвестные страницы). Оренбург, 2002. С. 106.

25. Салмина С. Ю. Указ. раб. С. 216.

26. Орский рабочий. 1943. 7 окт.

27. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 227. Л. 39—41.

28. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 43. Л. 11—12.

29. Вольхин А. И. Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2001; Хисамутдинова Р. Р. Аграрная политика советского государства и ее осуществление на Урале (1940 — март 1953 г.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2004.

30. Хисамутдинова Р. Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург, 2002. С. 101.

31. Вольхин А. И. Борьба органов НКВД — НКГБ Урало-Сибирского региона с саботажем и хищениями продукции в сельском хозяйстве в годы Великой Отечественной войны // Военный комментатор. Екатеринбург, 2000. № 1. С. 94.
32. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 43. Л. 254—255. Хищение, совершенное из государственных и общественных складов и хранилищ лицом, имевшим особый доступ в таковые или охранявшим их, путем применения технических средств или неоднократно, или по сговору с другими лицами, а равно всякая кража из тех же складов и хранилищ, при особо крупных размерах похищенного, — лишением свободы на срок до 5 лет (Уголовный кодекс. М., 1943. С. 78).
33. ГАОО. Ф. Р-1308. Оп. 1. Д. 77. Л. 93 об., 96.
34. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 43. Л. 253—254.
35. Салмина С. Ю. Указ. раб. С. 212—213.
36. Уголовный кодекс. М., 1943. С. 189—190.
37. ГАОО. Ф. Р-1308. Оп. 1. Д. 77. Л. 91—91 об.
38. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 227. Л. 17.
39. Там же. Л. 43—45.
40. Милиция Челябинской области. 1802—2002. Страницы истории. Челябинск, 2002. С. 178.
41. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 227. Л. 30.
42. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 45. Л. 301.
43. Там же. Л. 303.
44. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 45. Л. 305—307.
45. Чкаловская коммуна. 1944. 3 нояб.
46. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 92. Л. 1.
47. Министерство внутренних дел. 1902—2002. Исторический очерк. М., 2004. С. 353.
48. Уголовное право. Особенная часть / под общ. ред. И. Т. Голякова. М., 1943. С. 87—88.
49. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 91. Л. 46—47.
50. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 145. Л. 22.
51. ГАОО. Ф. Р-1308. Оп. 1. Д. 70. Л. 39.
52. Страницы истории Оренбургской милиции. Оренбург, 1977. С. 60.
53. Хисамудинова Р. Р. Правоохранительные органы Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны // История управления внутренними дел Оренбургской области. Оренбург, 2002. С. 120.
54. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 43. Л. 577—578.
55. ГАРФ. Ф. Р-9472. Оп. 3. Д. 40. Л. 15—50.
56. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 91. Л. 24.
57. Там же. Л. 46—47.
58. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 93. Л. 21.
59. ГАОО. Ф. Р-1308. Оп. 1. Д. 62. Л. 175 об.; ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 91. Л. 46—47; ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 43. Л. 577—578.

60. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 149. Л. 86.
61. Мукайлов И. И. Уголовная ответственность за спекуляцию в процессе становления советского законодательства // Становление и развитие советского уголовного законодательства : материалы межвуз. пауч. копф., посвящ. 50-летию первого советского Уголовного кодекса. Волгоград, 1973. С. 97—98; Уголовный кодекс. М., 1943. С. 59; Уголовное право. Особенная часть / под общ. ред. И. Т. Голякова. М., 1943. С. 349—352.
62. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 22. Д. 20. Л. 19.
63. ГАОО. Ф. Р-1308. Оп. 1. Д. 62. Л. 175 об.
64. ГАОО. Ф. Р-1308. Оп. 1. Д. 61. Л. 45—45 об.
65. ГАОО. Ф. Р-1308. Оп. 1. Д. 62. Л. 54—55 об.
66. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 22. Д. 20. Л. 17.
67. Там же. Л. 25—26.
68. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 91. Л. 99—100.
69. Зпамя коммуны. 1942. 11 янв.
70. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 3. Д. 156. Л. 443 об.
71. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 227. Л. 43—45.
72. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 91. Л. 29—30.
73. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 92. Л. 8.
74. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 3. Д. 156. Л. 494 об.
75. Милиция Челябинской области. 1802—2002... С. 178.
76. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 163. Л. 13.
77. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 92. Л. 9.
78. Гусак В. А. Великая Отечественная: военный лик преступности // Выдающиеся представители научной, общественной жизни Урала : материалы третьей регион. пауч. копф. Челябинск, 2005. С. 129.
79. Хисамутдинова Р. Р. Правоохранительные органы Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны // История управления внутренних дел Оренбургской области. Оренбург, 2002. С. 118.
80. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 91. Л. 99—100; Д. 92. Л. 9; Д. 93. Л. 21.
81. ГАОО. Ф. Р-1308. Оп. 1. Д. 62. Л. 54—55 об.; ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 22. Д. 20. Л. 17; ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 91. Л. 99—100.
82. МВД России. Энциклопедия. М., 2002. С. 46.
83. Нечаева А. М. Детская беспризорность — опасное социальное явление // Государство и право. 2001. № 6. С. 58.
84. Социальная политика : энциклопед. словарь / под общ. ред. Н. А. Волгина. М., 2005. С. 125.
85. МВД России. Энциклопедия. М., 2002. С. 46.
86. Синицын А. М. Забота о беспадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопр. истории. 1969. № 6. С. 20.

87. Герман Р. Б. Деятельность российской милиции в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941—1960 гг.). Ростов-на-Дону, 2000. С. 66.
88. ГАОО. Ф. Р-1893. Оп. 3. Д. 290. Л. 1.
89. Эти детские военные годы 1941—1945 : сб. документов и материалов. Челябинск, 2000. С. 124, 127, 129; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 38, 39.
90. Синицын А. М. Указ. раб. С. 21; Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сб. документов. 1917—1973 гг. М., 1975. С. 353—354.
91. Министерство внутренних дел России 1802—2002... С. 336.
92. Герман Р. Б. Указ. раб. С. 68.
93. Коллекция документов музея УВД Оренбургской области, Чкаловская коммуна. 1944. 29 апр.
94. Герман Р. Б. Указ. раб. С. 68.
95. Коллекция документов музея УВД Оренбургской области.
96. Синицын А. М. Указ. раб. С. 28.
97. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 7. Л. 71.
98. Эти детские военные годы 1941—1945 : сб. документов и материалов. Челябинск, 2000. С. 124, 127, 129; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 38, 39.
99. Синицын А. М. Указ. раб. С. 28.
100. ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 698. Л. 52.
101. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 997. Л. 46—47.
102. Черник С. А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1984. С. 94—95, 116, 203, 217.
103. Эти детские военные годы. 1941—1945... С. 13—14; ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 768. Л. 493.
104. Эти детские военные годы. 1941—1945... С. 17.
105. Там же. С. 32—36.
106. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 249. Л. 20.
107. ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 704. Л. 3.
108. Палецких Н. П. Указ. раб. С. 214—215.
109. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 151. Л. 2—11.
110. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 3. Д. 156-3. Л. 644 об.
111. Эти детские военные годы... С. 46—47; Тогда была война... 1941—1945 гг. : сб. документов и материалов / под ред. А. П. Финадеева. Челябинск, 2005. С. 143—145.
112. ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 5. Д. 221. Л. 19.
113. ЦГИАРБ. Ф. Р-91. Оп. 2. Д. 997. Л. 2—5.
114. ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 698. Л. 45.
115. Синицын А. М. Указ. раб. С. 22.
116. Палецких Н. П. Указ. раб. С. 215.
117. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 12а. Л. 170—173.

118. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 31. Л. 233.
119. Министерство внутренних дел России. СПб., 2002. С. 337.
120. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 154. Л. 8.
121. Министерство внутренних дел России 1802—2002... С. 337.
122. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 3. Д. 156-3. Л. 644; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 75. Л. 224.
123. История культуры Южного Зауралья. Т. 2 (Советский период). Курган, 2004. С. 160—161; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 75. Л. 219 об.
124. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 31. Л. 236—237.
125. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 44а. Л. 296, 521 об.; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 75. Л. 215.
126. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 997. Л. 58; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 75. Л. 233 об.
127. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 46.
128. Там же. Л. 30.
129. ЦДНИОО. Ф. 1560. Оп. 2. Д. 227. Л. 41—41 об.
130. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 35. Л. 66 об.
131. Герман Р. Б. Указ. раб. С. 68; ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 22. Д. 7. Л. 34.
132. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 3. Д. 156-3. Л. 644.
133. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 105, 122.
134. Там же. Л. 116, 121.
135. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 28. Л. 18.
136. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 44а. Л. 518; ЦГИАРБ. Ф. Р-798. Оп. 8. Д. 1246. Л. 131.
137. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 28. Л. 18.
138. Там же. Л. 19.
139. Министерство внутренних дел России. М., 2004. С. 390; ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 44а. Л. 519.
140. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 31. Л. 237.
141. История культуры Южного Зауралья. С. 166.
142. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 31. Л. 243—244.
143. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 66. Л. 31.
144. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 44.
145. Там же. Л. 57, 59.
146. ГАОО. Ф. Р-1308. Оп. 1. Д. 84. Л. 51, 98.
147. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 44а. Л. 471 об.
148. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 227. Л. 59.
149. История культуры Южного Зауралья. С. 161.
150. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 111.
151. Там же. Л. 26.
152. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.
153. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 31. Л. 241.
154. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 111.

155. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.
156. Синицын А. М. Указ. раб. С. 24—25.
157. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 151. Л. 9.
158. Палецких Н. П. Социальная политика на Урале в годы Великой Отечественной войны // Южноуральцы па фронте и в тылу. Челябинск, 1993. С. 129.
159. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 151. Л. 9.
160. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 31. Л. 234—235.
161. Гермап Р. Б. Указ. раб. С. 70.
162. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 45. Л. 156—156 об.
163. ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 5. Д. 221. Л. 5, 21.
164. Палецких Н. П. Указ. раб. С. 215.
165. Превышение власти или служебных полномочий, т.е. совершение действий, явно выходящих за пределы прав полномочий, преследуется лишением свободы на срок не ниже 6 месяцев. Если же превышение власти или полномочий сопровождалось, сверх того, насилием, применением оружия или мучительными и оскорбляющими личное достоинство потерпевшего действиями, — лишением свободы на срок не ниже двух лет. См.: Уголовный кодекс. М., 1943. С. 61.
166. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 43. Л. 520, 521.
167. ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 5. Д. 221. Л. 21.
168. Хисамутдинов Р. Р. Создание системы трудовых резервов и ее развитие в годы Великой Отечественной войны на Южном Урале (1940—1945 гг.). Оренбург, 2004. С. 14.
169. Хисамутдинов Р. Р. Указ. соч. С. 65.
170. Там же. С. 58.
171. Там же; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 147. Л. 12—13.
172. Перчиков В. А. Проблемы детской беспризорности и безнадзорности в 1941—1945 гг. // Проблемы истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. : материалы межвуз. науч. конф. Самара, 1999. С. 42.
173. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 3. Д. 156-3. Л. 644.
174. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 3. Д. 168. Л. 72—72 об.
175. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 35.
176. Там же. Л. 36.
177. Тогда была война... 1941—1945 гг. : сб. документов и материалов. С. 145.
178. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 43.
179. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 7. Л. 72 об.
180. Эти детские военные годы... С. 60—62.
181. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 44а. Л. 295.
182. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 28. Л. 8—9.
183. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 31. Л. 241.
184. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 108—109.
185. ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 698. Л. 45.

186. Салмина С. Ю. Указ. раб. С. 227—228.
187. ГАОО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 28. Л. 37—37 об.
188. Уголовно-процессуальный кодекс. М., 1943. С. 218.
189. Уголовный кодекс. М., 1943. С. 11.
190. Там же. С. 6.
191. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 12а. Л. 41.
192. Там же. Л. 43.
193. Там же.
194. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 3. Д. 12а. Л. 90; Герман Р. Б. Указ. раб. С. 68—69.
195. Синицын А. М. Указ. раб. С. 25.
196. ЦДНИОО. Ф. 267. Оп. 14. Д. 31. Л. 1.
197. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 227. Л. 60—61.
198. Там же.
199. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 151. Л. 7.
200. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 110.
201. ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 953. Л. 10.
202. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 44а. Л. 471—471 об.
203. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 28. Л. 10.
204. Там же.
205. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 168. Л. 78.
206. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 31. Л. 233.
207. Там же.
208. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 31.
209. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 150. Л. 194—194 об.
210. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 227. Л. 60; ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 12а. Л. 75—76.
211. ЦГАООРБ. Ф. 342. Оп. 3. Д. 9. Л. 17—18.
212. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 44а. Л. 527.
213. ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 698. Л. 32.
214. ЦДНИОО. Ф. 267. Оп. 14. Д. 31. Л. 3.
215. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 150. Л. 45—45 об.
216. ЦДНИОО. Ф. 748. Оп. 14. Д. 31. Л. 3.
217. ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 5. Д. 221. Л. 22.
218. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 3. Д. 168. Л. 26.
219. ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 953. Л. 13.
220. Герман Р. Б. Указ. раб. С. 73.
221. Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 5. Д. 221. Л. 19; Ф. П-288. Оп. 7. Д. 227. Л. 59; ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 26.
222. Подсчитано по: История культуры Южного Зауралья С. 161; ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 31. Л. 241; ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 5. Д. 221. Л. 19; Ф. П-288. Оп. 7. Д. 227. Л. 59; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 26; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 151. Л. 2; ГАОО. Ф. Р-1308. Оп. 1.

Д. 84. Л. 51, 98; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 111; ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 44а. Л. 471 об.; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.

223. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 12а. Л. 90; Герман Р. Б. Указ. раб. С. 68—69.

224. Подсчитано по: ГАОПДКО. Ф. 162. Оп. 2. Д. 168. Л. 78; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 31. Л. 233; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 227. Л. 60; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 31; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 151. Л. 7; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 110; ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 953. Л. 10; ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 44а. Л. 471—471 об.; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 28. Л. 10.

225. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 12а. Л. 43.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В годы Великой Отечественной войны органы внутренних дел внесли весомый вклад в победу над фашистской Германией. Деятельность всей системы государственного аппарата, войск и органов НКВД была подчинена единой цели — обеспечить необходимый режим для действующей армии и тыла. Правовой базой для действия внутренних войск являлись указы и постановления Президиума Верховного Совета, Совнаркома СССР, приказы и распоряжения НКВД и командования войск.

Великая Отечественная война — это беспримерный подвиг миллионов советских людей на фронте и в тылу. Конечно, можно по-разному относиться к функциям и деятельности НКВД, однако роль его в защите Отечества, в борьбе с дестабилизацией общественной жизни в эти трудные годы бесспорна. Начало войны вызвало всплеск патриотических настроений у советских людей. Уже летом — осенью 1941 г. в армию по призыву и добровольцами ушли сотни тысяч граждан СССР. Немалую их часть составили сотрудники органов НКВД. Так, например, из рядов чкаловской милиции на фронт добровольцами ушло 1500 сотрудников.

Боевые действия резко усложнили борьбу с преступностью, так как по стране перемещалась огромная масса эвакуированных, у значительной части которых отсутствовали документы. В их среде могли раствориться разыскиваемые преступники и ранее судимые граждане; значительно выросло количество оружия, находящегося на руках у населения; эвакуация граждан и предприятий проходила в большой спешке.

В новых условиях ужесточились меры карательной политики государства. Увеличились сроки уголовной ответственности за разглашение государственной тайны, хищения социалистической собственности и спекуляцию. Была введена уголовная ответственность за распространение ложных слухов.

Война, связанные с ней ухудшение социально-экономического положения граждан СССР, падение уважения к человеческой жизни, законам, в целом ослабление органов правопорядка сделали неизбежным всплеск преступности. Так, общий рост преступности в 1942 г. составил по сравнению с 1941 г. 22%. В 1943 г. после стабилизации внутренней обстановки в стране уровень преступности упал на 20,9%. В 1944 г. после освобождения значительных территорий, ранее занятых гитлеровцами, где систему правоохранительных органов пришлось создавать заново, произошел новый рост числа преступлений на 8,6% по сравнению с прошлым годом. В 1945 г. наметилось снижение преступности, в первом полугодии число преступлений снизилось на 9,9%.

Положительную роль сыграло реформирование органов НКВД. Так, реорганизация 1941 г. проходила в условиях гитлеровского наступления, что требовало объединения в одних руках всех сил по борьбе с преступностью. В 1943 г. ситуация изменилась в связи с успехами Красной Армии на фронте и стал возможен переход к условиям мирного времени, отход силовых структур от чрезвычайных форм деятельности.

Негативным фактором, который дестабилизировал обстановку, являлось наличие проблемы дезертирства. Опасность была велика, так как дезертиры и лица, уклоняющиеся от мобилизации, подрывали боевой дух, нередко поддерживали и распространяли пораженческие слухи, часто занимались грабежами, кражами, спекуляцией, хищением личной и колхозной собственности. За годы Великой Отечественной войны сотрудники органов НКВД Южного Урала задержали 26 418 человек, что составляет 1,6% от общесоюзных данных, из них дезертиров — 9537 (0,8%), уклоняющихся от мобилизации — 16 881 (3,7%). Организация мер по ликвидации данного явления полностью была возложена на сотрудников органов НКВД, которые взяли под агентурный контроль вокзалы, железнодорожные станции, столовые,

организовывали заслоны, проводили постоянные проверки документов у лиц призывного возраста и т.д. Абсолютное большинство дезертиров и лиц, уклоняющихся от мобилизации, пришлось на 1943 г. Необходимо отметить, что массового дезертирства в годы Великой Отечественной войны не наблюдалось, хотя до конца побороть это явление не удалось. В Чкаловской области за военный период было задержано 9623 дезертира и уклоняющихся от мобилизации, что составляло 2,3% от общего количества призывников (всего на фронт мобилизовали 410 тыс. человек).

Война, чрезвычайные условия существования привели к резкому всплеску бандформирований. Борьба с бандитизмом являлась прерогативой органов НКВД. Всего на территории Южного Урала за военный период удалось задержать 231 бандитскую группу с 1305 участниками, что составляет соответственно 14%, 1,5% от общесоюзных данных. Бандитские группировки совершали вооруженные налеты на склады, магазины, убийства, кражи, грабежи. В состав бандитских групп входили уголовники, преступники, бежавшие из мест заключения, дезертиры, лица, уклоняющиеся от мобилизации. Борьбой с этим опасным видом преступлений занимался уголовный розыск и отделы по борьбе с бандитизмом УНКВД. Банды действовали как в крупных городах, так и в сельской местности. В октябре 1941 г. для усиления мер по ликвидации данного преступления был образован Отдел по борьбе с бандитизмом при ГУМ и местных милицейских управлениях, что сыграло позитивную роль при решении этой проблемы. Однако не всегда дела, возбужденные по статье 59-3 УК РСФСР, означали разоблачение крупных преступных групп, как бандитизм квалифицировали «особые дела», например о людоедстве и трупоедстве.

К разряду опасных преступлений в военные годы относились распространение ложных слухов, пораженческая агитация, диверсии, которые квалифицировались как контрреволюционные (ст. 58 УК РСФСР). Властные структуры

были обеспокоены возможностью антисоветских выступлений, поэтому принимались меры для ужесточения наказания за данные виды преступлений. Наибольшее распространение этот вид преступления получил в 1941—1942 гг., когда среди населения были распространены пораженческие настроения, обусловленные отсутствием достоверной информации. В то же время мы не можем говорить о достаточно объективном расследовании дел, касающихся высказываний о компетентности руководителей страны. Такого рода слухи расценивались в качестве провокационных. Одним из самых распространенных видов контрреволюционных преступлений на Южном Урале в военный период являлась пропаганда и агитация. Кроме того, имело место распространение анонимных писем, листовок.

Важным направлением в деятельности органов НКВД стало выявление диверсантов и шпионов. Особая ответственность в борьбе с данным явлением возлагалась на сотрудников транспортной милиции, так как диверсионные акты на железной дороге могли принести значительный урон фронту. Главной целью сотрудников органов внутренних дел стало недопущение создания «пятой колонны» на территории страны. С этой задачей они успешно справились, хотя в данной работе наблюдались перегибы.

В годы войны в стране обострилась ситуация с обеспечением населения продуктами и промышленными товарами, в связи с этим наблюдается распространение таких видов преступлений, как спекуляция и хищение социалистической собственности. Преступления, которые совершались в карточной системе, наносили достаточно серьезный материальный ущерб государству, поэтому была усилена работа по борьбе с куплей, продажей, перепродажей и подделкой промышленных и продуктовых карточек. На объектах сельского хозяйства основное внимание ОБХСС сосредоточил на сохранности хлеба. В годы войны в стране продолжал действовать закон от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов

и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Сотрудники органов правопорядка проводили внезапные проверки на предприятиях, складах, выявляя излишки и недостачу.

В годы Великой Отечественной войны на органы внутренних дел была возложена задача — борьба с беспризорностью, безнадзорностью и детской преступностью. В городе Бугуруслане разместили Всесоюзный пункт по розыску граждан, который действовал до 1948 г. Органам НКВД Южного Урала удалось задержать 149 003 беспризорных и безнадзорных ребенка. Беспризорность и безнадзорность носили объективный характер, так как были продиктованы условиями военного времени: военная и трудовая мобилизация, занятость родителей и родственников на работе, сокращение занятий в школах до 2,5—3 часов в день, лишение детей попечения из-за арестов, смерти взрослых от истощения и непосильных нагрузок. Однако в военные годы сложилась эффективная система по ликвидации данного явления: проводились систематические рейды по изъятию детей с улиц (декадники, воскресники и т.д.); в январе 1942 г. организовали детские приемники-распределители, так как проблема приобрела массовый характер. В июне 1943 г. созданы отделы по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью (ОБД ББ НКВД), которые координировали деятельность всех служб НКВД по ликвидации данного явления, а также детские трудовые воспитательные колонии. В военные годы широкое распространение получила система опеки и патроната. С 1943 г. возобновляется деятельность внешкольных учреждений, которые привлекали подростков к общественной деятельности в свободное от учебы время.

В целом в 1943 г. криминогенная обстановка в южноуральском регионе улучшилась. Это объясняется крупными победами Красной Армии не только на территории Советского Союза, но и в Европе, улучшением снабжения населения продуктами и промышленными товарами.

Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием для всего советского народа. Органы НКВД показали умение работать и добиваться эффективных результатов в условиях чрезвычайной ситуации. Сотрудники органов НКВД с честью выполнили свой гражданский и служебный долг и внесли значительный вклад в победу над врагом.

Опыт работы органов НКВД Южного Урала в военные годы — важнейшее свидетельство народного патриотизма, который явился одним из решающих факторов победы нашей страны в Великой Отечественной войне.

Проведенное исследование позволяет сформулировать некоторые практические рекомендации. В интересах развития исторической науки необходимо ускорить работу по рассекречиванию документов, в том числе посвященных деятельности органов НКВД в годы Великой Отечественной войны, что даст возможность наиболее комплексно рассмотреть работу ведомства и извлечь определенные уроки; важно открыть доступ исследователей в спецархивы, например ЦА ФСБ РФ, региональные архивы ФСБ.

В последние годы вновь приобрела остроту проблема ликвидации безнадзорности, беспризорности, профилактики преступности среди несовершеннолетних. Исторический опыт ее решения в годы войны свидетельствует о необходимости расширения деятельности молодежных организаций. Взамен пионерским и комсомольским организациям, которые на высоком уровне выполняли поставленные задачи, в современной России создан Российский Союз Молодежи. Однако большая часть подростков не знает, какую работу проводит данная организация, а порой просто не слышала о ее существовании. В борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью целесообразно осуществлять совместную работу правоохранительных органов, органов здравоохранения, образования, служб социального обеспечения и общественных организаций. На общегосударственном уровне необходимо поднять престиж семьи, улучшить материально-бытовое положение населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные фонды

- **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)**
Фонд Р-8131. Прокуратура СССР.
Фонд Р-9412. Отдел детских трудовых и воспитательных колоний МВД СССР.
Фонд Р-9415. Главное управление милиции (ГУМ) МВД СССР.
Фонд Р-9478. Главное управление по борьбе с бандитизмом МВД СССР.
- **Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)**
Фонд 17. Центральный комитет КПСС.
- **Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИАРБ)**
Фонд Р-91. Уфимский городской совет.
- **Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАООРБ)**
Фонд 122. Башкирский обком КПСС.
Фонд 342. Уфимский городской комитет КПСС
- **Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО)**
Фонд П-92. Челябинский ГК КПСС
Фонд П-288. Челябинский обком КПСС.
Фонд П-485. Челябинский обком ВЛКСМ.
Фонд Р-1317. Военная прокуратура войск МВД Челябинской области.
- **Государственный архив Оренбургской области (ГАОО)**
Фонд Р-846. Оренбургский облплан.
Фонд Р-1014. Исполнительный комитет Чкаловского областного Совета депутатов трудящихся (облисполком).

Фонд Р-1308. Оренбургская областная прокуратура.
Фонд Р-1893. Отдел народного образования Оренбургского облисполкома.
Фонд Р-1998. Ново-Сергиевская районная прокуратура.
Фонд Р-2843. Оренбургский областной военкомат.

• **Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДН ИОО)**

Фонд 267. Чкаловский горком партии.
Фонд 371. Чкаловский обком партии.
Фонд 748. Орский горком КПСС.
Фонд 1560. Бузулукский горком ВКП(б).
Фонд 1697. Чкаловский обком ВЛКСМ.

• **Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО)**

Фонд 166. Курганский обком КПСС.

Литература

1. Авдеев, Ю. И. Роль немецко-фашистской разведки в подготовке нападения на СССР / Ю. И. Авдеев // Борьба советских органов государственной безопасности с подрывной деятельностью спецслужб фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны. М. : Высш. шк. КГБ, 1976. С. 42—66.

2. Александров, А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / под ред. В. З. Лукашевича. СПб. : Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2003. 562 с.

3. Альбац, Е. Мина замедленного действия: Политический портрет КГБ / Е. Альбац, М. : Русслит, 1992. 314 с.

4. Анисков, В. Т. Крестьянство против фашизма. 1941—1945. История и психология подвига / В. Т. Анисков. М. : Памятники исторической мысли, 2003. 502 с.

5. Анисков, В. Т. Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны / В. Т. Анисков [и др.]. М. : Наука, 1988. 420 с.

6. Арон, Р. Демократия и тоталитаризм : пер. с фр. / Р. Арон. М. : Текст, 1993. 303 с.

7. Ахмадеев, Ф. Х. Становление и развитие органов внутренних дел и исправительно-трудовых учреждений : учеб. пособие /

Ф. Х. Ахмадеев, Н. А. Катаев, А. Г. Хабибуллин. Уфа : Уфим. высш. шк. МВД РФ, 1993. 214 с.

8. Аюпов, Р. С. Башкирия в годы Великой Отечественной войны : дис. ... д-ра ист. наук / Р. С. Аюпов. Уфа, 1995. 474 с.

9. Базаров, А. А. Кулак и агрокулак. Ч. 1 / А. А. Базаров. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1991. 285 с.

10. Базунов, В. В. Тюрьмы НКВД — МВД СССР в карательной системе советского государства / В. В. Базунов, М. Г. Детков ; кол. авторов ; М-во юстиции РФ и НИИ уголов.-исполн. сист. М. : Б. и., 2000. 111 с.

11. Бакатин, В. Избавление от КГБ / В. Бакатин. М. : Новости, 1992. 267 с.

12. Бакин, В. С. Детдомовские сороковые. Документальная повесть / В. С. Бакин. М. : Молодая гвардия, 1991. 203 с.

13. Бакунин, А. В. Советский тоталитаризм: генезис, эволюция и крушение / А. В. Бакунин. Екатеринбург : УрО РАН, Ин-т истории и археологии, 1993. 110 с.

14. Банников, Ф. Г. Истребительные батальоны НКВД СССР в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.) : учеб. пособие / Ф. Г. Банников. М. : Высш. шк. МВД СССР, 1968. 72 с.

15. Барсенков, А. С. Основные этапы изучения советского общества в исторической науке / А. С. Барсенков // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 8, История. 1990. № 2. С. 3—23.

16. Беда, А. М. Советская политическая культура через призму МВД: от «московского патриотизма» к идее «Большого Отечества» (1946—1958) / А. М. Беда. М. : Изд-во объединения «Мосгорархив», 2002. 272 с.

17. Безверхний, А. З. В едином боевом лагере. Очерк о работе Оренбургской областной партийной организации в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 / А. З. Безверхний. Челябинск : Юж.-Урал кн. изд-во, 1965. 86 с.

18. Белозеров, Б. П. Войска и органы НКВД в обороне Ленинграда (июнь 1941 — январь 1944 гг.): Историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук / Б. П. Белозеров. СПб., 1996. 182 с.

19. Берия, С. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти / С. Берия ; пер. с фр. Н. М. Стамбуляя. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 479 с.

20. Беркутов, А. С. Борьба с уголовной преступностью в Молотовской области в послевоенные годы (1945—1953 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / А. С. Беркутов. Пермь, 2004. 225 с.

21. Биленко, С. В. Из истории советской милиции в годы Великой Отечественной войны : материалы к лекциям / С. В. Биленко. М. : Высш. шк. МООП СССР, 1967. 80 с.
22. Биленко, С. В. Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне / С. В. Биленко. М. : Воениздат, 1969. 119 с.
23. Биленко, С. В. На бессменном посту. (Из истории советской милиции) / С. В. Биленко. М. : Знание, 1969. 48 с.
24. Биленко, С. В. Органы и войска НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны : учебное пособие / С. В. Биленко. М. : Высш. шк. МВД СССР, 1980. 85 с.
25. Биленко, С. В. Советская милиция на защите социалистического Отечества (1941—1945 гг.) / С. В. Биленко. М. : Высш. шк. МВД СССР, 1986. 62 с.
26. Биленко, С. В. Этапы развития советской милиции / С. В. Биленко, Н. П. Максименко ; МВД СССР, Учеб.-метод. кабинет. М. : Б. и., 1972. 55 с.
27. Бобков, Ф. КГБ и власть / Ф. Бобков. М. : Эксмо, 2003. 416 с.
28. Бодерко, Л. Н. Милиция Западной Сибири в 1930—1956 гг. (На материалах Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областей) : дис. ... канд. ист. наук / Л. Н. Бодерко. Тюмень, 1999. 247 с.
29. Бойцы войск НКВД на фронтах Отечественной войны. В помощь групповодам политзанятий и агитаторам. М. : Полит. упр. войск НКВД, 1942. 32 с.
30. Болодурин, В. С. История образования в Оренбуржье : учебное пособие / В. С. Болодурин. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2000. 65 с.
31. Болодурин, В. С. Образование и педагогическая мысль в Оренбуржье. Страницы истории. 1735—1940 / В. С. Болодурин. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 2001. 320 с.
32. Болодурин, В. С. Школа и начальное профессиональное образование в Оренбуржье в годы Великой Отечественной войны : учебное пособие / В. С. Болодурин. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2003. 155 с.
33. Бордюгов, Г. А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества / Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов. М. : Политиздат, 1992. 352 с.

34. Боффа, Дж. История Советского Союза : в 2 т. / Джузеппе Боффа. М. : Междунар. отношения, 1990. Т. 1 : От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917—1941. 629 с. ; Т. 2 : От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941—1964. 632 с.

35. Бугай, Н. Ф. Депортация народов Крыма / предисл., сост., закл., коммент. Н. Бугай. М. : ИНСАН, 2002. 240 с.

36. Бугай, Н. Ф. Испытание временем: Российские корейцы в оценках дипломатов и политиков. Конец XX — начало XXI в. / Н. Ф. Бугай, О Сон Хван. М., 2004. 172 с.

37. Бугай, Н. Ф. Общественные объединения корейцев в России: конститутивность, эволюция, признание / Н. Ф. Бугай, Сим Хон Ёнг. М. : Новый хронограф, 2004. 370 с.

38. Вепрев, О. В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале / О. В. Вепрев, В. В. Лютов. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. 445 с.

39. Верт, Н. История Советского государства. 1900—1991 / Н. Верт. М. : Прогресс. Прогресс-академия, 1992. 480 с.

40. Верютин, Д. В. Деятельность органов НКВД на территории Центрального Черноземья накануне и в годы Великой Отечественной войны : дис. ... канд. ист. наук / Д. В. Верютин. Курск, 2002. 147 с.

41. Ветераны Башкортостана / сост. А. И. Захаров. Уфа : Китап, 2005, 212 с.

42. Вольхин, А. И. Борьба органов НКВД — НКГБ Урало-Сибирского региона с саботажем и хищениями продукции в сельском хозяйстве в годы Великой Отечественной войны / А. И. Вольхин // Военный комментатор: воен.-ист. альм. Екатеринбург, 2000. № 1. С. 90—102.

43. Вольхин, А. И. Выявление и розыск органами госбезопасности Урала и Сибири изменников Родины, предателей и пособников немецких оккупантов в годы Великой Отечественной войны / А. И. Вольхин // Урал в стратегии второй мировой войны : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 2000. С. 199—205.

44. Вольхин, А. И. Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. : дис. ... д-ра ист. наук / А. И. Вольхин. Екатеринбург, 2001. 421 с.

45. Вольхин, А. И. Поиск повстанческих организаций органами НКВД — НКГБ, борьба с террористическими актами и бандитизмом на Урале и в Сибири в годы Великой Отечественной войны / А. И. Вольхин // Военный комментатор : воен.-ист. альм. Екатеринбург, 2001. № 1. С. 47—62.

46. Вольхин, А. И. Работа территориальных органов НКВД — НКГБ СССР по обеспечению безопасности промышленных объектов на Урале / А. И. Вольхин // Урал в 1941—1945 гг.: экономика и культура военного времени (к 60-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне) : материалы регион. науч. семинара. Челябинск, 2005. С. 28—38.

47. Вольхин, А. И. Роль органов госбезопасности в реализации спецпоселенческой политики советского государства в 1930—40-х гг. (На материалах Урала и Сибири) / А. И. Вольхин // Урал в прошлом и настоящем : материалы науч. конф. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 401—403.

48. Воронцов, С. А. Правоохранительные органы. Спецслужбы. История и современность / С. А. Воронцов. Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. 640 с.

49. Галкин, А. И. Особенности работы милиции в условиях Великой Отечественной войны / Галкин А. И. М. : Центр. шк. милиции НКВД СССР, 1943. 16 с.

50. Герман, Р. Б. Деятельность российской милиции в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941—1960 гг.) / Р. Б. Герман. Ростов-на-Дону : РЮИ МВД России, 2000. 164 с.

51. Герман, Р. Б. Организационно-правовые основы деятельности российской милиции по охране общественного порядка в борьбе с преступностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, 1941—1960 гг. : дис. ... канд. юрид. наук / Р. Б. Герман. Ростов-на-Дону, 1999. 217 с.

52. Герои Отечества. Сборник документальных очерков МВД России. М., 2004. 842 с.

53. Говоров, И. В. Государство и преступность в Советской России. 1945—1953 гг.: на материалах Ленинграда и Ленинградской области : дис. ... д-ра ист. наук / И. В. Говоров. СПб., 2004. 712 с.

54. Гончаров, Г. А. Режим содержания, организация труда и быта «трудармейцев» Урала в годы Великой Отечественной вой-

ны / Г. А. Гончаров // Урал в контексте российской модернизации : сб. науч. ст. Челябинск, 2005. С. 116—146.

55. Гончаров, Н. К. Историко-педагогический очерк / Н. К. Гончаров. М. : Педагогика, 1963. 546 с.

56. Гонюхов, С. О. МВД России. 200 лет на страже закона и правопорядка / С. О. Гонюхов, В. И. Горобцов. М. : Рейтгарь, 2002. 236 с.

57. Гонюхов, С. О. Очерки истории органов внутренних дел России : учебное пособие / С. О. Гонюхов, В. И. Горобцов. Красноярск : Краснояр. высш. шк. МВД РФ, 1998. 51 с.

58. Гонюхов, С. О. Российская и советская милиция в мундире. 1917—1943 гг. : учебное пособие. Ч. 2 / С. О. Гонюхов, В. И. Горобцов. М. : Рейтгарь, 2000. 112 с.

59. Гонюхов, С. О. Советская и российская милиция в мундире. 1943—2001 гг. : учебное пособие. Ч. 3 / С. О. Гонюхов, В. И. Горобцов. М. : Рейтгарь, 2001. 128 с.

60. Гордон, Н. А. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30—40-е годы / Н. А. Гордон, Э. В. Клопов. М. : Политиздат, 1989. 319 с.

61. Горшенин, К. П. Советская прокуратура / К. П. Горшенин. М. : Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1947. 63 с.

62. ГУЛАГ: экономика принудительного труда / А. К. Соколов [и др.]. М. : Росспэн, 2005. 315 с.

63. Гусак, В. А. Великая Отечественная: военный лик преступности / В. А. Гусак // Выдающиеся представители научной, общественной и духовной жизни Урала : материалы третьей регион. науч. конф. Челябинск, 2005. С. 130.

64. Данилов, А. А. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы / А. А. Данилов, А. В. Пыжиков. М. : РОССПЭН, 2001. 302 с.

65. Данилов, В. П. Современная российская историография: в чем выход из кризиса / В. П. Данилов // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 95—101.

66. Дейнеко, М. М. 40 лет народного образования в СССР / М. М. Дейнеко. М. : Учпедгиз, 1957. 276.

67. Деришев, Ю. В. Органы предварительного расследования в России: прошлое, настоящее, будущее : учебное пособие / Ю. В. Деришев. Омск : Юрид. ин-т МВД России, 1998. 99 с.

68. Дети военной поры / сост. Э. Максимова. М. : Политиздат, 1984. 352 с.
69. Дети ГУЛАГа. 1918—1956. Документы / под ред. акад. А. Н. Яковлева ; сост. С. С. Виленский и др. М. : МВД, 2002. 631 с.
70. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании : сб. документов за 1917—1947 гг. М. ; Л. : Изд-во АПН РСФСР, 1947. Вып. 1. 320 с. ; Вып. 2. 303 с.
71. Дмитриев, П. Ф. Солдат Берии: воспоминания лагерного охранника / П. Ф. Дмитриев. Л. : Час пик, 1991. 158 с.
72. Дорошева, О. А. Тимуровское движение на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны : сб. материалов регион. науч.-практ. конф. молодых ученых и специалистов Оренбуржья / О. А. Дорошева. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2002. С. 103—105.
73. Дрыночкин, В. В. Восстановление системы народного образования в прифронтовых и освобожденных районах страны в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) / В. В. Дрыночкин. М. : ИНИОН АН СССР, 1991. 207 с.
74. Емелин, А. С. История государства и права России (октябрь 1917 — декабрь 1991 гг.) / А. С. Емелин. М. : МЮИ МВД РФ, 1999. 228 с.
75. Емелин, А. С. Правовые основы превращения СССР в единый военный лагерь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (Советское государство и право в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.) : учебное пособие / А. С. Емелин. М. : Моск. академия МВД России, 2000. 145 с.
76. Емелин, А. С. Правовые основы строительства Советских Вооруженных Сил (1917—1977 гг.) / А. С. Емелин. М. : Воениздат, 1986. 200 с.
77. Еремин, В. Г. Боевая молодость. О героических делах юношей и девушек советского тыла в годы Великой Отечественной войны / В. Г. Еремин. М. : ДОСААФ, 1975. 143 с.
78. Еремин, В. Г. Молодежь в годы Великой Отечественной войны / В. Г. Еремин, П. Ф. Исаков. М. : Мысль, 1984. 221 с.
79. Ермаков, Е. Г. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941—1950) / Е. Г. Ермаков. М. : Мысль, 2002. 343 с.

80. Ермаков, Е. Г. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период : дис. ... канд. юрид. наук / Е. Г. Ермаков. М., 2002. 157 с.

81. Еропкин, М. И. Развитие органов милиции в Советском государстве / М. И. Еропкин. М., 1967. 87 с.

82. Желудкова, Т. И. Деятельность советской милиции по охране общественного порядка / Т. И. Желудкова. М. : Академия МВД СССР, 1979. 54 с.

83. Желудкова, Т. И. Деятельность советской милиции по охране общественного порядка : лекция / Т. И. Желудкова. М., 1979. 56 с.

84. Женское лицо Победы: 100 документов о женщинах Челябинской области в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Челябинск : Книга, 2001. 224 с.

85. Жижко, А. А. История органов внутренних дел на транспорте : учеб. пособие / А. А. Жижко, А. А. Боровой, Н. Д. Литвинов. М. : Академия МВД СССР, 1982. 122 с.

86. Жилиева, С. К. Организационно-правовые основы борьбы Орловской милиции с детской беспризорностью и преступностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941—1945 гг.): историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук / С. К. Жилиева. Орел, 2004. 198 с.

87. Журавлев, М. И. Революционная бдительность — драгоценное качество советского человека / М. И. Журавлев. М. : Госполитиздат, 1944. 52 с.

88. Загвоздкин, Г. Г. Цена победы. Социальная политика военных лет / Г. Г. Загвоздкин. Киров : Жизнь, 1990. 263 с.

89. Загородников, Н. И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел : учеб. пособие / Н. И. Загородников. М. : Высш. шк. МВД СССР, 1979. 100 с.

90. Заднепровская, Л. Д. Борьба с преступностью несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны / Л. Д. Заднепровская. Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1981. 53 с.

91. Законодательные и административно-правовые акты военного времени : С 22-го июня 1941 г. по 22-е марта 1942 г. М. : Юриздат, 1942. 144 с.

92. Земсков, В. Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны / В. Н. Земсков // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 3—26.

93. Земсков, В. Н. ГУЛАГ: историко-социологический аспект / В. Н. Земсков // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10—27.

94. Земсков, В. Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД — МВД СССР) / В. Н. Земсков // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3—17.

95. Земсков, В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960 / В. Н. Земсков ; Ин-т рос. истории. М. : Наука, 2005. 306 с.

96. Зинич, М. С. Будни военного лихолетья. 1941—1945 / М. С. Зинич. М. : РАН, Ин-т российской истории, 1994. Вып. 1. 147 с. ; Вып. 2. 143 с.

97. Золоторев, В. А. Проблемы изучения истории Великой Отечественной войны / В. А. Золоторев // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 3—11.

98. Зотова, М. В. Органы государственной безопасности в начальный период Великой Отечественной войны / М. В. Зотова // Мы выстояли и победили : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию Победы советского народа над фашистской Германией и милитаристской Японией / под общ. ред. проф. В. С. Порохни. Смоленск, 2005. С. 305—309.

99. Информационное письмо о работе молодых следователей Чкаловской области за 1944 г. Чкалов : Б. и., 1944.

100. Исправительная система в годы Великой Отечественной войны: неизвестные страницы истории, мифы и реальность, ее боевой и трудовой вклад в Великую Победу : материалы межвуз. науч.-практ. конф. Владимир, 22 апр. 2005 г. / ВЮИФСИН ; ред. кол. : В. М. Морозов [и др.]. Владимир, 2005. 84 с.

101. Историография Великой Отечественной войны : сб. статей. М. : Наука, 1980. 288 с.

102. Исторические чтения на Лубянке, 1997 год. Российские спецслужбы: История и современность. М. : Великий Новгород, 1999. 119 с.

103. Исторический опыт деятельности органов госбезопасности в годы Великой Отечественной войны : материалы науч.-теор. конф. // Спецборник Академии. М., 1997. Вып. 7. 165 с.

104. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 : в 6 т. М. : Воениздат, 1960—1965. Т. 1. М., 1960. 532 с. ; Т. 2. М., 1961. 524 с. ; Т. 3. М., 1961. 662 с. ; Т. 4. М., 1962. 728 с. ; Т. 5. М., 1963. 658 с. ; Т. 6. М., 1965. 319 с.

105. История культуры Южного Зауралья : в 2 т. / отв. ред. В. В. Подливалов. Курган : КГУ, 2004. Т. 2. 392 с.

106. История органов внутренних дел советского государства / под ред. Р. С. Мулукаева. М. : Академия МВД СССР, 1986. 216 с.

107. История педагогики / под ред. А. Н. Джуринского. М. : Просвещение, 1999. 547 с.

108. История советских органов государственной безопасности : учебник. М. : Высш. шк. КГБ, 1977. 639 с.

109. История Советского государства и права / отв. ред. А. П. Косицын. М. : Юрид. лит., 1985. 610 с.

110. История советского государства и права. Кн. 3 : Советское государство и право накануне и в годы Великой Отечественной войны (1936—1945 гг.). М. : Наука, 1985. 359 с.

111. История советской милиции : в 2 т. / С. М. Крылов [и др.] ; под ред. Н. А. Щелокова. М. : Б. и., 1977. Т. 1. 346 с. ; Т. 2. 338 с.

112. История управления внутренних дел Оренбургской области. Оренбург : Б. и., 2002.

113. Исупов, В. А. Смертность населения в тыловых районах России в 1941—1942 годах / В. А. Исупов // Население России в 1920—1950-е годы: численности, потери, миграции. М., 1994. С. 96—113.

114. Киссис, М. П. Основные этапы истории советской милиции : учебное пособие / М. П. Киссис. М. : МООП РСФСР, 1965. 30 с.

115. Ковалев, И. В. Транспорт в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.) / И. В. Ковалев. М. : Наука, 1981. 480 с.

116. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. М. : Наука, 1987. 439 с.

117. Кожевина, М. А. Подготовка кадров милиции в Советской России (1918—1991) : учебное пособие / М. А. Кожевина. Омск : Омская академия МВД России, 2004. 80 с.

118. Кокурин, А. И. НКВД — НКГБ — СМЕРШ: структура, функции, кадры (1934—1938) / А. И. Кокурин, Н. В. Петров // Свободная мысль. 1997. № 8, 9.

119. Кокурин, А. И. НКВД: структура, функции, кадры (1934—1938) / А. И. Кокурин, Н. В. Петров // Свободная мысль. 1997. № 6, 7.

120. Кондауров, И. А. Боевая доблесть коммунистов и комсомольцев Урала (1941—1945) / И. А. Кондауров. Пермь : Перм. кн. изд-во, 1975. 362 с.

121. Коновалов, И. И. Беспризорность и безнадзорность несовершеннолетних: Опыт исследования проблемы в Саратовской области / И. И. Коновалов. Саратов : Изд-во СГУ, 2004. 250 с.

122. Константинов, А. А. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет / А. А. Константинов, Е. Н. Медынский. М. : Учпедгиз, 1948. 472 с.

123. Конституция (основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. М. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. 31 с.

124. Конституция СССР 1936 г. // Хрестоматия по истории государства и права России / под ред. Ю. П. Титова. М., 1999. С. 342—357.

125. Кораблева, Г. В. Школьное строительство в Оренбуржье: реализация гарантий Конституции СССР 1936 года (1936—1977) / Г. В. Кораблева. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 1998. 132 с.

126. Корнилов, Г. Е. Историография Урала в годы Великой Отечественной войны / Г. Е. Корнилов // Урал в стратегии второй мировой войны : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 2000. С. 23—37.

127. Коровин, В. В. История отечественных органов безопасности : учеб. пособие / В. В. Коровин. М. : Изд. группа НОРМА — ИНФРА-М, 1998. 253 с.

128. Коровин, В. В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны / В. В. Коровин. М. : Русь, 1998. 286 с.

129. Коровин, В. В. Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / В. В. Коровин. М. : Высш. шк. КГБ, 1981. 176 с.

130. Королев, Ф. Ф. Успехи народного образования СССР за 40 лет / Ф. Ф. Королев. М. : Учпедгиз, 1957. 154 с.

131. Костин, В. И. Борьба с хищениями социалистического имущества и спекуляцией в годы Великой Отечественной войны / В. И. Костин. Горький : Высш. шк. МВД СССР, 1982. 87 с.

132. Костин, В. И. Охрана социалистической собственности и борьба со спекуляцией накануне и в годы Великой Отечественной войны / В. И. Костин. Горький : Высш. шк. МВД СССР, 1984. 55 с.

133. КПСС о культуре, просвещении и науке : сборник документов / сост. В. С. Викторов [и др.]. М. : Политиздат, 1963. 552 с.

134. Кравцов, Б. П. Советское военное законодательство в период Великой Отечественной войны / Б. П. Кравцов. М. : Юрид. лит., 1960. 112 с.

135. Кудрявцев, С. В. Партийные организации и органы НКВД в период массовых политических репрессий 1930-х гг.: на материалах областей Верхнего Поволжья : дис. ... канд. ист. наук / С. В. Кудрявцев. Ярославль, 2000. 288 с.

136. Кузница Победы. Подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны: Очерки и воспоминания. М. : Политиздат, 1974. 431 с.

137. Культурная жизнь в СССР. 1941—1950. Хроника / сост. С. Н. Базанов [и др.]. М. : Наука, 1977. 524 с.

138. Культурное строительство в Оренбуржье : Документы и материалы, 1942—1987 / сост. В. И. Швыдченко [и др.]. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1989. 188 с.

139. Культурное строительство в РСФСР : документы и материалы. М. : Советская Россия, 1983. 369 с.

140. Куманев, Г. А. Война и железнодорожный транспорт, 1941—1945 / Г. А. Куманев. М. : Наука, 1988. 367 с.

141. Куманев, Г. А. Проблемы военной истории Отечества (1938—1945 гг.) / Г. А. Куманев. М. : Собрание, 2007. 656 с.

142. Куманев, Г. А. Чекисты стояли насмерть : (Боевая деятельность воинов-чекистов на территории Украины в годы Великой Отечественной войны) / Г. А. Куманев, А. С. Чайковский. Киев : Политиздат Украины, 1986. 236 с.

143. Курганская партийная организация в Великую Отечественную войну : документы и материалы. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1975. 339 с.

144. Леонтьев, А. М. Задачи и организация работы органов НКВД по борьбе с бандитизмом / А. М. Леонтьев. М. : Высш. шк. НКВД СССР. 1945. 15 с.

145. Летопись свершений: Хроника Челябинской областной организации КПСС, 1983—1985. Кн. 1 : 1883—1945. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1987. 320 с.

146. Лочинская, Л. Я. Девиантное поведение населения Южного Урала в годы Великой Отечественной войны / Л. Я. Лочинская // Урал в стратегии второй мировой войны : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 2000. С. 252—259.

147. Лочинская, Л. Я. Нарушения общественного порядка в тылу как проявление отклоняющегося поведения / Л. Я. Лочинская // Урал в 1941—1945 гг. : экономика и культура военного времени: (к 60-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне) : материалы регион. науч. семинара. Челябинск, 2005. С. 109—121.

148. Лубянка 2: Из истории отечественной контрразведки. М. : Мосгорархив ; АО «Московские учебники и картолитография», 1999. 360 с.

149. Лубянка: ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ, 1917—1960 : справ. / сост. А. Н. Кокурин, Н. В. Петров. М. : Междунар. фонд «Демократия», 1997. 349 с.

150. Макеев, В. В. История милиции России (знаменательные даты, события) / В. В. Макеев. Ростов-на-Дону : Б. и., 1998.

151. Макеев, В. В. Милиция Российской Федерации: история и современность. Хронологический справочник / В. В. Макеев. Ростов-на-Дону : Б. и., 1997.

152. Макеев, В. В. Становление и развитие советской милиции / В. В. Макеев. Ростов-на-Дону : Б. и., 1990. 120 с.

153. Максимов, Н. И. Работа правоохранительных органов Челябинской области по ликвидации дезертирства и прогулов в период Великой Отечественной войны / Н. И. Максимов // Тыл — фронту : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию Великой Победы. Челябинск, 2005. С. 59—63.

154. Маламуд, Г. Я. Бакаллаг // Челябинск неизвестный. Краеведческий сб. / сост. В. С. Боже. Челябинск, 1998. Вып. 2. С. 239—251.

155. Малыгин, А. Я. Развитие конституционно-правовых основ организации и деятельности органов внутренних дел : учеб. пособие / А. Я. Малыгин, Р. С. Мулукаев. М. : Акад. МВД СССР, 1988. 106 с.

156. Мартианов, В. Е. Органы НКВД Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны 1937—1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук / В. Е. Мартианов. Краснодар, 1998. 225 с.

157. Мартыненко, С. В. Борьба правоохранительных органов Чкаловской области с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью несовершеннолетних в послевоенные годы / С. В. Мартыненко // Оренбуржье в годы Великой Отечественной войны : материалы региональной науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Оренбург, 2005. С. 46—57.

158. Мартыненко, С. В. Борьба правоохранительных органов Чкаловской области с послевоенной преступностью / С. В. Мартыненко, Р. Р. Хисамутдинова // Мы выстояли и победили : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию Победы советского народа над фашистской Германией и милитаристской Японией / под общ. ред. проф. В. С. Порохни. Смоленск, 2005. С. 380—383.

159. Мартыненко, С. В. Последствия послевоенной демобилизации для Чкаловской области / С. В. Мартыненко // Южный Урал — Великой победе : материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Победы над гитлеровской Германией. Оренбург, 2005. С. 131—135.

160. Мацкевич, И. М. Преступное насилие среди военнослужащих / И. М. Мацкевич, В. Е. Эминов. М. : Юрист, 1994. 104 с.

161. МВД России : энциклопедия / гл. ред. В. Ф. Некрасов. М. : Объединенная редакция МВД России ; Издат. дом «Олма-Пресс», 2002. 533 с.

162. Мельникова, Э. Б. Правосудие по делам несовершеннолетних: история и современность / Э. Б. Мельникова. М. : Наука, 1990. 118 с.

163. Милиция Челябинской области. 1802—2002: Страницы истории / ГУВД Челябинской области ; сост.-ред. Д. В. Смирнов. Челябинск : Книга, 2002. 446 с.

164. Министерство внутренних дел России: страницы истории (1802—2002 гг.) : сб. / под ред. В. П. Сальникова. СПб. : СПбУ МВД РФ : Фонд «Ун-т», 2001. 607 с.

165. Министерство внутренних дел. 1902—2002. Исторический очерк. М. : Объединенная редакция МВД России, 2004. 503 с.

166. Михайлов, И. В. Особенности организации и деятельности Челябинской милиции в годы Великой Отечественной войны / И. В. Михайлов // Челябинск в прошлом и настоящем : материалы науч. краевед. конф. Челябинск, 2001. С. 93—98.

167. Млечин, Л. М. Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы. — «Секретная папка» / Л. М. Млечин. М. : ЗАО «Центрполиграф», 1999. 651 с.

168. Могутнов, В. П. Война. Урал. Резервы (1941—1945) / В. П. Могутнов. Курган : Парус ; М., 1999. 197 с.

169. Мозохин, О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918—1953) / О. Б. Мозохин. Жуковский ; М. : Кучково поле, 2006. 480 с.

170. Мотревич, В. П. Антисоветские листовки в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны / В. П. Мотревич // Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию Победы в Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 2005. С. 170—173.

171. Мотревич, В. П. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион : сб. материалов / сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. 369 с.

172. Мукайлов, И. И. Уголовная ответственность за спекуляцию в процессе становления советского законодательства / И. И. Мукайлов // Становление и развитие советского уголовного законодательства : материалы межвуз. науч. конф., посвящ. 50-летию первого Советского Уголовного кодекса : [ред. кол.: А. Д. Гарбуза, А. П. Кондусов, Н. И. Коржанский]. Волгоград : Высш. следств. шк. МВД СССР, 1973. С. 97—98.

173. Мулукаев, Р. С. История органов внутренних дел в материалах их информационных подразделений / Р. С. Мулукаев, А. Е. Епифанов, О. К. Чабан. Волгоград, 1997.

174. Мулукаев, Р. С. История советской милиции (Хронологический справочник) / Р. С. Мулукаев, А. Г. Скилягин. Л. : ВПУ МВД СССР, 1971. 107 с.

175. Мулукаев, Р. С. Милиция России (1917—1993 гг.): (историко-правовой очерк) / Р. С. Мулукаев, Н. Н. Карташов. Орел : Ока, 1995. 236 с.

176. Мулукаев, Р. С. Советская милиция: этапы развития / Р. С. Мулукаев, А. Я. Малыгин ; под ред. А. П. Косицына. М. : Академия МВД СССР, 1985. 149 с.

177. Народное образование в РСФСР в 1943 г. / под ред. М. П. Кашина [и др.]. М. : Просвещение, 1970. 352 с.

178. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сборник документов 1917—1973. М. : Просвещение, 1974. 780 с.

179. Народное образование: Основные постановления, приказы, инструкции / под ред. А. М. Данева. М. : Учпедгиз, 1948. 695 с.

180. Некрасов, В. Ф. Внутренние войска Советского государства. 1917—1978 / В. Ф. Некрасов. М. : Академия МВД СССР, 1980. 320 с.

181. Некрасов, В. Ф. Тринадцать «железных» наркомов / В. Ф. Некрасов. М. : Версты ; Гос. фирма «Полиграфресурсы», 1995. 416 с.

182. Некрытый, Е. В. Охрана общественного порядка и обеспечение безопасности граждан органами милиции Чкаловской области в послевоенные годы / Е. В. Некрытый // Оренбуржье в годы Великой Отечественной войны : материалы региональной науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Оренбург, 2005. С. 66—76.

183. Нечаева, А. М. Детская беспризорность — опасное социальное явление / А. М. Нечаева // Государство и право. 2001. № 6. С. 57—65.

184. Никитин, И. М. Деятельность советских органов государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны советского народа (1941—1945 гг.) : лекции / И. М. Никитин. М. : Высш. шк. КГБ, 1964. 189 с.

185. О работе органов прокуратуры Чкаловской области по борьбе с преступлениями руководящих работников колхозов и сельсоветов за первое полугодие 1944 г. Чкалов : Б. и., 1944.

186. Обзор работы следователей Чкаловской области за 1943 г. Чкалов : Б. и., 1943.

187. Овчинников, С. А. Контрразведка Поволжья в системе государственных органов и общественно-политических структур безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. : дис. ... д-ра ист. наук / С. А. Овчинников. Саратов, 1995. 442 с.

188. Огненные годы. Документы и материалы об участии комсомола в Великой Отечественной войне. М. : Политиздат, 1977. 404 с.

189. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сб. документов. М. : Книга и бизнес, 1995. Т. 1, кн. 1. 451 с. ; кн. 2. 397 с.

190. Органы и войска МВД России : крат. ист. очерк / В. Ф. Некрасов [и др.]. М. : МВД России, 1996. 463 с.

191. Отечественные органы безопасности: История и современность : сб. статей. Екатеринбург : в/ч 69617, 1998. 143 с.

192. Павленко, Г. К. Юные гвардейцы тыла. Трудовые резервы Урала — фронту, 1941—1945 / Г. К. Павленко. Челябинск : Книга, 2004. 167 с.

193. Палецких, Н. П. Борьба с детской беспризорностью на Урале в годы Великой Отечественной войны / Н. П. Палецких // Тыл — фронту : материалы междунар. конф., посвящ. 60-летию победы. Челябинск, 2005. С. 214—218.

194. Палецких, Н. П. Социальная политика на Урале в годы Великой Отечественной войны / Н. П. Палецких // Южноуральцы на фронте и в тылу врага. 50-летию Великой Победы посвящается : сб. ст. Челябинск : Книга, 1993. С. 28—39.

195. Палецких, Н. П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны / Н. П. Палецких. Челябинск : Изд-во ЧГАУ, 1995. 184 с.

196. Палецких, Н. П. Социальная политика Советского государства на Урале в период Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Н. П. Палецких. Челябинск, 1996. 40 с.

197. Палецких, Н. П. Социальная политика Советского государства на Урале в период Великой Отечественной войны : дис. ... д-ра ист. наук / Н. П. Палецких. Челябинск, 1996. 473 с.

198. Палецких, Н. П. Социальная помощь детям и детским учреждениям на Урале в годы Великой Отечественной войны / Н. П. Палецких // Вестник ЧГАУ. 1993. № 2. С. 23—34.

199. Палецких, Н. П. Спецпоселения на Урале в период Великой Отечественной войны / Н. П. Палецких // Индустриализация в СССР: уроки истории (к 70-летию пуска Челябинского тракторного завода) : материалы междунар. науч. конф. Челябинск, 2003. С. 154—162.

200. Панфилец, А. В. Ленинградская милиция в годы блокады (сентябрь 1941 г. — январь 1944 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Панфилец. СПб., 2000. 26 с.

201. Перчиков, В. А. Проблемы детской беспризорности и безнадзорности в 1941—1945 годах / В. А. Перчиков // Проблемы истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. : материа-

лы межвуз. науч. конф. Самара : Самарский университет, 1999. Вып. 5. С. 42—44.

202. Петров Н. В. Кто руководил НКВД, 1934—1941: справ. / Н. В. Петров, К. В. Скоркин ; о-во «Мемориал» ; РГАСПИ ; ГАРФ. М. : Звенья, 1999. 504 с.

203. Питеркин, И. В. Деятельность органов милиции и пожарной охраны управления НКВД Ленинграда в условиях обороны города (июнь 1941 — январь 1944 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. В. Питеркин. СПб., 1994.

204. Платонов, О. Тайная история России, XX век: Эпоха Сталина / О. Платонов. М. : Москвитянин, 1997. 428 с.

205. Погоний, Я. Ф. Сотрудничество ФСБ с отечественными и зарубежными научными учреждениями по изданию документов / Я. Ф. Погоний // Новая и новейшая история. 1999. № 5. С. 10—14.

206. Подвиги чекистов: [Очерки и стихи о славных чекистах-героях Великой Отечественной войны]. М. : Политотд. соединения войск НКВД, 1942. 100 с.

207. Политический сыск в России: история и современность. СПб. : СПб. УЭФ, 1997. 360 с.

208. Полиция и милиция России: страницы истории / А. В. Борисов [и др.]. М. : Наука, 1995. 318 с.

209. Попов, В. П. Паспортная система в СССР. 1932—1976 / В. П. Попов // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 3—14; № 9. С. 3—13.

210. Порфирьев, Ю. Б. Органы внутренних дел в Кировской области в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю. Б. Порфирьев. Киров, 2000.

211. Правоохранительные органы (конспект лекций в схемах). М. : Приориздат, 2004. 112 с.

212. Преступность в России и проблемы борьбы с ней / под ред. А. И. Долговой. М. : Российская криминалистическая ассоциация, 2001. 244 с.

213. Прищепа, А. И. Инакомыслие на Урале в годы Великой Отечественной войны / А. И. Прищепа // Урал в Великой Отечественной войне. 1941—1945 гг. : тез. докл. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1995. С. 158—161.

214. Прокуратура Оренбуржья. История и современность. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 2002. 224 с.

215. Прокуратура против преступности: страницы истории. Уфа : Гилем, 2001. 137 с.
216. Раззаков, Ф. И. Бандиты времен социализма: Хроника рос. преступности, 1917—1991 / Ф. И. Раззаков. М. : Эксмо, 1996. 520 с.
217. Романович, С. В. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. В. Романович. Оренбург, 2006.
218. Романовская, В. Б. Репрессивные органы в России XX века / В. Б. Романовская. Н.-Новгород : Арника, 1996. 278 с.
219. Россия в XX веке. Историки мира спорят. М. : Наука, 1994. 750 с.
220. Салмина, С. Ю. Прокуратура Челябинской области: очерки истории / С. Ю. Салмина. Челябинск : Камен. Пояс, 2001. 345 с.
221. Сальников, В. П. Органы внутренних дел Северо-запада России в годы Великой Отечественной войны / В. П. Сальников, С. В. Степашин, Н. Г. Янгол. СПб. : Лань ; С.-Петерб. ун-т МВД России, 1999. 224 с.
222. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 — июль 1956 гг.). М. : Гос. изд-во юрид. литературы, 1956. 500 с.
223. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР 1938—1944 гг. М. : Ведомости Верховного Совета СССР, 1945. 359 с.
224. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938—1967. Т. 2. М. : Известия, 1968. 896 с.
225. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1942—1943 гг. Л. : Газ.-журн. и кн. изд-во, 1945. 283 с.
226. Семенов, А. И. Правоохранительные органы на Южном Урале в годы революций и гражданской войны : дис. ... канд. ист. наук / А. И. Семенов. Челябинск, 2000. 219 с.
227. Сеницын, А. М. Всенародная помощь фронту: О патристических движениях Советского народа в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 / А. М. Сеницын. М. : Воениздат, 1985. 341 с.
228. Сеницын, А. М. Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны / А. М. Сеницын // Вопр. истории. 1969. № 6. С. 20—29.

229. Смирнов, С. А. Исторический очерк о становлении и развитии оперативной службы органов внутренних дел (1917—1974 гг.) / С. А. Смирнов. М. : Академия МВД СССР, 1975. 21 с.

230. Смирнов, С. С. Дети и война / С. С. Смирнов // Медаль за бой, медаль за труд. М. : Просвещение, 1970. 910 с.

231. Смирнова, Н. В. Деятельность органов УНКВД — УМВД в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в Ленинграде и Ленинградской области (1941—1949 гг.) (историко-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Смирнова. СПб., 1997. 241 с.

232. Смыкалин, А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России / А. С. Смыкалин. Екатеринбург : УрГЮА, 1997. 368 с.

233. Советская милиция: история и современность (1917—1987) / А. П. Косицын [и др.] ; под ред. А. В. Власова. М. : МВД СССР, 1987. 367 с.

234. Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. М. : Наука, 1988. 422 с.

235. Советский тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне, ноябрь 1942 — 1943. М. : Наука, 1989. 392 с.

236. Советское государство и право накануне и в годы Великой Отечественной войны. М. : Юрид. лит., 1985. 637 с.

237. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал : в 2 т. Т. 2 : Апогей и крах сталинизма. М. : РГГУ, 1997. 757 с.

238. Советское право в период Великой Отечественной войны. Ч. 2 : Уголовное право. Уголовный процесс / под ред. И. Т. Голякова. М. : Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948. 214 с.

239. Сойма, В. М. Деятельность органов государственной безопасности по информационному обеспечению городских комитетов обороны (на материалах Поволжья) 1941—1945 гг. / В. М. Сойма // Исторические чтения на Лубянке. 2003 год. Власть и органы государственной безопасности. М., 2004. С. 161—164.

240. Сойма, В. М. Советская контрразведка в годы Великой Отечественной войны: [опыт информ. обеспечения гор. ком. обороны (на материалах Нижнего Поволжья)] / В. М. Сойма. М. : Крафт+, 2005. 160 с.

241. Соломон, П. Советская юстиция при Сталине : пер. с англ. / П. Соломон. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 464 с.

242. Социальная политика : энциклопедический словарь / под общ. ред. Н. А. Волгина ; отв. ред. Т. С. Сулимова. М. : Академический Проект : Триста, 2005. 688 с.
243. Сперанский, А. В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) / А. В. Сперанский. Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 1996. 367 с.
244. Становление и развитие аппаратов уголовного розыска (1917—1985 гг.) : учеб. пособие / А. Я. Малыгин, А. А. Маручек, Р. С. Мулукаев, Е. И. Яковлева. М. : Академия МВД СССР, 1991. 84 с.
245. Страницы истории Оренбургской милиции. Оренбург, 1977.
246. Страницы истории правоохранительных органов России : сб. науч. статей, посвящ. 200-летию МВД России / под ред. А. М. Никитина. М. : ЮИ МВД России, 2001. 90 с.
247. Стрелец, Р. В. Дезертирство на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны как наиболее опасный вид воинских правонарушений / Р. В. Стрелец // История Оренбургская: наследие и современность. Первые региональные историко-краеведческие чтения памяти профессора П. Е. Матвиевского : в 2 т. Оренбург, 2006. Т. 2. С. 294—306.
248. Судоргина, Т. В. Гриф «секретно» — снят / Т. В. Судоргина // Великая Отечественная и Южный Урал 1941—1945 / Т. В. Судоргина. Оренбург : ДиМур, 1995. С. 9—10.
249. Терроризм в России и проблемы системного реагирования / под ред. А. И. Долговой. М. : Российская криминалистическая ассоциация, 2004. 192 с.
250. Тогда была война... 1941—1945 : сборник документов и материалов / под ред. А. П. Финадеева. Челябинск : Книга, 2005. 224 с.
251. Томан, Б. А. Великая Отечественная: Известное и неизвестное / Б. А. Томан // Вопр. истории КПСС. 1990. № 9. С. 83—96.
252. Томан, Б. А. Новое фундаментальное издание по истории Великой Отечественной войны / Б. А. Томан // Новая и новейшая история. 2000. № 6. С. 3—17.
253. Тоцкойнов, А. Н. Органы НКВД Краснодарского края в Великой Отечественной войне: 1941—1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук / А. Н. Тоцкойнов. М., 2004. 208 с.

254. Третий век на страже правопорядка: очерки истории оренбургской милиции. Оренбург : Б. и., 2005.

255. Уголовное право: Особенная часть / под ред. И. Т. Голякова. М. : Юрид. изд-во Наркомюста СССР, 1943. 479 с.

256. Уголовно-процессуальный кодекс. М. : Юрид. изд-во Наркомюста СССР, 1943. 280 с.

257. Уголовный кодекс. М. : Юрид. изд-во Наркомюста СССР, 1943. 224 с.

258. Уголовный розыск Южного Урала: Годы. События. Люди. 1918—2003 / М-во внутр. дел РФ ; ГУВД Челяб. обл. ; [авт.-сост. Д. В. Смирнов]. Челябинск : Книга, 2003. 317 с.

259. Урал в стратегии второй мировой войны : материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург : СВ-96, 2000. 360 с.

260. Ушпик, И. А. Борьба с уголовной преступностью в годы Великой Отечественной войны / И. А. Ушпик // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области) : материалы науч.-практ. конф. Челябинск, 2003. С. 225—227.

261. Фёдорова, А. В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны / А. В. Фёдорова. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 1995. 213 с.

262. Фёдорова, О. И. Правоохранительные органы Южного Урала в годы Великой Отечественной войны / О. И. Фёдорова // Тез. докл. науч.-практ. конф. / Челяб. обл. краевед. музей. Челябинск, 1995. С. 41—43.

263. Финикова, И. Г. Борьба с бандитизмом и дезертирством в Курганской области / И. Г. Финикова // Зыряновские чтения : материалы III межрегиональной науч.-практ. конф. (Курган, 23—24 нояб.). Курган : Изд-во КГУ, 2005. С. 86—89.

264. Футорянский, Л. И. Вклад оренбуржцев в Великую Победу (Материал в помощь пропагандистам, лекторам, политинформаторам) / Л. И. Футорянский. Оренбург : О-во «Знание», 1985. 20 с.

265. Футорянский, Л. И. Оренбуржье — Великой Победе / Л. И. Футорянский. Оренбург : ОГПИ, 1994. 54 с.

266. Хаустов, В. Н. Деятельность органов государственной безопасности НКВД СССР в предвоенные годы (1934—1941 гг.) / В. Н. Хаустов. М. : Академия ФСБ РФ, 1997. 272 с.

267. Хаустов, В. Н. Деятельность органов государственной безопасности НКВД СССР (1934—1941 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук / В. Н. Хаустов. М., 1997. 484 с.

268. Хисамутдинов, Р. Р. Создание системы Государственных трудовых резервов и ее развитие в годы Великой Отечественной войны на Южном Урале (1940—1945 гг.) / Р. Р. Хисамутдинов. Оренбург : РИК ГОУ ОГУ, 2004. 177 с.

269. Хисамутдинова Р. Р. Правоохранительные органы Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны / Р. Р. Хисамутдинова // Третий век на страже правопорядка. Оренбург, 2005. С. 155—174.

270. Хисамутдинова, Р. Р. Борьба с преступностью в Чкаловской области после окончания Великой Отечественной войны (1945—1953 гг.) / Р. Р. Хисамутдинова, С. В. Мартыненко // IX Царскосельские чтения. Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2005. С. 181—183.

271. Хисамутдинова, Р. Р. Правоохранительные органы Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны / Р. Р. Хисамутдинова // История управления внутренних дел Оренбургской области. Оренбург : Оренбургская губерния, 2002. С. 104—124.

272. Хисамутдинова, Р. Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы / Р. Р. Хисамутдинова. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2002. 300 с.

273. Цыплин, В. Г. Деятельность войск НКВД по охране тыла действующей армии в годы Великой Отечественной войны : дис. ... канд. ист. наук / В. Г. Цыплин. Саратов, 2000. 273 с.

274. Чекисты : сб. М. : Молодая гвардия, 1972. 400 с.

275. Чекисты : сб. М. : Молодая гвардия, 1987. 413 с.

276. Черник, С. А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны / С. А. Черник. М. : Педагогика, 1984. 250 с.

277. Черник, С. А. Советская школа в годы Великой Отечественной войны / С. А. Черник. М. : Педагогика, 1975. 120 с.

278. Швыдченко, В. И. Оренбургская партийная организация в годы Великой Отечественной войны / В. И. Швыдченко // Ученые записки / Оренб. гос. пед. ин-т. Оренбург, 1967. Вып. 25. 186 с.

279. Шлыков, В. В. Экономическая преступность: историко-правовые аспекты : учеб. пособие / В. В. Шлыков. Рязань : Рязан. ин-т права и экономики Минюста России, 2000. 416 с.

280. Эти детские военные годы. 1941—1945 : сб. документов и материалов / сост. Е. А. Каменкина [и др.]. Челябинск : Иероглиф, 2000. 158 с.

281. Юность поколений: Документы, материалы и воспоминания по истории Оренбургской областной организации ВЛКСМ (1919—1970). Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1973. 277 с.

282. Янгол, Н. Г. Организационно-правовые формы деятельности органов внутренних дел Ленинграда в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук / Н. Г. Янгол. М., 1987. 198 с.

283. Янгол, Н. Г. Органы внутренних дел Ленинграда в годы Великой Отечественной войны и войска МВД России (Историко-правовой аспект) / Н. Г. Янгол. СПб. : СПбГУАП : СПб ун-т МВД России, 1998. 203 с.

284. Ящук, А. В. Детская беспризорность: теория и практика ее преодоления и предупреждения / А. В. Ящук. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2004. 517 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ТАБЛИЦЫ

Таблица 1

Количество дезертиров и лиц, уклоняющихся от мобилизации, в период Великой Отечественной войны

Регион	2-я половина 1941 г.			1942 г.			1943 г.			1-я половина 1944 г.			Всего		
	д.	у.	всего	д.	у.	всего	д.	у.	всего	д.	у.	всего	д.	у.	всего
Советский Союз	710 755	71 541	782 296	140 912	76 192	217 104	197 912	174 512	372 424	160 645	134 422	295 067	1 210 224	456 667	1 666 891
Южный Урал	1262	439	1701	1750	2102	3852	4622	10270	14892	1903	4070	5973	9537	16881	26418
Башкирская АССР	188	210	398	940	1195	2135	1247	2552	3799	490	682	1172	2865	4639	7504
Курганская область	—	—	—	—	—	—	398	605	1003	182	202	384	580	807	1387
Челябинская область	282*	—	282*	208*	300*	508*	1202	3252	4454	727	1933	2660	2419	5485	7904
Чаловская область	792	229	1021	602	607	1209	1775	3861	5636	504	1253	1757	3673	5950	9623

Источники: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 177—179.

* Вместе с Курганской областью.

Условные обозначения: д. — дезертиры; у. — уклоняющиеся от военной службы.

Таблица 2 — Количество ликвидированных банд и их участников за 1941—1944 гг.

Регион	2-я половина 1941 г.		1942 г.		1943 г.		1-я половина 1944 г.		Всего	
	б.	у.	б.	у.	б.	у.	б.	у.	б.	у.
Советский Союз	178	1604	1381	11220	3875	30312	1727	45872	7161	89008
Южный Урал	—	—	18	66	135	853	78	386	231	1305
БАССР	—	—	10	31	42	179	9	48	61	258
Курганская область	—	—	—	—	10	76	2	14	12	90
Челябинская область	—*	—*	8*	35*	48	389	31	148	87	572
Чкаловская область	—	—	—	—	35	209	36	176	71	385

Источники: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 174—176.

* Вместе с Курганской областью.

Условные обозначения: б. — бандитские группы; у. — участники бандитских групп.

Таблица 3 — Деятельность правоохранительных органов СССР и Южного Урала по борьбе с хищениями социалистической собственности за 1943 г.

Регион	Проведено дел	По ним привлечено	Вскрыто групп	В числе привлеченных по закону от 7 августа 1932 г.	Изыято по делам		
					Денег, тыс. руб.	Продуктов, тыс. кг	Прочее на сумму, тыс. руб.
1	2	3	4	5	6	7	8
СССР	134416	204311	33736	20766	82505,2	5758	57351,9
Южный Урал	8162	13309	2454	1644	4383,5	332,2	2969,3

1	2	3	4	5	6	7	8
БАССР	2431	4028	627	442	1091,8	71,5	479,8
Курганская область	1300	2190	406	291	378,3	41,7	102
Челябинская область	2974	4641	839	601	2149,6	66,4	2029,7
Чкаловская область	1457	2450	582	310	763,8	152,6	357,8

Источники: ГАРФ, Р-9415. Оп. 5. Д. 91. Л. 46—47.

Таблица 4 — Количество задержанных беспризорных и безнадзорных в СССР и на Южном Урале за годы Великой Отечественной войны

Регион	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	Всего
СССР	—	379522	802445	1173668	—	2355635
Южный Урал	—	26194	32896	47059	42854	149003
Курганская область	—	—	7175	—	3748	10923
Челябинская область	—	22615*	18238	33121	29183	103157
Чкаловская область	—	3579	за три квартала 2932	7385	5951	19847
Башкирская АССР	—	—	4551	6553	3972	15076

Источники: ГАРФ, Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 12а. Л. 90; Герман Р. Б. Указ. соч. С. 68—69; История культуры Южного Зуралья. С. 161; ГАРФ, Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 31. Л. 241; ОГАЧО, Ф. П-92. Оп. 5. Д. 221. Л. 19; ОГАЧО, Ф. П-288. Оп. 7. Д. 227. Л. 59; ГАРФ, Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 26; ЦДНИОО, Ф. 371. Оп. 7. Д. 151. Л. 2; ГАОО, Ф. Р-1308. Оп. 1. Д. 84. Л. 51, 98; ГАРФ, Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 111; ЦГАООРБ, Ф. 122. Оп. 24. Д. 44а. Л. 471 об.; ГАРФ, Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.

* Вместе с Курганской областью.

218 Таблица 5 — Количество несовершеннолетних, задержанных за уголовные преступления в СССР и на Южном Урале за годы Великой Отечественной войны

Регион	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	Всего
СССР	33 625	54 993	80 326	за 4 месяца 20 957	—	189 901
Южный Урал	—	1995	3474	4619	2569	12 657
Курганская область	—	—	за 3 квартала 454	794	399	1647
Челябинская область	—	1882*	2003	1671	612	6168
Чкаловская область	—	за 2-е полугодие 1942 г. и 2 месяца 1943 г. 113	1062	1062	за 9 месяцев 943	2118
Башкирская АССР	—	—	1017	1092	615	2724

Источники: ГАРФ, Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 12а. Л. 43; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 168. Л. 78; ГАРФ, Р-9412. Оп. 1. Д. 31. Л. 233; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 227. Л. 60; ГАРФ, Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 31; ЦДНИОО. 371. Оп. 7. Д. 151. Л. 7; ГАРФ, Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 110; ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 953. Л. 10; ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 44а. Л. 471—471 об.; ГАРФ, Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 28. Л. 10.

* Вместе с Курганской областью.

ДИАГРАММЫ

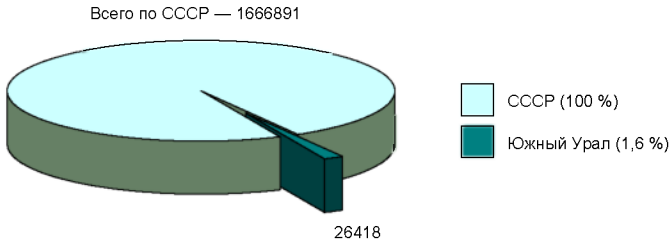

Рис. 1. Доля дезертиров и лиц, уклоняющихся от мобилизации, на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны в общесоюзных показателях

Источник: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 177—179.

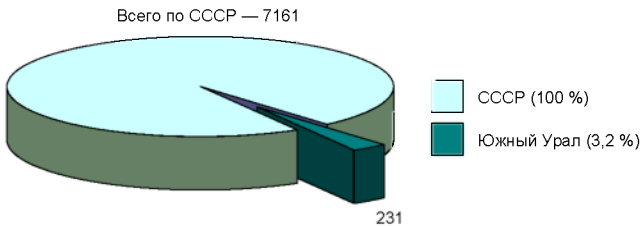

Рис. 2. Доля бандитских группировок на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны в общесоюзных показателях

Источник: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 174—176.

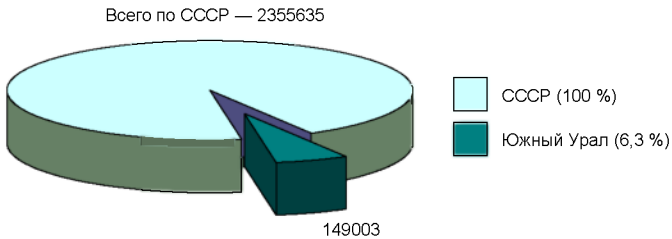

Рис. 3. Доля беспризорных и безнадзорных детей на Южном Урале в период Великой Отечественной войны в общесоюзных показателях

Источники: ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 12а. Л. 90; Герман Р. Б. Указ. соч. С. 68—69; История культуры Южного Зауралья. С. 161; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 31. Л. 241; ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 5. Д. 221. Л. 19; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 227. Л. 59; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 26; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 151. Л. 2; ГАОО. Ф. Р-1308. Оп. 1. Д. 84. Л. 51, 98; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 111; ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 44а. Л. 471 об.; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.

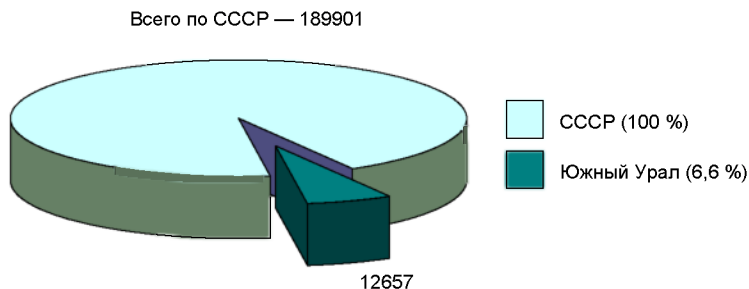

Рис. 4. Доля несовершеннолетних, задержанных за уголовные преступления на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны, в общесоюзных показателях

Источники: ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 12а. Л. 43; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 168. Л. 78.; ГАРФ. Р-9412. Оп. 1. Д. 31. Л. 233; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 227. Л. 60; ГАРФ. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 31; ЦДНИОО. 371. Оп. 7. Д. 151. Л. 7; ГАРФ. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 110; ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 953. Л. 10; ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 44а. Л. 471—471 об.; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 28. Л. 10.

БИОГРАФИИ

Биография 1

БЗЫРИН ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ — начальник областного управления НКВД по Чкаловской области (1938—1942 гг.)

Родился в 1908 г. в деревне Уголки Московской области. В партию вступил в 1932 г. С 1926 по 1930 г. являлся рабочим Трехгорной мануфактуры г. Москвы; в 1930—1931 гг. — курсантом полковой школы РККА г. Москвы; в 1931—1935 гг. — помощником командира взвода, командиром танка РККА в г. Кунцево Московской области; 1935—1938 гг. — сотрудником НКВД г. Москвы. В 1938—1942 гг. — начальник областного управления НКВД по Чкаловской области¹.

Характеристика на начальника областного управления НКВД по Чкаловской области Бзырина Ивана Васильевича

Тов. Бзырин Иван Васильевич, 1908 года рождения, член ВКП(б), партбилет № 1878796, имеет среднее образование, в 1938 г. окончил Ленинградскую военно-политическую школу.

В органах НКВД с июня 1938 г. Работает начальником Чкаловского УНКВД с декабря 1938 г. Несмотря на недостаточный опыт практической работы в органах НКВД, тов. Бзырин при помощи областной партийной организации провел большую работу по ликвидации последствий вражеской работы бывшего руководства как в аппарате областного управления НКВД, так и на периферии (ликвидированы извращенные методы ведения следствия, восстановлена агентурная работа), а также проведена значительная работа по очищению областного управления, районных и городских отделений НКВД от разложившихся и вражеских элементов. Подобраны и укомплектованы все основные участки работы НКВД проверенными людьми на практической работе в борьбе за реализацию решений партии и правительства. Оказывается помощь начальникам районных и городских отделений НКВД, с ко-

¹ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 26. Д. 1045. Л. 6, 9.

торами проводятся систематические инструктивные совещания по вопросам практической работы, а также периодические выезды на места руководящих работников для инструктажа. Тов. Бзырин в октябре 1939 г. награжден Президиумом Верховного Совета Союза СССР орденом «Знак Почета». Принимает активное участие в партийной жизни, является членом бюро обкома ВКП(б) и членом исполкома областного совета депутатов трудящихся.

Недостатком личных качеств тов. Бзырина является, то что он иногда болезненно воспринимает критические замечания по его работе, часто проявляет горячность в решении вопросов. Бывают случаи, когда он без достаточной проверки использует материалы, что приводит к ошибочным выводам. Тов. Бзырин растущий работник, дисциплинированный член партии.

С работой начальника областного управления НКВД по Чкаловской области справляется.

Секретарь Чкаловского обкома ВКП(б) А. А. Дубровский¹

Биография 2

ДМИТРИЕНКО ПАВЕЛ МАРКОВИЧ — начальник ОБХСС Управления милиции УНКВД Чкаловской области (1941—1951 гг.)

Дмитриенко Павел Маркович, 1903 года рождения. В 1920—1922 гг. работал секретарем Старо-Колтунского сельсовета, Калининского района, Акмолинской области; в 1922—1924 гг. — в своем хозяйстве; в 1924—1925 гг. — счетоводом потребительской кооперации, с. Старый Колтун, Калининского района, Акмолинской области; в 1925—1927 гг. служил в Красной Армии старшим писарем штаба 44-го кавалерийского полка г. Чкалова; в 1928—1932 гг. — практикантом и помощником уполномоченного особого отдела ОГПУ Приволжского Военного округа г. Чкалова; в 1932—1934 гг. — уполномоченным Особого отдела оперативного сектора ОГПУ г. Чкалова; в 1934—1935 гг. — уполномоченным Особого отдела НКВД II кавалерийской дивизии и III авиационной школы г. Чкалова; в 1935—1938 гг. — старшим инспектором отдела мест заключения УНКВД по Чкаловской области; в 1938 г. — оперативным уполномоченным I отделения III отдела УГБ УНКВД по Чкаловской

¹ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 26. Д. 1045. Л. 12—13.

области; в 1938—1941 гг. — начальником I отделения ОБХСС Управления милиции УНКВД по Чкаловской области. С 1941 по 1951 г. — начальник ОБХСС Управления милиции УНКВД по Чкаловской области¹.

Биография 3

КОВАЛЕВ ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ — прокурор Чкаловской области (1941—1946 гг.)

Родился в 1895 г. в Курской губернии. С 1911 г. работал в Донбассе на рудниках забойщиком. В мае 1917 г. за участие в революционной работе был арестован в числе 82 рабочих и выслан на передовые позиции Западного фронта. Затем его эвакуировали в г. Моршанск Тамбовской губернии под надзор полиции. 17 июня 1917 г. вступил в ВКП(б), работал председателем полкового комитета. Участвовал в гражданской войне в должности комиссара 14-й дивизии. В дальнейшем, находясь на фронте, Ковалев П. С. руководил экспедиционно-карательным батальоном войск ВЧК вплоть до 1922 г. В 1922 г. работал начальником губернской милиции Курской губернии. В 1923 г. был назначен помощником прокурора Курской губернии; в 1924 г. — прокурором Льговского уезда Курской губернии; в 1929—1930 гг. — прокурором Борисоглебска Воронежской области; в 1932—1935 гг. — помощником Воронежского облпрокурора; в 1935—1937 гг. — прокурором г. Тамбова; в 1937—1939 гг. — тамбовским облпрокурором; в 1939—1941 гг. — заместителем краевого прокурора Красноярского края; в 1941—1946 гг. — прокурором Чкаловской области².

¹ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 26. Д. 3106. Л. 9.

² ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 27. Д. 628. Л. 5—7.

Научное издание

Блинова Вера Владиславовна
Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна

**Великая Отечественная война и органы
НКВД Южного Урала**

Редакторы И. Н. Рожков, Е. С. Рожкова
Технический редактор Е. С. Рожкова

Подписано в печать 10.11.2007 г.

Усл. печ. л. 13,05

Тираж 500 экз.

Оренбургский государственный педагогический университет
460844, Оренбург, ул. Советская, 19